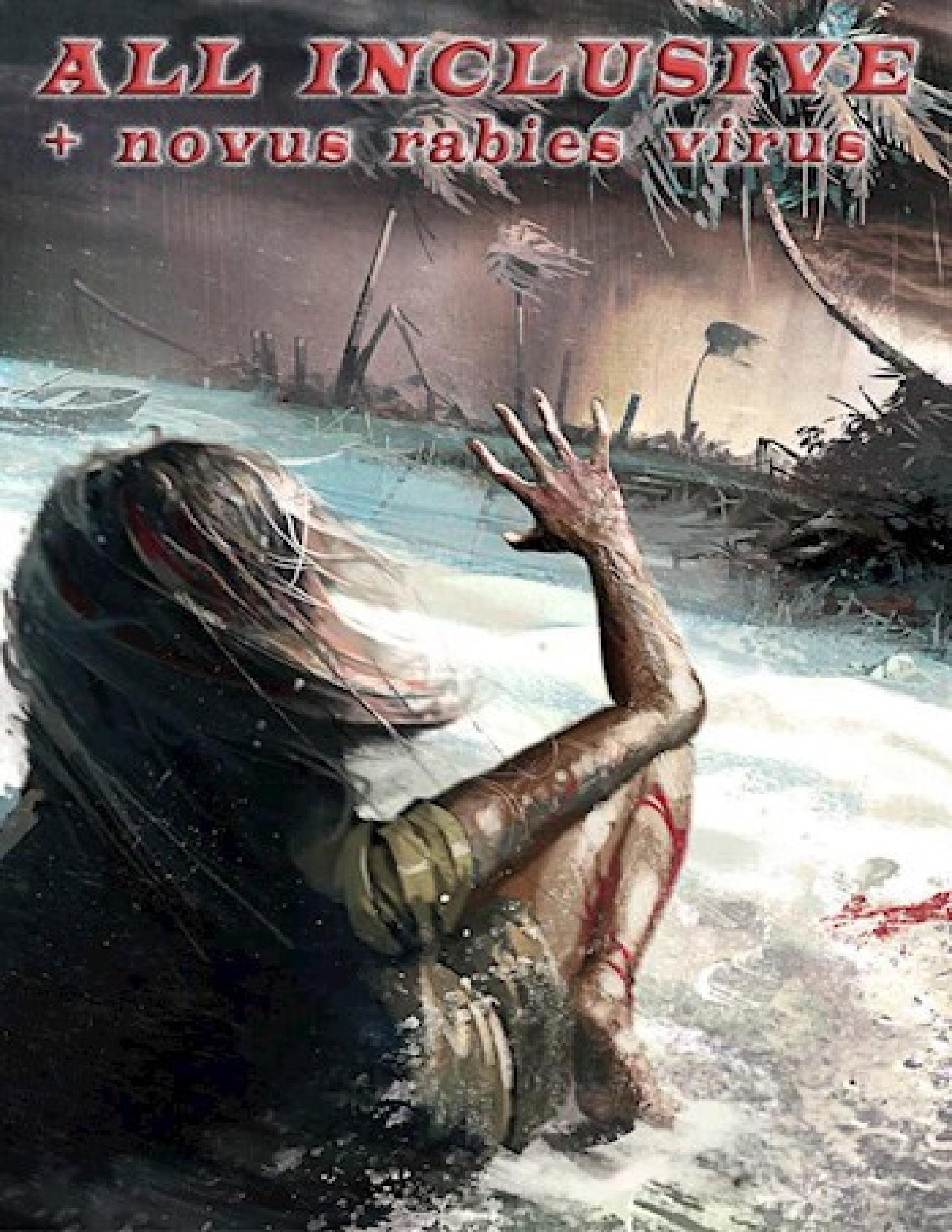
ALL INCLUSIVE
+ novus rabies virus

Annotation

25+ Строго! Наши там (в смысле, на курорте). Если вы толерантны, восприимчивы и любите добрые книги, не читайте это произведение. Книга содержит очень жесткие сцены насилия и жестокие описания обыденности жизни. Безбашенный хоррор, из-за большого количества откровенных сцен наличествует тэг "Эротика".

- Глава 1
- Глава 2. Сергей
- Глава 3. Сергей
- Глава 4. Сергей
- Глава 5. Сергей
- Глава 6. Анжелика
- Глава 7. Сергей
- Глава 8. Марина
- Глава 9. Сергей
- Глава 10. Сергей
- Глава 11. Сергей
- Глава 12. Анжелика
- Глава 13. Виктор и Маша
- Глава 14. Сергей
- Глава 15. Сергей
- Глава 16. Махмуд
- Глава 17. Сергей
- Глава 18. Сергей
- Глава 19. Марина
- Глава 20. Сергей
- Глава 21. Анжелика
- Глава 22. Сергей
- Глава 23. Сергей
- Глава 24. Махмуд
- Глава 25. Марина
- Глава 26. Сергей
- Глава 27. Анжелика

- Глава 28. Эпилог

Эпидемия. All Inclusive

Глава 1

Предисловие.

"Мои предки - русские. Поэтому я вижу, чувствую драму. Я знаю, что внутри меня есть некая сердцевина насилия. Я чувствую, что способен убивать. Мои романы, в которых я описываю преступления, помогают мне освободиться от враждебности. Вы знаете, у меня есть теория: если бы в мире не было писателей, то было бы гораздо больше убийц, насильников и поджигателей"

(с) Сидни Шелдон

Уточнение.

Автор негативно относится к ненормативной лексике, и в целях компромисса с реальностью эмоциональные восклицания и комментарии героев будут выглядеть в тексте примерно так: «Как вы меня [утомили]!».

Предупреждение.

Прошу Вас, еще раз внимательно перечитайте аннотацию, прежде чем приступить к ознакомлению с рукописью.

Пролог

- Да куда же мы едем? – выдохнула она едва слышно, пытаясь скрыть раздражение.

Сильно закусив нижнюю губу, девушка принялась барабанить пальцами по подлокотнику в пассажирской двери. Несмотря на сильный гул в салоне – двигатель подвывал на низких оборотах, в днище градом барабанили камешки и скрипели амортизаторы на выбоинах, ритмичный перестук было хорошо слышно. Накручивая себя в мыслях все больше, пассажирка, сама не замечая, колотила по обшивке все сильнее.

- Маша, прекрати! – не выдержал водитель, встряхнув вихрастой головой.

Мария медленно вздохнула, втягивая носом воздух. Она хотела что-то сказать, исподлобья глянув на спутника, но сдержалась. Сжав зубы, медленно выдохнула, поправила солнцезащитные очки и попробовала устроиться на сиденье удобнее. Мышцы спины и шеи уже тянуло от усталости, ноги налились тяжестью, а раздражение копилось

все сильнее от осознания того, что поездка закончится очень нескоро. Мария отвернулась, прислонившись лбом к боковому стеклу. Зря – тут же ощутимо стукнулась об него пару раз, когда автомобиль переваливался на выбоинах.

За окном не было видно ничего нового; пейзаж не менялся уже больше часа – сквозь пыльные стекла виднелась холмистая, выжженная солнцем желтая земля с бородавками пучков травы и полосками куцего сухого кустарника. Машина ехала по узкой – разъехаться со встречным транспортом проблематично, грунтовке. Дорога петляла среди холмов, теряясь где-то вдали, среди искаженной маревом нечеткой линии горизонта.

- Вик, может уже обратно, а? – всем видом демонстрируя усталость, развернулась на сиденье девушка.

- Как обратно? Вот так просто целый день прокататься и не…?

- Вик, у нас бензина меньше чем полбака! – не дала ему договорить Мария.

- Малыш, просто так потратить целый день и даже ничего не посмотреть, это нонсенс! Смотри, горы уже совсем близко! Соберись, пожалуйста, эти поселения берберов…

Виктор продолжал монотонно рассуждать о том, как интересно и познавательно изучать самые разные уголки страны, вместо того чтобы овощем валяться на пляже.

«Какой же он гундос!» - неожиданно для себя подумала Мария, поразившись тому, как еще неделю назад восторженно относилась к своему молодому человеку.

- Берберы, карелы… лонгольеры, - сморщившись, проговорила она вслух. – Вик, отвези меня в отель, а? Пожалуйста? И катайся один, блин, мне…

Донельзя удивленный Виктор бросил на подругу короткий взгляд и резко топнул по педали тормоза. Локоть сидевший вполоборота Марии скользнул по двери и она как болванчик, будто подломившись, ударилась головой о торпеду.

- Ты что творишь, дебил!? – не выдержала Мария, выпрямляясь. В голове звенело от удара, болела неудачно вывернутая рука.

- Ой, Маш, прости! Прости, пожалуйста! – ударивший по педали тормоза Виктор совершенно не предугадал возможные последствия.

- Ты головой думаешь вообще? – взъярилась Мария.

Раздражение копилось в ней с самого утра – сегодня она вовсе никуда не хотела, просила отложить поездку, но Виктор был непреклонен. Даже когда после обеда неожиданно отказался работать телефон с навигатором, спутник не внял просьбам Маши развернуться и возвращаться в отель – решил продолжать поиски горных селений берберов с помощью обычной карты. Виктор всегда был целеустремлен в организации досуга и выполнении своих планов. Кроме того, он никогда не упускал случая рассказать всем вокруг, что не хочет быть как все «пакетные» туристы; паксов он презирал – ну что это за отдых: номер-пляж-обед-пляж-анимация-номер? Поездку в Тунис Виктор распланировал еще пару месяцев назад: запасся картами, информацией, советами, а теперь путешествовал по стране согласно проложенных заранее маршрутов. Сегодня по плану были удаленные поселения берберов, но после поломки телефона, туристы все же заблудились.

Между тем, смачно выругавшись – к несказанному удивлению Виктора, Маша выскочила из машины и, громко хлопнув дверью, пошагала по дороге обратно.

- Маша! Маша! Подожди! – закричал Виктор, выскакивая вслед за девушкой.

- Пошел на [хрен]! – крикнула Вика, и вскинула вверх руку с оттопыренным средним пальцем.

- Маша?! – в очередной раз поразился Виктор. – Маша!

Она даже не обернулась – так и продолжала шагать, держа спину очень прямо.

- Да и шла б ты в жопу, - выдыхая раздражение, произнес Виктор и с силой пнул колесо машины.

- Что за день… - с накатившей злостью (да как она посмела!) зло замычал Виктор, сплюнул и полез в машину.

Надо разворачиваться.

Обидно – горы совсем рядом, видно уже, что стоит до них доехать? Вот приспичило этой… этой… характер показать, а?.. Коза!

Виктор не замечал, что озвучивает мысли вслух. Внимание его было занято маневром – узкой, выкатанной до каменной твердости полосы хватило едва-едва капот в сторону завести. С укатанной поверхности парень съезжать опасался – песок хоть и выглядел твердым, но лучше не рисковать.

Высунув язык, Виктор быстро орудовал коробкой передач, совсем понемногу дергая машину то вперед, то назад. Приемов через двадцать, когда машина стояла уже поперек дороги, он бросил взгляд в сторону.

Маша удалилась уже довольно далеко. Ее светлая рубашка как раз взметнулась под порывом легкого ветерка. От накатившей злости и раздражения Виктор нажал на газ чуть больше, чем следовало, и капот вдруг неуловимо наклонился перед глазами.

- Черт, - выдохнул парень, со скрежетом включая заднюю передачу.

Двигатель заурчал, но машина дернулась и заглохла.

- Давай, телега ржавая! – выжимая сцепление, сквозь зубы бормотал Виктор, поворачивая ключ.

Двигатель снова взревел, капот повело чуть в сторону, и ввысь взвились два столба песка. Виктор еще раз нажал на педаль, опять мотор завыл, но в этот раз машина даже не дернулась.

- Черт! – хлопнул по рулю парень и вышел на улицу. – [Самка, грязная гулящая женщина]! – выругался он, увидев, что машина, зарывшись передними колесами в песок, лежит передним мостом на земле.

Выкрикнув в небо еще несколько неумелых ругательств, Виктор от души жахнул дверью.

- Маша!!! – заорал парень. – Маша, [девушка гулящая]! – добавил он, и, развернувшись, несколько раз ударил ногой по колесу. При одном из ударов ступня соскользнула с резины покрышки и нога ударилась о металл крыла. Вскрикнув от боли, Виктор со стоном прислонился к машине и кулем сполз на землю, растирая ушибленное место.

Подождав немного, пока боль из ушибленного места уйдет, парень потянулся в салон за телефоном – не смартфоном, а простенькой трубкой с местной сим-картой. Сети не было, и новый поток ругательств полетел в синее небо.

Маша вернулась минут через двадцать. Вспотевшая, растрепанная. Судя по виду, пока девушка шла обратно, она хотела многое высказать своему спутнику, но увидев завязшую в песке машину, не стала.

- Может в страховую позвонить? – нейтральным голосом поинтересовалась девушка.

- Сети нет, - хмуро ответил парень.

- Плохо, - сморщилась Маша. – Что делать будем?

- Вот там, видишь? – прихрамывая, сделал несколько шагов Виктор, обходя машину, и показал рукой вдаль.

Маша прищурилась за стеклами очков, и через несколько секунд различила на грани видимости белые пятнышки на фоне предгорий.

- Это что такое? Дома что ли?

- Может быть, - кивнул Виктор, - там еще гул какой-то, кажется. Может генератор работает.

- А если тут местные…

- Местные тут нормальные, я в интернете читал, - покачал головой Виктор, - если кто в беду попал, обязательно помогут.

- Ну ладно, пойдем, попробуем, - вытаскивая свой небольшой рюкзачок из машины, кивнула девушка.

Забрав из машины с собой всю воду, спутники пошагали по дороге. Идти пришлось долго, понемногу начинало смеркаться. Виктор с Машей нервничали все сильнее, но если раньше, в пути, напряжение выливалось обоюдным раздражением, то сейчас, по мере приближения ночи, наоборот, заставляло держаться ближе друг к другу.

- Ой, смотри, смотри! – даже подпрыгнула Маша от радости, когда в той стороне, куда они направлялись, вспыхнули яркие электрические огни.

Когда спутники дошли до небольшого поселка, уже почти стемнело. Впрочем, особой прохлады наступающий мрак не нес – спина Виктора была насквозь мокрая, то и дело он утирал пот со лба. Парень был непривычен к подобным долгим прогулкам и сильно устал. А вот Мария шагала бодро, даже не показывая признаков утомления.

- Смотри, смотри, Вик, это не деревня! – снова подпрыгнула девушка, осматривая освещенную несколькими фонарями территорию.

Действительно поселение не было деревней. То тут, то там стояли светлые шатры палаток, виднелась стоянка внедорожных машин, поодаль темнела цистерна с топливом, со стороны которой доносился треск генератора. И ни движения не было видно.

Виктору все это напоминало виденную где-то не раз картину, вот только слов описания он не мог подобрать.

- Это как лагерь с раскопками! – озвучила мысли спутника Мария.

- Точно, - кивнул Виктор, и добавил протяжно, - сейчас как мумия выйдет…

- Вик, не пугай! Ай! – вдруг взвизгнула девушка, когда из темноты к ней с рыком метнулась тень.

Заорал от испуга и Виктор, в ужасе отпрыгивая и замазав руками. В ногу ему вцепились чьи-то зубы, рядом замелькали оскаленные клыки и страшные морды, воздух вокруг наполнился рычанием. Крик перешел на визг - не столько от боли, сколько от страха – следом за рычащими тварями из темноты на него бросились темные фигуры, похожие на троглотитов. Будто все фильмы ужасов яркими красками тьмы мгновенно ожили перед глазами Виктора. И тут же очень быстро погасли: набежавшие со стороны лагеря фигуры закричали гортанными голосами, кто-то из собак получил по хребту, раздался пристыженный скулеж, и Виктор с Машей увидели рядом копченые, бородатые, но вполне дружелюбные лица.

Один из арабов что-то спросил Вика на французском.

- Ай донт андестенд. Спик инглиш? – поинтересовался парень.

- Инглиш? – поинтересовался один из арабов, мотнул головой и вдруг развернувшись, направился в глубину лагеря.

- Серж! Серж! – раздался его зычный голос.

Виктор с Машей переглянулись и вместе со вторым арабом, дружелюбно улыбающимся, остались на месте. Прошло всего несколько минут, и ушедший за неведомым Сержем мужчина вернулся в сопровождении невысокого молодого парня в пробковом шлеме.

- Хелоу, - сходу произнес тот, подходя и осматривая нежданных гостей.

- Хелоу! – сделал шаг вперед Виктор, - кэн ю хэлп ас? Ви а…

- Русские? – неожиданно поинтересовался незнакомец.

- Русские, - даже обидевшись, произнес Виктор.

Обиделся не на угадавшего его национальность парня, а просто на жизнь. Виктор считал себя космополитом и мечтал стать гражданином мира, а то, что неизвестный так легко определил его национальность…

- Серж Кротофф, - прервав мысли Виктора, произнес собеседник и, обозначив галантный полупоклон девушке, протянул руку парню.

Серж был доволен произведенным эффектом – у этого русского так лицо забавно вытянулось. Секрет же узнавания был прост – у девушки рубашка была снята, руки оголены почти до плеч и на белой коже левой руки, чуть снизу от того места где ее обнимала ткань футболки, виднелся след прививки. Подобные шрамики только у русских девушек бывают.

- Виктор Геращенко, Мария Панкова, - между тем представил себя и спутницу расстроенный Виктор.

- Что-то случилось?

- Да, мы завязли в песке, - кивнул Виктор, - мы думали здесь найти помощь… или трактор.

- Э, простите? Вы что в песке?

- Завязли, - повторил Виктор. Только сейчас он понял, что в речи собеседника слышен тягучий акцент.

- А, застряли, - поднял руки Серж, усмехнувшись, - я понял. Нет проблем, поможем.

Кивнув арабам, прислушивающимся к разговору, Кротофф быстро сказал им что-то по-французски. Те закивали, бросив несколько взглядов на Виктора с Машей и глянув на гостей, развернулись.

- Пойдемте, попьем чаю, - сделал приглашающий жест Серж, улыбаясь, - меня бабушка приучила к этой русской привычке – постоянно пить чай! Кстати, далеко ваша машина? – опередив на мгновенье открывшего рот Виктора, спросил Серж.

- Около двух часов до вас шли, - звонко произнесла Маша, нарвавшись на недовольный взгляд Виктора – тот сам хотел вести беседу.

- Тогда спешки нет, - улыбнулся Серж, - Сегодня уже переночуете здесь, а утром мы вам поможем – все равно кроме наших машин по этой дороге никто не ездит. Вы…

Вдруг со стороны одного из дальних шатров послышались голоса и, посмотрев туда, Виктор с Машей увидели высокого худого мужчину, который выйдя из палатки, шагал сейчас в их сторону.

- Оу, наш проф наконец вышел из берлоги! – со сдержанной радостью произнес Серж, - подождите минуту!

Переглянувшись, Виктор с Машей наблюдали, как Кротофф некоторое время переговаривается с профессором. После чего, несмотря на настойчивые просьбы Сержа и жесты в сторону

спутников, седой ученый покачал головой, направившись к одной из палаток неподалеку.

- Ух, чую что-то важное мы нашли, - покачал головой Серж, опять возвращаясь к Вику с Машей, - позвонить срочно ему надо, даже разговаривать не захотел.

- Так сети же нет? – удивилась Маша и тут же достала свой телефон. – Ну да, нет, - кивнула девушка, глянув на экран.

- У нас спутниковая связь, - улыбнулся Серж, делая приглашающий жест в направлении одного из шатров.

Через некоторое время Виктор с Мариной пили горячий чай и заинтересованно беседовали с Сержем, оказавшимся потомком русских белоэмигрантов. После нескольких ответов собеседников о России, Кротофф задумался, глядя куда-то вдаль. Видно было, что ему доставляет удовольствие общение с Виктором и Машей.

- Вы чем здесь занимаетесь? – спросила Сержа Маша.

- Раскопками, - улыбнулся Серж, - только вот искали одно, а нашли…

Кротофф поднялся, быстро подошел к одному из грубых деревянных шкафчиков, и вернулся к столу оттуда с кинжалом.

- Смотрите, - с благоговением протянул он нож Виктору.

- Ух ты, - рассматривая потрепанный временем клинок, удивился парень – взгляд его натолкнулся на две руны Зиг в навершие рукояти.

- Да, при том, что войска в СС здесь не воевали, - кивнул Серж.

- СС? – несказанно удивилась Маша, - а откуда здесь могло быть СС?

- Север Африки был театром военных действий во Вторую Мировую, - обозначил тень улыбки Серж, - при всем уважении к важности восточного фронта, но здесь, в странах Магриба, военные действия велись около четырех лет, с сорокового по сорок третий год.

- Ничего себе, - покачала головой Мария, - я даже не знала… и при чем здесь СС?

Неожиданно полог шатра отлетел в сторону и внутрь зашел ученый. Волосы его были всклочены, одежда растрепана, но внешний вид ученого его самого явно не волновал.

«Профессор, позволь представить тебе…» - по смыслу понял содержание недосказанной Сержем фразы Виктор.

Остановив поднявшегося помощника жестом, профессор прошагал в угол длинного шатра и полез в карман за ключом. Постояв немного, судорожно дергая рукой внутри кармана длинного пиджака, ученый наконец-то справился и достал ключ. Открыв сейф, он быстро протянул внутрь руку и достал пистолет.

- Ой! – пискнула Маша, приживаясь к Виктору, а стоящий рядом с седым ученым Серж отшатнулся.

Но профессор на присутствующих внимания не обратил – вставив пистолет в рот, он ни на мгновенье не задумываясь, нажал на спуск. Хлопнул выстрел, и ткань шатра за его спиной окрасилась красным.

Профессор дернулся, но - к всеобщему удивлению, остался стоять на ногах. В глазах его плескался ужас и боль: торопливость сыграла с ученым злую шутку – вместо того чтобы направить ствол вверх, чтобы гарантированно вышибить себе мозг, профессор держал пистолет почти горизонтально, и пуля прошла через шею.

Самоубийца все равно умер, только не сразу – опав на земляной пол, он еще некоторое время дергал ногами, истекая кровью. От каждого звука, когда стоптанные каблуки ботинок ударялись и царапали утоптанную землю, присутствующих пробирала дрожь.

- Чего это он? – неожиданно громко прозвучали в наступившей тишине слова Виктора.

Маша, уткнувшаяся в плечо Виктора, начала тихонько подвывать от испуга.

- [Блин!], - совершенно по-русски, даже в этот раз без акцента, произнес Серж.

- Ешкин-кошкин… - невольно выдохнул Виктор, расширенными глазами взирая на затихшее тело, стекленеющими глазами взирающее в потолок.

- Зачем? – ошарашенно спросил Серж в пустоту.

- Может посмотреть, кому он звонил? – вдруг пискнула Маша из подмышки Виктора.

Глава 2. Сергей

Часть первая.
«Все включено».
Сергей Тишевский, 25 лет
03 октября, вечер

Автобус ехал непередаваемо долго. За окнами не было видно ни зги, лишь едва-едва огни взлетно–посадочной полосы мелькали вдали. Я болтался на поручне в конце салона и мне были хорошо слышно урчание двигателя, с напряжением разгонявшего машину после множества поворотов.

Наклонив голову вниз, прикрыл глаза ладонью, чтобы никто не видел и несколько раз с силой зажмурился. Чуть встряхнулся, сглотнул ком в горле и, стараясь отвлечься от одолевающих меня мыслей, уперся взглядом в обтянутую джинсами попку прямо передо мной. А ничего так - подумал я, оценив ягодицы и длинные ноги в ботфортах на высоком каблуке.

Подняв взгляд, посмотрел в стекло, которое снаружи располосовали косые капли дождя и в четком отражении увидел личико эффектной блондинки. Она разговаривала с подругой, одной рукой держась за поручень, второй жестикулируя. Когда девушка засмеялась, даже в отражении окна стала заметна белизна ее улыбки. К обсуждению подключились парни, как я понял из их компании, причем сразу трое. Так, ну здесь видно не вариант зазнакомиться.

Осмотревшись еще раз внимательно, среди мрачно-темных кожаных и болоньевых спин увидел еще одну девушку миловидную – темненькая, волосы туго назад зачесаны. На меня посмотрела с интересом, улыбнулась уголком рта, но тут же повернулась к пожилой тетке с ребенком на руках и начала сюсюкаться с малышом. Мда, тоже не вариант.

Между тем, автобус все вез и вез нас по бесконечной дороге, удаляясь от терминала Домодедова. На поворотах салон покачивало, и рядом стоящая блондинка периодически терлась об меня. Приятно.

Я все крутил головой, осматриваясь. Внимание привлек парень, стоящий через несколько человек дальше по салону – в отличие от

всех, одетых, как полагается одеваться в октябрьской Москве, этот был в кроксах на голу ногу, широких цветастых шортах и майке. За плечами его висел ядовито–желтого цвета рюкзак. Парень громко смеялся, обсуждая что–то со своим приятелем, одетым как все в салоне. Шаристый - переоделся в аэропорту. Там, куда мы летим, холодно не будет, даже наоборот.

Если прилетим.

Тут парень в цветастых шортах засмеялся дружно вместе со своим спутником, и я почувствовал укол зависти – Стас, засранец, кинул меня с этой поездкой, так что я в одиночестве теперь. Собирались вместе, а он соскочил в последний момент - на работе аврал у него, не смог уехать. Еще разок помянув Стаса добрым словом, я тяжело вздохнул.

Автобус, наконец, замедлил ход и остановился. Приводы дверей зашипели, холодный ночной воздух ворвался внутрь. Подхваченный волной народа, я вышел на улицу, с удовольствием глубоко вздохнув. Достал телефон, посмотрел время – 23:34. Мелькнула надежда, может, кто позвонит сейчас, может на работе что случилось и надо срочно туда ехать. А может… не может, – оборвал я сам себя. Осмотрелся вокруг – большинство уже двинулось к трапу самолета, многие весело переговариваясь, кое–кто торопливо курил. Еще бы, больше четырех часов предстоит без дудки провести.

Будто нехотя, я перевел взгляд на самолет. По сравнению с двумя другими рядом, наш Боинг семь три семь казался совсем игрушечным. С опаской я глядел на двигатели, висящие так низко, как пороги у горной лады приоры.

Еще раз глубоко вздохнув, я резко выдохнул, как будто со стопкой в руке и пошел к трапу. Та самая компания с симпатичной блондинкой двигалась прямо передо мной, и я опять засмотрелся на радующую глаз попку. Когда зашли в самолет, стоял прямо за девушкой, пока стюардесса направляла поток пассажиров. Блондинка коротко обернулась, почувствовав взгляд, и глянула на меня своими небесно–голубыми глазами. Рассмотрев даже несколько веснушек у девушки на носу, я вдруг ей подмигнул, улыбнувшись. Она приветливо улыбнулась в ответ и тут же отвернулась. Место у меня оказалось в самом начале, она же с кампанией ушла по салону дальше.

Я устроился возле окна, закинув свою небольшую сумку с бутылками из дьюти фри под сиденье, и принялся смотреть в темноту

за иллюминатором, по стеклу которого нехотя стекали небольшие капли дождя. Рядом зашуршало, загремело. Соседи нарисовались - догадался я. Не торопясь, выждал некоторое время, обернулся. А ничего соседи – две подружки. И, как это часто бывает, непохожие друг на друга совершенно. Одна высокая, крашеная в темный с медным отливом цвет, вторая наоборот, совсем маленького роста, крашеная в желтый блондинистый цвет.

– Привет,– дружелюбно улыбнулся я. Причем действительно дружелюбно и от души.

Обе подруги замерли, синхронно посмотрев на меня. Они даже головами одинаковые движения сделали – двинув шеей чуть назад, прижимая вниз подбородок и исподлобья на меня глядя. Я с возрастающим удивлением смотрел на них – такие взгляды, будто не просто поздоровался с ними, а предложил водки прямо сейчас на брудершафт глухануть.

– Привет, – неприветливо буркнула наконец высокая и опять зашуршала в багажном отделении сверху. Светленькая тут же суетливо отвернулась от меня, подавая спутнице пакеты, стоящие на кресле.

Ну и ладно, ну и идите в задницу, – с мгновенно накатившим раздражением подумал я, отворачиваясь. Девушки хоть и симпатичные, но красавицами не назовешь. Та, которая высокая, ну как высокая - может едва повыше меня, а во мне метр восемьдесят и не наберется. Вот эта самая высокая широка в кости, лицо крупное – выдающиеся скулы, большой нос. Жопы не видно, но бедра не очень широкие, а груди наверняка почти нет, даже под толстым свитером заметно. У второй с жопой точно в порядке, даже чуть отвислая уже - леггинсы выдают, а высокомерная подруга вряд ли подскажет, что с джинсами выгоднее будет выглядеть. В общем, жопа в порядке, есть за что взяться, но вот на таких коротеньких ногах не очень смотрится. И мордашка у второй стремная, узкая и угловатая. Но не приятная лисичкина угловатость, а мышастость в ее лице присутствует. Тут мой взгляд наткнулся на мужика, сидевшего на кресле напротив – толстого и неопрятного, с тягуче-быдлячьими интонациями общающегося с такой же дамочкой. Ну и ладно, ну и стремноватые обе соседки, зато не такие, как эти тела напротив – сразу прошло у меня раздражение.

Так, все уселись, ремни застегнуты. Самолет немного дернулся и плавно покатился. Я с напускным равнодушием и ленивым интересом

наблюдал за соседями по салону, чувствуя, как подмышками уже влажно от пота. Расставил чуть локти, чтобы не чувствовать, как мокрая кожа трется и тут же ощутил, как капелька пота под футболкой катится вниз. Неприятно – я зашевелился и полез в сумку за леденцами. Пока доставал сосунцы, случайно громко звякнуло стекло, своим звуком прервавшее завязавшуюся беседу у соседок.

Вновь награжденный похожими своей недружелюбностью взглядами, я поправил бутылки в сумке. Четкий набор – баклаха колы, бутылка малибу и литр рома. Нравится всем девушкам, даже тем, которым не нравится. Но бутылки эти я взял больше даже на возвращение – Стас со мной не полетел, а один я не очень уверенно себя чувствую, ни с кем ни мутить, ни знакомиться не получается. А все эти взгляды оценивающие – по привычке. На отдыхе вряд ли с кем зависну, уже и машина в прокате заказана через интернет, завтра подгонят к отелю. Буду по Тунису раскатывать, достопримечательности смотреть. Вот если бы Стас рядом был, тогда да, дальше магазинов возле отеля мы бы вряд ли вообще выбрались за предстоящие десять дней отдыха. Он–то сразу с кем–то знакомится, цепляется, бухает, кадрит, [дерется], занимается сексом, а иногда всем вышеперечисленным одновременно. Полный набор, и я естественно в этом водовороте. С другом моим никакого культурного отдыха, одна жара, даже по ночам.

В одиночестве я так не умею.

– Здравствуйте, уважаемые пассажиры, с вами говорит капитан. Мы рады приветствовать вас на борту нашего воздушного судна, – заговорили динамики.

Я осмотрелся – к речи пилота почти никто не прислушивался. Окружающий меня народ вел себя совершенно обыденно, по виду все опытные путешественники. Ну, или как я, за внешней невозмутимостью скрывающие свой страх полета.

– Наш полет будет проходить на высоте десяти тысяч метров, часть пути мы проделаем над водным пространством, – продолжал пилот, а я краем глаза заметил неподдельный интерес в глазах светленькой соседки.

– Первый раз летите? – полуутвердительно поинтересовался я, поочередно глядя на обеих подруг.

У светленькой моментально появился румянец на щеках, она потупилась, а ответила вторая.

– Она первый раз, – все еще недружелюбно, но вроде немного поприветливей, кивнула высокая на подругу.

– Интересно? – спросил я. Двигатели самолета гудели, в животе у меня ощущался легкий холодок. Хрен бы с их недружелюбием, мне поговорить бы сейчас, отвлечься.

– Диарс леди энд джентельменс… – с акцентом «мутко–стайл» между тем фоном завел капитан.

– Интересно, – теперь уже светленькая сама кивнула.

– Хочешь у окна сесть? – предложил я.

– Хочу! – улыбнулась она, кивнув.

«Хочу, хочу» – непроизвольно передразнил я ее глумливо про себя, быстро вставая, и мы поменялись местами. Я сел у прохода, а высокая подруга пересела на место посередине.

– Спасибо, – несмело улыбнулась мне светленькая.

– Пожалуйста, – степенно кивнул я и широко улыбнулся: – Я на самом деле летать боюсь, мне проще здесь, – говорю, и мельком поглядывая на стюардессу, которая рядом жилет надевала и показывала, как надувать и поддувать его надо.

И еще одна причина есть - сидя рядом с проходом проще до аварийного выхода добраться. Но это вслух не озвучил, естественно.

Подруги между тем одновременно посмотрели на меня с интересом – искренность подкупает, высокая хотела что–то сказать, но неожиданно для нее светленькая успела раньше.

– Тоже первый раз летите? – с некоторой надеждой глянула она на меня.

– Да не, я часто летаю, – пожал я плечами и добавил значительно, но будто между делом, – даже чаще, чем на метро езжу.

И даже не соврал, что самое интересное. На метро я почти не езжу, потому что в Волхове живу, а там метро нет, ха–ха. А в Питер если заезжаю, то на машине только, но очень редко. Летаю действительно чаще, чем на метро катаюсь, вот в этом году уже третий раз на отдых направляюсь.

– Сколько налетал уже, – опять голосом бывалого, – но боюсь все время, как в первый раз. Не, было дело, я и сам самолет пилотировал, легкомоторный правда,– это уже пиздеж откровенный, на самом деле

только видео на ютубе смотрел, но катит, – за штурвалом–то не страшно. Я просто даже на машине нервничаю, когда не сам за рулем.

– Ммм, – поджимая губы, кивнула высокая, которая уже без маски недружелюбности смотрит. Я было открыл рот еще что умное сказать, но тут послышалось четыре подряд звуковых динь–донга.

– Уважаемые дамы и господа, наш самолет готов к взлету. Просим вас привести спинки кресел в вертикальное положение, проверить, пристегнуты…

Чувствую, что ладони повлажнели, и незаметно вытираю их об штаны. Соседки синхронно уставились в окно, ожидая взлет, а я откинул голову на спинку, стараясь дышать размеренно, но все так же невозмутимо смотря по сторонам. Окружающему народу до моей невозмутимости глубоко фиолетово, конечно, но я все равно стараюсь. Двигатели загудели, набирая мощность и самолет, дернувшись, покатился по взлетной полосе. Перестук колес по стыкам плит начал учащаться все быстрее, спину вжало в кресло. Легонький толчок, салон повело, и полоска горизонта в иллюминаторе наклонилась.

– [Зачем] я сюда пришел?! – шепчу беззвучно, одними губами.

Глава 3. Сергей

Высокая назвалась Викой, светленькая Мариной. Обе живут почти в Москве, в поселке каком–то, на «Зэ». То ли Бутово, то ли Мытищи - не расслышал, да и не вдавался, зачем оно мне? Работают в Москве, естественно. Обе приезжие, Марина из Саранска, а Вика из Ярославля.

– Ярославль, красивый город, – лениво ковыряясь в макаронах и придерживая пластиковую крышку миски небесной пайки, все норовящую свалиться, вспомнил я. – Как то туда все собирался по делам, да так и не получилось. Зато картинки посмотрел на Яндекс панорамах.

– Красивый, да, – кивнула Вика, поджав губы.

– Хочу переехать в такой город. Чтобы в центре дома старинные, кремль или крепость. Псков может, Новгород или Ярославль… – хоть о Ярославле я не думал про переезд, рассматривал только северо–запад, но решил польстить Вике.

– И зачем? – взгляд ее вмиг похолодел.

– Как зачем? Жить, – удивленно посмотрел я на нее, пожав плечами.

– Жить… – уголки губ ее чуть опустились, а сквозь симпатичное вроде лицо проступила гримаса, в которой угадывалась смесь ненависти и отвращения: – Там жизни нет… ни работы, ничего.

Светленькая Марина исподлобья глянула на подругу и вернулась к осторожному обращению с макаронами. С непривычки она, уже чуть не уронив пару раз то ложки–вилки пластиковые, то булочку из обеда, все больше помалкивала, поглядывая на нас. В их паре явно инициатива высокой Вике принадлежит, она говорит и спрашивает больше, а эта все помалкивает. Может лесбиянки? Хотя нет - присмотрелся я к темненькой, хоть лицо и грубых черт, но и брови подведены и губы накрашены. Вообще, при первом взгляде на них, решил, что обе молоды, может даже помладше меня, а присмотрелся за пару часов и думаю, что им к тридцати уже близко. Что–то, а возраст определить для меня сложно. У меня такая шкала для девушек внешне привлекательных – те, кто под статью, дальше двадцать пять плюс минус, и третья группа сорок плюс.

– Как это жизни нет? – с трудом все-таки проглотив кусок мышечной ткани курицы, посмотрел я на Вику, – мне казалось, Ярик такой светлый, красивый город. Тысячелетняя история, там по улочкам идешь, наверное, и дыхание древности чувствуешь!

– Сережа, я повторяю тебе, там работы нет. Ничего нет! Тупик в тысячелетней древности, – выражение лица у Вики уже не такое ощеренное, но в словах я с удивлением услышал ненависть к городу. Да, расставались они явно не с большой приязнью.

– А зачем работа, когда деньги и так есть? – натурально удивляюсь я, наивно похлопав глазами. Тут же отмечаю, что взгляд Вики коротко метнулся на мою руку. Проверить, не появилось ли там кольцо на пальце. Марина то более простая девушка - и улыбается непосредственно и смеется искренне, а эта все вопросы с прицелом. А откуда сам? А, из Питера. Давно там живешь? На метро не ездишь, а на чем? А какая машина?

– Марин, а Саранск старый город? – спросил я, и тут же пожалел: если Вика так на Ярославль среагировала, то что сейчас с Мариной будет? Когда название ее родного города на вкус пробуешь, сразу как–то… Саранск. Непривлекательное название. Тут же всплывают ассоциации – Саранск, столица зон, Мордовия… Мордор.

– Старый, – кивает Марина, но в ней ни следа озлобленности, как у Вики, – даже очень.

– А очень это сколько? – спрашиваю я.

– В тысяча шестьсот сорок первом году основан, – поясняет Вика.

– Вау, – искренне удивляюсь я, и качаю головой, – прикольно! Старше Питера!

– Да, – кивает Марина, гордая за свой город, – Сереж, а ты на какой курорт летишь?

– В Маххамет, а вы?

– Мы тоже, – улыбается Марина.

– Прикольно, я машину в прокате заказал, может заеду к вам, покатаемся вместе. А что за отель у вас? – заезжать к ним не собираюсь, просто из вежливости спросил.

– Роял Жасмин, – глянув на Вику, будто стесняясь, поясняет Марина.

«[Вот ведь неудача]», – мелькает у меня мысль.

– О как, – это вслух, – я тоже туда.

– Здорово! – искренне улыбается Марина.

Ну да, здорово. Только я тут столько вам, подруги, лапши на уши навешал, главное вспомнить теперь, что плел. И вливал еще в таком плане, что сам круче яиц, выше гор и бабла у меня столько, что лопатник чуть не лопается, складывать уж некуда. А у самого шесть сотен долларов всего с собой и кредитка на всякий случай. Вот ведь, обычный вопрос при знакомстве в самолете: «А ты в какой отель?», прозвучал только сейчас. Мне–то не интересно было, в какой девчонки отель, я с ними общался так, время скоротать, да чтобы отвлечься, когда самолет потряхивает в турбулентности. У меня ведь даже от малейших вибраций в воздухе яйца от страха готовы в задницу спрятаться.

По мере приближения к месту назначения, как обычно у меня, к посадке страх начал уходить, уступая место облегчению. Все, почти прилетели. Даже если [упадем], то и [черт] с ним, зато скоро.

– Уважаемые пассажиры, говорит капитан… – раздался голос в салоне. Смотрю в иллюминатор – вдалеке, в темноте ночи, видна желтая, подсвеченная живыми огнями полоса побережья.

– …просьба ко всем занять свои места, спинки кресел привести в вертикальное положение и застегнуть привязные ремни, – заканчивает свое обращение капитан. Я смотрю на соседок, которые с интересом пялятся в иллюминатор.

– Самое опасное в полете – это взлет и посадка, – тоном знатока сообщаю я подругам, – а мы еще в начале салона, а это самые опасные места.

Да–да, девчонки, давай бояться вместе!

Но, вопреки всем моим страхам, ничего при посадке не происходит. Плавно коснувшись колесами полосы, наш маленький Боинг еще долго рулил по подсвеченному желтыми с белизной огнями аэропорту. На выходе из самолета почти все не сдерживают возгласов – после кондиционированного салона в прогретый воздух южной ночи выходишь, будто в баню. В пустынном здании аэропорта заполняем карточки, которые нам выдали стюардессы на выходе из самолета – для многих это архисложная задача, потому что пояснения под полями на заполнение написаны только на арабском и на французском.

– Что за говняная авиакомпания! – возмущается рядом со мной женщина, на коленке заполняющая твердый прямоугольник бумажки -

все столы стойки уже заняты. – В прошлый раз нам еще в самолете эти карточки выдали, и заполнить помогли! – женщина глядит на меня, я киваю – действительно, авиакомпания не айс.

Помогаю помочь заполнить карточки подружкам. Особо не парюсь, все равно эти карты нигде не читают.

– Руссо бандито! – шутит араб за стойкой, штампующий мой паспорт, не подозревая даже степени своей правоты. А может профи, по лицам угадывать умеет.

– Сема, сышь, так мы в Африке? – мужик на соседней стойке говорит, не смущаясь тем, что Сема не рядом, а за ограничительной линией стоит.

– В Африке, епта!

– Сема, так какого [черта] тогда это не негр? О–о! Скалится, чует, что за него говорят!

– Ты [жестко упал], откуда тут негры?

– Сам ты [жестко упал], тут же [вот] Африка, [бить-колотить]!

– Здесь арабы [на конец], какие негры?

– Сема, я [ничего] не понял! Какие в [нору] арабы, мы в Африке [сильно бить] ее, или не в Африке?

Я, как и несколько человек вокруг, слегка улыбаюсь, слушая эту искреннюю в своих эмоциях беседу. Забираю паспорт и иду багаж получать. Помогаю снять с ленты чемоданы подружкам и, сориентировав их в сторону выхода, отправляюсь в туалет. Прыгая на одной ноге, снимая джинсы, решаю, что в следующий раз переоденусь еще перед вылетом. Если самолет разобьется, какая мне разница, в чем буду? Зато по прилету удобней на порядок.

Выхожу из сортира преобразившимся – белые найковкие шорты ниже колен, белые кроссы и черная обтягивающая майка. Настоящий южный мачо! – вижу в стекле свое отражение. Волосы у меня черные и сам я смугловат. Не брился уже пару дней, так что еще прокоптиться на солнышке и местный уличный бомонд меня за своего будет издалека принимать. Если не в шортах, конечно, буду - арабы ведь в шортах не ходят.

Выйдя из аэропорта, с удовольствием вдыхаю незнакомый воздух, который пахнет Африкой.

- Айм лавин ит! – пора по-английски говорить. – Мазафака!

Английский я не знаю, правда, но усиленно учу каждый раз, когда в заграницы прилетаю.

Широко улыбаюсь сам себе и выдвигаюсь вдоль стеклянной стены терминала в сторону огромной пустой стоянки. Там виднеются лишь несколько автобусов, с раскрытыми для приема чемоданов боковинами. Я притормаживаю – что–то слух коробит, не могу понять. Прислушиваюсь, вот оно – сирены завывают вдалеке, почти на пределе слышимости.

«И что такого, что сирены завывают?» – спрашиваю сам себя.

Задумался. Прислушался.

Наконец понял – сразу с нескольких сторон сирены. [Вот ведь неудача], а не очередная ли у них тут революция?

На улицу из аэропорта выходит то ли летчик, то ли охранник в синей форме и закуривает. Кожей смугл, местный вроде. Присматриваюсь, эмоций на лице волнительных не написано, спокойный как танк. Ну ладно, если что за нами Москва и батяня комбат. А если что и случится так спасатели на стреме - судя по новостям первого канала, их кашей не корми, дай слетать куда–нибудь. Вот и пусть, если что, мое нетрезвое тело отсюда вытаскивают.

– Комбат–батяня, батяня комбат! – [черт], вспомнил на свою голову, иду теперь и напеваю - не отвяжется мелодия.

Шагаю с чемоданом по центру дороги, не парясь. Сзади светит ярким светом, оборачиваюсь – микроавтобус подъезжает. Отхожу, пропуская, а он прямо передо мной тормозит. Выругавшись, чуть было не ткнувшись в задние двери, я обхожу его по дороге. Слышится суетливый картавый гвалт, походу французы приехали. Мельком осмотрел вывалившуюся из микроавтобуса толпу - вроде да, французы. Чернявые, кучерявые, носы орлиные, на армян похожи. На гасконцев, вернее.

– Мсье! Мсье! – кричит мне один из них, подбегая, и начинает шпарить на своем. Кроме гортанного фирменного говора, вообще ничего расслышать не могу.

– Братан, [ничего] не понимаю! – смотрю ему в глаза, – Спик инглиш!

Гасконец начинает барабанить на инглише. Красавец - два языка знает, может больше даже, не то, что я. Хотя сейчас я кое–как различаю знакомые слова – флайэвэй, дэнжерос, гоу аут.

– Сорри, браза, ай донт андестенд. Спик рашн?

– Рашн?! Рашн?! – гасконец выпячивает губы и делает пассы руками над головой, надувая щеки. К нему подбегают двое и теребят за плечи, а потом и вовсе тянут за собой.

«Мир, смерть» - слышится мне в его криках.

– Peace? Death? – усиленно стараюсь, будто на уроках в восьмом классе, который я так до конца и не закончил, воспроизвести акцент.

– Ноу, ноу, – гасконец все машет руками и уже утаскиваемый своими спутниками, вдруг кивает бешено, – деас, еа, деас! Анд питс деас! Гоу эвэй, ту Раша! Питс деас хиа! – орет он мне, теребя ногами в воздухе – спутники торопливо его едва не несут к стеклянным дверям терминала.

Глава 4. Сергей

В автобусе, который вез нас до отеля, я так и не заснул, вспоминая гасконца. Но на мои осторожные расспросы о положении в стране сопровождающий гид, молодой парень, отвечал отрицательно. Никаких революций, волнений, беспорядков в стране нет, говорит. И взгляд у него не бегающий был, рассказывал как на голубом глазу. Я подуспокоился, конечно, но паникующий француз перед глазами стоял. Надо же, обучил его еще кто – «peace-death».

После получаса езды нас пару раз машины с проблесковыми маячками обогнали, но я уже не стал заморачиваться и грузиться. Едут и едут, если что - МЧС меня спасет. Зато можно будет в новостях с умным видом рассказать потом о своих впечатлениях. Уже было дело, мелькал я там – после того, как во время забастовки авиадиспетчеров пару дней в Италии куковал.

Через полтора часа, уже подъезжая к отелю, с интересом в окно начал смотреть, как только в город въехали. До этого–то все темнота да темнота дальше освещенной обочины.

Маххамет не удивил, в принципе такой же, как я его себе и представлял по опыту посещения Египта – узкие улочки, нагромождение домов угловатой южной архитектуры – такие я и в Греции, и в Турции, и в Египте видел. Вот только грязи неожиданно много, даже в свете фонарей заметно. Грязи много, а вот людей почти не видно. Пропетляв по улочкам, автобус завез нас на территорию отеля.

Речь гида в начале, если честно, я пропустил, потому как барабанил эсэмэски маме и подруге своей. Гид–паренек так монотонно бубнил, рассказывая как Али–Сомали послезавтра в девять–десять–двенадцать будет ждать вас в холле отеля, запишите пожалуйста, это очень важная информация, что его нудеж мне еще сильнее слушать не хотелось. Подружки запишут, сходят и расскажут, если внезапно на встрече отельный гид скажет что–то новое, отличное от того, что говорят обычно. Сейчас же мне, пропустившему в раздумьях перекличку по отелям, было интересно, кто из автобуса еще в наш Жасмин едет. Повезло кстати, вторыми высаживают. И забирать будут

позже, чем остальных. Обожаю смотреть на людей на передних сиденьях, которых первыми забрали, и они уже в пятый или шестой отель заезжают. Радостные.

Когда автобус, обдав нас черным солярочным выхлопом, укатил мимо ряда пальм по подъездной дороге вдаль, к шлагбауму, на асфальте площадки внутреннего двора остались стоять подружки, я и темноволосая девушка с туго зачесанными назад волосами. Та самая, которую я перед вылетом еще заприметил. Рядом сопровождающая ее маман в коляску малыша укладывала.

Когда я коляску помогал достать, кстати, девушка мне благодарно кивнула. Была еще парочка – в отель уже ломанулись. Мужик, лет сорок пяти, плотный и с проседью в волосах и хабального вида толстая тетка, выглядящая старше него – не поймешь, мама или жена.

В холле нас встретили два молодых дружелюбных араба, раздавшие нам регистрационные карточки, уже отельные. Опять только с арабскими и французскими подписями. Быстро заполнил свою и вновь пишу за подружек.

– Извините, вы не поможете? – под сердитым взглядом Вики, которой я сейчас карточку заполняю, подсаживается ко мне молодая мамочка. – Пожалуйста, я совсем ничего не понимаю, - хлопнула она пару раз ресницами.

– Да я тоже, если честно, – улыбаюсь я и, увидев мелькнувшее разочарование в глазах, тут же успокаиваю, – конечно, помогу, здесь все просто. Если ошибки будут, ничего страшного, все равно никто это не читает. Вот здесь имя, здесь фамилия, здесь дата прибытия, дата вылета.

Пока темненькая заполняет свою карточку, я быстро расчирикал на всех трех - себе, Вике, Марине. Подружки идут к стойке рецепшена, а я остаюсь, помогая темненькой.

«Ivanova Ekaterina» – разбираю ее имя написанное.

– А это что? – спрашивает меня Иванова Екатерина.

– Профессия. Пишите менеджер, не парьтесь. Здесь «откуда вы», пишите: Москва.

– Но я из Фрязино, – поднимает она на меня такой взгляд, что мне тут же поцеловать ее захотелось, так эта непосредственность умилила.

У стойки между тем градус беседы повышается, подружки гомонят, тетка возмущается. Я даже знаю почему - наверняка заселять

не хотят.

– Сереж, представляешь, номеров совсем нет! – возмущенно смотрит на меня Вика, облокотившаяся на стойку – говорят, только днем будут!

– Хелоу, май френд! – киваю я девушке, типа понял и, улыбаясь, сую одному из арабов за стойкой паспорт. В паспорте двадцатка сложенная.

– Сорри, месье, – возвращает мне паспорт араб, подталкивая обратно купюру, – но намберс. Афте твелв оклок, – раздельно произносит он и для наглядности показывает на часы.

– Хей, май френд! Ай вонт ту слип ин зе бед нау! – я складываю ладони и подкладываю их под ухо, наклоняя голову. – Май фрэнд, хау мач? – тихо спрашиваю его и тру пальцы в характерном жесте.

– Ноу, ноу, – поднимает он руки ладонями ко мне, – сорри, мсье, ноу намберс!

Киваю ему и не настаиваю – зато двадцатка целая осталась. Вообще с предубеждением к арабам, после Египта, но этот нормальным кажется, смотрит открыто и без затаенной озлобленности.

– Говорит нет номеров, бабки не берет, – это я подружкам. То же самое объясняю подошедшей вместе с маман темненькой. На часах пять утра.

Как привидения, мы все в броуновском движение [гуляем] по холлу отеля, между делом договариваюсь с парнями на рецепшн, чтобы девушкам помещение показали, где переодеться. Потом вроде как не вместе, но дружно всей грядкой идем в ресторан, поражающий размерами – оказывается, единственный на весь немалого размера отель. Из еды пока только лежит разная трава, яйца, булочки и повидло. На шум в зале, связанный с нашим появлением, вышел повар, но поглядев чутка, что мы трезвые и просто жрать хотим, скрылся за дверью. Яйца кстати оказались сырыми, были просто подготовлены к варке. По итогу, все просто попили чаю, заев булочками с повидлом из одноразовых маленьких упаковок.

Багаж остался в холле и постепенно все оказываемся у моря. Темно еще, но небо на восходе уже светлеет. Подружки ушли первыми на шум прибоя, потом и я пошел, сначала пройдясь по территории, заценив бассейны и горки. Подружки, уходя на море, меня не звали, поэтому подкатывая шезлонг к полосе прибоя на изумительно мелком

и светлом песке пляжа, ставлю его поодаль от них. Подумав чуть, дошел до ресторана, благо он тут недалеко, взял стакан себе и [смешал] рома с колой. Так и ходил, прихлебывая, по колено в воде, которая даже сейчас кажется очень теплой.

Хорошо-то как! Даже несколько налетевших мух не смазывают впечатления. Ноги утопают в мелком песке, когда волны лениво набегают, а я с нетерпением жду встающее солнышко. Последний раз рассвет на речке пару лет назад встречал, уже и забыл, как это здорово. Внутри от рома разливается приятное тепло.

– Сереж, а ты что пьешь? – подходит ко мне Марина.

– Ром–кола, – демонстрирую ей стакан.

– Хочу, – неожиданно для меня отвечает девушка.

Неожиданно - я, в общем-то, лишь из вежливости предлагал.

Через некоторое время мы втроем, попивая алкоголь из высоких стаканов, радуемся появлению солнечного диска. Бегаем, дурачась, по ровному песку, фоткаем встающее солнышко, следы на песке, друг друга. Вставшее солнце начало припекать, и мы переоделись – девчонки купальники надели, а я переодел обычные шорты на непопсовые для русских плавательные. Визитная карточка наших на курорте – пузо над узкими плавками, бурги так не ходят почти. Ну а я–то крутой путешественник, сколько уже стран и пляжей исколесил. Не выделяюсь – у меня ж опыта больше.

Марина сразу, как солнце поднялось, нацепила темные очки на пол–лица, даже плавала в них. Пусть плавает, – подумал я, завтра будет без очков загорать, по-любому.

Постепенно начал народ подтягиваться. На пляже, как обычно, было много наших. Не знаю почему, но большинство русских у моря тусуется, а европейцы целый день на шезлонгах у бассейнов. Не могу понять – ладно там, если в каком лакшери отеле, где в бассейнах морская вода, но здесь, где хлоркой тянет от воды так, что даже у бара чувствуется?

Но вообще, конечно, так и лучше, шезлонгов на пляже свободных больше.

Постепенно разговорились с несколькими компаниями, как оказалось улетающими скоро. Вот, говорят, последний раз искупаться вышли за отпуск. Ближе к полудню познакомились с полненькой, приятной внешности хохотушкой Юлей -вдвоем с молчаливой

подругой Сашей они ближе к полудню буквально вползли на пляж. Когда мы с ними разговорились, выяснилось причина, по которой они выглядят подбитыми медузами – в отеле подобралась дружная компания, человек пятнадцать, и каждый вечер дают стране угля. Мелкой крошкой. Девчонки хвалили анимацию, говорили, что пол–отеля до полуночи на ушах и не всегда после праздник заканчивается. Приглашали нас сегодня вечером за общий стол.

Как открылся бар у бассейна, Вика с Мариной периодически бегали к нему за коктейлями, да и мне принести не забывали. И если на завтраке мы были еще относительно трезвые, то когда я ходил забирать машину прокатную на рецепшн, меня уже штормило слегка. Взяв ключи и расплатившись, под внимательным взглядом араба, пригнавшего машину, осмотрел прилично выглядящий Рено Симбол.

– Нот бед, – резюмировал я, – и когда прокатчик что–то затараторил, я его успокоил, – ноу драйв тудэй. Тудэй герлс энд дринкс, а ррр, – я покрутил воображаемым рулем в воздухе, правда, ощутимо качнувшись при этом, – драйвинг туммороу.

- Донт ворри, май френд! – покровительственно похлопал я перегонщика по плечу на прощанье.

Распрощавшись с арабом и безмерно гордый своим английским – еще бы, уже сколько наговорил, и почти ни разу не задумывался, слова подбирая, направился обратно на пляж. Проходя холл, притормозил – там, где раньше было много багажа, стоял только мой зеленый чемодан, в Москве купленный перед самым отлетом и подружкины пластиковые. Чувствуя неладное, я дошел до рецепшн – так и есть, всем уже номера раздали, только мы еще не заселены.

Это наверно все те русские, с которыми мы утром знакомились, номера освободили, и комнаты уже убрали, – логически подумал я. Мне вообще, после того как в лоб дозу залужу, легко становиться логически мыслить. Донельзя довольный собой и своей логичностью, я взял ключи от своего номера и сам покатил туда чемодан – носильщика не было, да и нафиг он мне.

Быстро приняв душ, направился девчонок радовать. К пляжу решил пройти другой дорогой, мимо бассейнов с горками, посмотреть. Горок было много – прокатился с одной, поморщившись, как в бассейн приземлился – стыки жесткие, по жопе пару раз ощутимо тюкнуло. Вылез из бассейна, встряхнулся и задержался ненадолго, удивленный –

увидел неправильных немцев. Как обычно бюргер на отдыхе выглядит? По моим наблюдениям – спокойный, степенный (если трезвый), толстый без меры и розовокожий. Но те трое парней, которые с гоготом и грохотом, будто их табун целый, а не трое, прибежали кататься, от типичных немцев отличались. Молодые, задорно орущие на своем каркающем языке, худые, поджарые. С горок они катались весело и с огоньком – с разбега прыгали вниз, кувыркались, орали, с громкими шлепками приземлялись на поверхность горок, так что даже народ ахал вокруг. Покачав головой, я потопал дальше к пляжу, с мыслями о том, что хорошо подобных немцев мало – такие могут и второй раз до Москвы дойти.

Подружки мои уже на пляже в шезлонги вросли, и уходить не хотели. Но после того, как обе с визгом купаться сходили почти добровольно, мы вместе направились на рецепшн. Я, врубив режим джентльмена, покатил сразу обе их сумки. Получалось не очень и со смехом и шутками мы отправились искать корпус девчонок. Почти не плутали, нашли быстро. Пришлось, правда, в бар зарулить, пиво взять на ход ноги – коктейлями у бассейна не угощали. Найдя номер подружек, и подняв им чемоданы на последний, третий этаж, я намылился свалить.

– Девчонки, я на горки пойду, потом на обед, – обратился я к восторженно кудахтающим подружкам, осматривающим номер.

– А нас подождать? – обиженно сложив губки, пьяно протянула Вика.

– Так вам помыться, в порядок себя привести, – попытался отмазаться я.

– Да мы и так в порядке, – изогнула спину Вика, взъерошив волосы. – Или нет? – тут же она типа глазами сверкнула, посмотрев на меня.

Заверив ее, что конечно они в порядке, я взял стакан с пивом и на балкон пошел, чтоб не мельтешить под ногами, пока она быстро вещи раскладывает. Марина уже в душ забежала, и оттуда раздался звук льющейся воды. Прихлебывая пиво, я наблюдал за тем, как нетипичные немцы бесятся на горках.

– Сереж… – на балкон вышла освежившаяся в душе Марина. Встала рядом и я глянул на нее сверху вниз – росточка она небольшого. Хотел в глаза посмотреть, но взгляд у меня скользнул по

ее груди в откровенном купальнике, там и задержался – есть что откровенничать - размер если не третий, то второй с плюсом. Вот только кожа белая как молоко и под ней вены синие видны. А вот у подруги ее, как я еще в самолете и предполагал, грудь только сосками под купальником выделяется. И жопа плосковата, хотя ноги длинные и красивые.

– Сереж? – снова протянула девушка.

– Что? – встрепенулся я и улыбнулся, – прости, отвлекся.

Марина довольно улыбнулась - она то видела, на что я отвлекся, и хлебнула пива.

– Сереж, пойдем, поможешь мне кремом для загара натереться, – она еще раз глотнула пива. Хорошо так глотнула - прикончив почти все, что в стакане было, и исчезла в комнате.

– Ну, пойдем, – сказал я себе тихо под нос и двинулся следом.

Марина уже побрызгала распылителем спереди, передала мне тюбик с жидкостью, а сама начала медленно гладить себя по животу и плечам.

– Как это эротично со стороны выглядит, – натирая ей спину, хрипло сказал я внезапно севшим голосом, чувствуя, что шорты тесными становятся.

Марина, обернулась коротко, томно стрельнув в меня замутненными от выпивки глазами. Вдруг она выгнулась, ладони ее скользнули себе на бедра, медленно начали подниматься по бокам, выше и выше, чуть задев грудь, потом девушка обхватила свою шею, ее пальцы сплелись и, выгнувшись, она потянулась, вытянув руки вверх.

– Вау, опасно… – протянул я, последний раз провел с нажимом по спине девушки, и положил ладони ей на плечи, притянув к себе. Мои руки скользнули сверху, на округлые полушария, а снизу я специально уткнулся в ее попку своими уже выпуклыми шортами. Марина выгнула голову, потянувшись ко мне губами, только в этот раз прикрыв глаза.

– Ничего себе, оставила на пару минут, – послышался удивленный голос.

Мы с Мариной отпрянули друг от друга от неожиданности под взглядом Вики, которая, завернутая в полотенце, стояла у двери душа, растопыренными пальцами взъерошивая волосы.

– Кремом мажемся, – улыбнулся я, – стараясь незаметно так повести ногами, чтобы шорты не очень выпирали. – Мне поможешь? – нашел я предлог повернуться и протянул тюбик Марине.

– Конечно, – кивнула девушка и обильно распылив мне жидкость на грудь и спину, принялась растирать.

– Помочь надо? – подошла ко мне Вика, в пьяной сосредоточенности.

Нет, зря я все же им в самолете вливал про бабло немеряное на кармане, которого нет, и про квартиру в Питере, которую купил, но жить в ней не хочу, потому что пригород люблю. Девушка Вика уже наверняка меня под венец вела в своих мыслях, а увидев, как я шортами задницу Марины натираю, очевидно, расстроилась. Но, судя по взгляду, отступать не собиралась. Все же она в этой паре рулевая. А может, никакого венца у нее в мыслях и не было, просто то, что Марина позволила себе вперед нее парня закадрить, ее покоробило, – лениво думал я, пока мне грудь и спину гладили в четыре руки.

– Ну, что, на пляж? – оторвала от моих плеч руки Вика.

– Пойдем, – сговорчиво кивнула Марина.

Когда во лбу пол–литра, иногда такие вещи делаю, что на трезвую голову никогда бы и не подумал. Но тут обстановка сама располагала. Я медленно потянул шорты вниз.

– А здесь потереть? – совпал мой вопрос со смачным шлепком, когда отогнутый резинкой спускающихся шорт орган вверх взметнулся и в живот ударился. Умиротворенно подняв подбородок, я лениво взирал на девушек сверху вниз, подумав о том, что не зря стрижку интимную сделал перед вылетом.

Постепенно выражение лица, подобное тому, как у кота бывает, когда бесхозную банку сметаны видит, с моего лица исчезало. Девушки замерли в молчании, не смотря мне в глаза. Ну да, было еще куда смотреть, но потереть ни одна, ни вторая, в указанном месте не торопилась.

«Вот я упорол…», – только мелькнула у меня пораженческая мысль, как вдруг Марина, глянув на Вику, мелкими шажками подошла ко мне и присела. Почувствовав прикосновение ее влажных губ, я растянулся в довольной улыбке и начал наблюдать за шевелением ее светлой головки – очень люблю это зрелище.

Уже не обращая внимания на Вику, я запустил руки в светлые волосы на затылке и начал в такт движениям притягивать голову к себе. А Марина то, какова! Молчала всю дорогу, скромница–тихушница, а исполняет так, что умение неслабое чувствуется!

Я уже не сдерживался, с силой насаживая ее голову на себя, но когда Марина начала покряхтывать, двинулся к кровати, увлекая ее за собой. По пути скинул шорты и избавил девушку от купальника. Марина вновь потянулась губами вниз, а я подвинул к себе ее попку. Она поначалу хотела мне на лицо сесть, но я не дал. Пальцами потянулся к ее ягодицам, и все дальше, дальше, удивившись, какая она уже возбужденная. Когда я засунул внутрь нее сразу несколько пальцев, Марина начала постанывать.

– Есть презервативы? – тихо шепнул я Вике, которая так и стояла в центре комнаты, в полотенце замотанная. Девушка глянула на меня, но на вопрос не отреагировала.

– Есть? – повторил вопрос я. Вика кивнула и полезла в шкаф к своей сумке. Марина между тем уже глухо стонала почти без перерыва.

Вика долго не могла вскрыть целлофан упаковки, но все же справилась. Открыв пачку, она так резко дернула за презервативы внутри, что они рассыпались по ближайшей к ней кровати. Волнуется, наверное.

– Давай, – мы с Мариной были на второй кровати, подальше и я требовательно протянул руку. Думал, Вика сейчас подаст и уйдет, а нет. Девушка быстрым шагом пересекла номер, задернула плотные шторы, так что в номере полумрак образовался, и присела рядом с кроватью. Надорвав блестящий прямоугольник презерватива, она оторвала голову Марины от меня и та сразу же застонала в голос. Я уже свою руку чуть ли не вбивал в нее, а она все требовательно подмахивала попкой. Вика между тем сама раскатала по члену презерватив, оттеснила Марину и, приподняв полотенце, взгромоздилась на меня. Была она не такая темпераментная, как подруга, в процессе дальнейшего действа не стонала, голову не теряла, да и минет делать не хотела - двигалась с закрытыми глазами молча и сосредоточенно. Зато Марина оторвалась - ее стоны и всхлипы всему корпусу, думаю, слышны были.

Глава 5. Сергей

На обед не ходили - некогда было. Потом я, не знаю как подружки, спал, смачно и с удовольствием. Пришли в себя уже под вечер, когда на улицу опустилась густая южная темнота, наполненная терпкими незнакомыми ароматами и стрекотом цикад. Девчонки поначалу смущались, ни друг другу, ни мне в глаза не заглядывая, но стоило пару раз пошутить непринужденно, и мы вновь начали общаться без проблем. Приняли быстро душ по очереди – мелькнула у меня мысль, предложить сделать это вместе, но я ее отогнал.

Ужинать пришли, когда народу за столами ресторана уже было немного. Но та дружная компания, о которой говорила Юля на пляже, была на месте. Хохлушка тоже сидела за общим столом, вместе со своей подругой.

Столов было сдвинуто вместе штук пять, не меньше. Сидели за ними люди разных возрастов, легко и непринужденно общаясь между собой. Душой компании, сразу бросалось в глаза, был высокий и широкий парень, лет тридцати. Он был коротко стрижен, лоб его пересекали несколько длинных шрамов. Массивные надбровные дуги нависали над глазами, подчеркивая грубые черты лица, а когда он поднимал бокал, произнося общий тост, будто дирижируя собравшимися, было заметно, какие у него огромные кулаки.

Товарищ по внешности напоминал бойца смешанных единоборств – своими сломанными ушами и отбитыми костяшками. Хотя главное в человеке душа, конечно же. И чтоб не опасен был для окружающих, если лишнего накатит, – мелькнула у меня мысль.

– О, Сережа! Привет! Вика, Марина, давайте к нам! – заметила нас Юля, привскакивая и перебивая призывающего поднимать бокалы заводилы.

– Оп, оп, здорово! – вышел из–за стола парень и подошел к нам, протянув мне руку, представившись, – Влад! Сегодня прилетели?

Не переставая говорить своим зычным голосом, он повел нас к столу, усадил, расспрашивая про имена, явки, пароли. Присутствующие нас внимательно слушали, встречая одобрительным гомоном шутки Влада про Питер, когда я сказал, что оттуда,

поддержали его комплименты девчонкам и сочувственно покивали насчет того, что мы все утро вынужденно на пляже провели, потому что нас не заселили.

– Ну, народ, мы тут дружно живем, давайте присоединяйтесь! – наконец резюмировал Влад, посчитав процедуру знакомства законченной и тут же прерванный спич превратил в тост за знакомство. В высокий фужер я налил себе воды - парень на меня посмотрел недоуменно, но ничего не спросил. Я сразу после этого к нему как–то расположился что ли, а то бесят личности, которые пристанут как банный лист к нежной коже – выпей, да выпей. Подружки, кстати, подняли бокалы вина красного.

– Ста-арший помощник Лом! – услышал я зычный голос Влада, когда у лотков выдачи пайку себе в тарелку набирал, – организованы ли места у сцены, для доблестных донов и прекрасных сеньорит?

– Так точно, капитан Румпель! – шутливо ответил кто–то, кого я не видел.

Мне зверски хотелось есть, и когда я с тарелкой двинулся к стойлам кормежки, остальной народ - большинство, напротив, уже потянулся к выходу.

– Серега, порубаете и давайте к сцене, там сейчас детское шоу скоро закончится, – поймал меня Влад. Уже уходя, он обернулся, – а ты чего не пьешь, кстати?

– Сегодня уже выпил нормально, пока воротит, – с гримасой пресыщения постучал я пальцами по горлу.

Соврал, конечно, ничего мне не отвратно, я еще много могу залудить. Просто хочется покататься по Тунису, посмотреть, как местные живут. А если сейчас накидаюсь, завтра утром овощем буду, и лениво будет куда ехать. Машину только на три дня взял, отдыхать здесь десять. Успею еще накидаться.

– Ясно, – понимающе кивнул Влад и направился к выходу.

За общим столом народ еще остался. Рядом с Мариной уже уселся какой–то перец, развлекает ее беседой. Паренек молодой, после того как я сел напротив, рядом с Викой, комплиментами в уши Марине сыпать перестал, но разговор поддерживает. Я тоже вставил пару дежурных шуток, все вместе весело посмеялись. Когда девчонки пошли припудрить носик, парень перегнулся через стол и зашептал мне так громко, что всем вокруг слышно было.

– Братан, прости, а ты с какой? – глаза у него пьяные уже, он широко улыбается, в зубах застрявшие кусочки зелени.

– Да ни с какой, – отвечаю, подумав секунду, рассматривая его красное, обгоревшее на солнце лицо, – только утром познакомились.

– Да ладно? Я думал, вы вместе… – все таким же громким шепотом удивился парень и попытался мне подмигнуть, но получилась сморщенная гримаса. – Слушай, ты ведь не против, если… ну, если я…

– Да не парься, братуха, нормально все, – похлопал я его по плечу, –давай только, в рамках приличий.

– Конечно! – уверил меня довольный парень, откидываясь обратно на стул.

– Народ, пойдемте уже, начинается! – одна из женщин привстала из–за стола, прислушиваясь.

Действительно, напевы детских песенок, которые звучали во всех отелях, где был, закончились, и послышался голос ведущего. Я дождался подружек, и вместе потянулись на улицу потихоньку, к сцене у бассейна. Выходя из ресторана, столкнулись со знакомой молодой мамочкой - Ивановой Екатериной, которая вела наследника с детского праздника. Улыбнулся ей, а она, держа сына за ручку, улыбнулась в ответ. Зато идущая за девушкой маман окинула меня очень неприязненным взглядом, поджав губы. Странно, с чего бы? Утром, когда я помогал карточки заполнять, приветливо на меня смотрела.

Впрочем, меня прищуренный взгляд пожилой леди особо не тронул и вместе с подружками мы начали протискиваться между столами. Наш, самый большой, стоял в первом ряду перед сценой, на которой сидел ведущий, говорящий попеременно на разных языках – английском, французском, немецком и русском. Вот полиглот какой, – я даже уважительно покачал головой.

– Вам коктейлей взять? – спросил подружек и когда они кивнули, показал в сторону гомонящих наших, – усаживайтесь тогда, подойду сейчас.

Авось, подойду когда, сяду отдельно от них. Не хочется мне как–то с ними продолжать, слишком уж много я им лапши на уши навешал. Да и не в моем вкусе обе. Хотя Марина, ммм… Марина… А может замутить все же, на время отдыха? Как она кричала сладко, музыка –

при воспоминаниях об изгибающейся в моих руках Марине, тут же почувствовал, что легкие шорты сейчас станут тесноваты.

Пытаясь избавиться от воспоминаний, картинами встающих перед глазами, принялся рассматривать суетившихся за стойкой барменов. Два молодых паренька, у одного из них, постарше, волосы обильно смазаны гелем и зачесаны как–то… [не по-мужски]. Второй без выделяющейся прически, но совсем молодой, лет может шестнадцать. Голос у него противный – певучий и писклявый.

– Кофе, с молоком, – говорит ему тетка передо мной.

– Коффи, энд? – парень кривляется, выделяя буквы «ф» и «д», произнося их с придыханием, выпятив губы.

– С мо–ло–ком! – раздельно произносит тетка и тычет пальцем в сторону кружки, в которую сейчас струйка кофе льется из кофемашины.

– З мо–льйо–коммм, – певуче передразнивает ее паренек, подхватывает кружку, льет туда молоко и говорит ей, – виз милк! Коффи, виз милк! – опять нараспев повторяет он, улыбаясь. В огромных его глаза, выделяющихся на темном лице, нескрываемой раздражение.

Кружка, которую он ставит на стойку, громко звенит о блюдце, несколько капель кофе выплескиваются из нее и падают на гладкую поверхность стойки, растекаясь по поверхности, обклеенной под мрамор. По каемке в блюдце бежит светло–коричневая жидкость, медленно обнимая кружку. Тетка, не обращая внимания, подхватывает кофе.

– Бесят, да, дружище? – услышал я голос позади. Обернулся – рядом Влад стоит и пристально на паренька смотрит. – Давай, Серег, заказывай, - это он уже мне.

– Ту коктейль, фо вумен, – показал я бармену два пальца.

– Фор водка, ту джин виз тоник, фри виски, энд джус, – это Влад следом заказал другому.

– А как же только два стакана в одни руки? – удивленно спрашиваю я.

– Шутишь, я тут уже неделю, – улыбается Влад.

Когда ему поставили стаканы на поднос, мы двинулись к общему столу. Девчонки оказались на другом от меня конце, периодически посматривая на меня, потягивая коктейли. Беседа на том краю шла

оживленная, явно непринужденная, и понемногу стрелять в меня глазками стали поменьше.

Ведущий между тем, закончив длинный спич на французском, начинает какой–то конкурс. Вокруг шум, гам и когда он говорил на русском, я суть уловил плохо, но мне Влад объяснил – сейчас ведущий будет объявлять страны, из которых есть гости в отеле, а представители этих стран должны орать как можно громче.

Беседуя с Владом, я краем уха слушал, как в ответ ведущему кричат представители Франции, Германии, Великобритании, Дании – интернациональный отель, оказывается. Так удивившие меня утром нетипичные немцы, кстати, оказались швейцарцами. Причем, хотя и была у них компания человек семь, вместе с девушками, рявкнули так, что Влад демонстративно им похлопал – парни дружелюбно оскалились в ответ.

Русские в конкурсе – как обычно, со слов ведущего-полиглота, снова выиграли, и он принялся зазывать людей на танцпол.

– Эй, Махмуда опять забыл! – крикнул Влад.

– Что-что, простите? – с полупоклоном поинтересовался ведущий.

Влад покосился на смуглого парня за нашим столом, а тот в панике замахал руками.

- Не, не, ничего, - к несказанному облегчению неизвестного мне пассажира, ответил Влад ведущему и тот сразу же отвлекся, вновь заговорив в микрофон.

– Махмуд, ну как так, – укоризненно покачал головой Влад, - показал бы всем Узбекистан.

Махмуд только рукой махнул, отворачиваясь.

- Бригадир мой, нормальный парнишка, - прокомментировал Влад, и тут же нахмурился, пытаясь вспомнить, что он мне рассказывал до этого.

- Слушай, а ты кем работаешь? – поинтересовался я.

– Меня зовут Себастиан Перейра, торговец черным деревом, – с донельзя серьезным лицом произнес он знакомую фразу. – Гружу рабочую силу отгружу хоть поштучно, хоть тоннами. Надо?

- Да нет, спасибо, - лишь покачал я головой.

Между тем начались танцы. Почти все девушки из–за нашего стола выбежали на сцену. А все мужчины на месте остались. Естественно, мужики не танцуют - да и трезвые пока.

Я, мимоходом кивая и односложно отвечая Владу, в задумчивости поглядывал на аппетитную задницу Марины, которую разделяла на две половинки заметная под платьем полоска белых трусиков. Пока поглядывал, среди танцующих с удивлением заметил молодую мамочку. Ребенка с ней уже не было, волосы распущены, водопадом спускаясь по плечам, длинную юбку до пят сменили джинсовые шорты – ткани на них два едва ягодицы прикрыть. Заметил, как после танцев она – разрумянившаяся, с часто вздымающейся в глубоком декольте грудью, приземлилась на стол поодаль, где расположилось несколько семей. Отвлекая, на колени мне приземлилась Вика. Некоторое время побеседовали ни о чем - изредка дурака включал лишь, не реагируя на недвусмысленные намеки. Потом объясняю, что завтра утром собираюсь до Эль-Джема доехать, поэтому уже сейчас спать иду. «Не, Вик, спать, реально! Мне завтра километров пятьсот проехать надо, а вечером приеду, снова увидимся, окей, красотка?»

Моя поездка в планы Вики не входили, о чем она мне и сообщила. Обстоятельно рассказала, что Марина уже успела купить себе экскурсию в Сахару на завтра, а одной ей совсем неинтересно. Она хотела рассказать мне много чего, но улучив момент, я выскользнул из-за стола.

Спать не хотелось, поэтому взял в баре чай и присел в холле отеля на диване и воткнулся в телефон – интернет есть, надо новости посмотреть. Как обычно, завис надолго – спортивные, новостные сайты, котики и прочая [ерунда]. Вот смысл мне знать о том, что какой–то [депутат] в голландском парламенте заснул во время заседания? Но все равно читаю, мозг себе загружаю. Еще выкладываю в контактик пару утренних эффектных самострелов на фоне рассветного моря.

«Я в Тунисе, [дивитесь]!» – пишу гордо в статусе. Пусть все обзавидуются на промозглой и сырой сейчас Родине.

Кинул смартфон на стол, а сам пошел к бару – еще чая выпить и можно в номер уже. Пока сменившийся бармен, уже не тот скрипучий малый, с ненавистью взирающий на окружающих, готовил мне чай, услышал позади пьяный нудный голос.

Обернулся и слегка удивился - мимо шагала мамочка Катерина, а к ней клеился мужичок лет сорока - точно, вместе они за столом сидели. Но он вроде с женой был – припомнил я. Какой кадр, а?

Женушку сплавил, глаза залил и интрижку хочет закрутить по–быстрому. А мамочка тоже не промах, оказывается. Хотя… я присмотрелся и, судя по виду девушки, от назойливого кавалера она явно хочет избавиться. Как раз в этот момент Катерина искусственно улыбнулась спутнику и попыталась уйти, но он придержал ее за руку, что–то пьяно рассказывая. Девушка между тем, несколько растерянно оглядываясь, заметила меня.

– Катя! – воскликнул я, отлипая от стойки. – Катерина, вот так встреча! – быстро подошел к парочке. – Как рад тебя видеть! Ты с мужем здесь?

– Э… – изумленно глянула на меня девушка, – Н–нет.

– Опять он дома остался? – я приобнял ее за плечо и обернулся к ошарашенному мужику подпитому, – Извини, дружище, мы с ее мужем одноклассники, давно не виделись! Так что Екатерину я у тебя украду…

Несостоявшийся кавалер похлопал глазами, не сразу догнав, что у него девушку увели. Потом он еще некоторое время стоял посреди холла, все порывался к нам подойти, но все же не решился и, пошатываясь, пошагал к выходу.

– Все нормально? – когда тот скрылся, посмотрел я на мамочку.

– Да, спасибо, – выдохнула девушка, – пристал как банный лист к заднице.

Она прищурилась, вглядываясь сквозь стеклянные двери. Присмотрелся и я – белая рубашка ухажера маячила в темноте улицы.

– Пойду чай заберу, – повернулся я к стойке, – тебе принести чего?

– Коктейль возьми, – после секундного раздумья произнесла девушка. – Посижу с тобой чуть, не против? Пока тот, – кивок в сторону дверей, – не ушел.

Да я и не был против. Вернувшись от стойки бара с чаем и высоким стаканом, поставил коктейль перед девушкой.

– А что муж не полетел? Работы много? – между делом пролистывая ленту соцсетей, спросил ненавязчиво. Типа беседу поддержать.

– Муж, – скривилась Катерина. – Муж объелся груш!

«Оп, оп, опасно!», – мелькнула у меня мысль. Надо скорей чай допивать и сваливать, а то одинокая дама с ребенком может круче

чужого в хищника вцепиться.

– Ты в танчики играешь? – спросила меня девушка, тряхнув длинными локонами.

– Что? - застигнутый врасплох вопросом, я удивленно посмотрел на нее.

– Игра есть, Мир танков. Знаешь?

– А, знаю, конечно, – кивнул я.

Покажите мне кого, кто «World of Tanks» не знает.

– Ну, танчики. Вот и спрашиваю, играешь?

– Ну как, играю - пару раз месяц погоняю. Прикольно же, но у меня времени нет.

- А у моего мужа время есть. На семью нет, а на игрушки есть. Он может забыть, что день рождения у ребенка, зато в танчики свои зайти не забудет никогда. Целыми ночами там сидит, все свободное время! – Катя пожала губки зло, сверкнув глазами. – Я могу в белье кружевном мимо него ходить, да и без белья! А он от своих танков не отвлечется даже! Представляешь?

– Не, не представляю, – абсолютно искренне покачал я головой, демонстративно глянув оценивающе на два аппетитных полушария в вырезе футболки, – если ты, да в кружевном белье, рядом со мной… какие танчики?

Щеки у девушки порозовели немного, она отхлебнула коктейль и облокотилась на стол локтями, держа стакан перед собой, будто от моего взгляда свою грудь защищая.

– Слушай, а… работа? – с интересом спросил я Катерину.

– Да работает он, зарабатывает хорошо, нам хватает. Вот к морю меня отправил, когда я ему скандал закатила. Представляешь, и ревнивый ужасно, маму свою заслал со мной. А то, что у него жена неудовлетворенная ходит, ему поровну! Живая жена по вечерам рядом, а он в сортире напряжение сбрасывает! Вот как так?! Ничего не надо, кроме танчиков своих!

Вау, как ее занесло. И кстати, внутри у нее явно не один и не два стакана уже – просто сначала не так заметно было, зато сейчас, когда она чуть расслабилась…

– А я ведь люблю его до сих пор! Знаешь, мы только когда встречаться начали…

Так, куда–то ее не туда кинуло. Про ее любовь слушать, у меня желания нет совсем. Пора бы и закругляться.

– Кать, может… – хотел я спросить, не проводить ли ее до номера, но девушка меня перебила.

– Сереж, погоди! Слушай, ты с какой из тех колхозниц замутил? – словно забыв о своих воспоминаниях, лукаво посмотрела Катерина мне в глаза.

– В смысле? – ее вопрос застал меня врасплох.

– Да ладно, в смысле, – несмешливо ответила девушка и пояснила, – у нас номер рядом с ними. Маман мне все уши прожужжала - я–то на море была весь день, а ты ей спать не давал!

– При чем здесь я? – с деланно удивленным видом покачал головой.

– Ты из их номера выходил вечером, маман тебя впалила, так что не отмазывайся! Сереж, ну расскажи, с кем? – во взгляде у Катерины неподдельный интерес.

Я слегка замялся, и это не укрылось от Катерины.

– Неужто с обеими? Что, серьезно с обеими? – удивилась Катя, увидев мою непроизвольную усмешку после вопроса.

Вздохнув, девушка допила коктейль. Поставив бокал на стол с глухим стуком, она и расстроено протянула:– Ну, блин…

– Что такое? – удивился я ее погрустневшему выражению лица.

– Почему у моего мужа такого друга нет, а? – спросила Катя.

Или я туплю, или она уже много приняла, или все вместе взятое, но уже который раз не могу за ее мыслью уследить.

– А был бы такой друг у твоего мужа, и что тогда?

– Знаешь, какие друзья все у него? Рохли. Был бы такой, как ты, было бы хоть с кем ему изменить, – без тени смущения посмотрела молодая мамочка мне прямо в глаза.

Уже поднимаясь по лестнице, мы страстно целовались. Ее настойчивый язык весь мой рот исследовал, периодически в ухо ныряя. Вроде она мне и засос поставить успела, пока я ее на руках немного пронес. Раздевать Катерину начал еще в коридоре, одной рукой стягивая с нее кофту, второй пытаясь ключом в замок попасть. С грохотом ударилась в стену дверь, когда мы ввалились в комнату. Быстро полетела в сторону ее футболка, следом шорты. Мои руки

потянулись к аппетитной груди, но снять бюстгальтер девушка мне не дала: «Я кормлю еще, грудь болит», – шепнула она.

Видно было, что по сексу Катя изголодалась. Ее тело била дрожь нетерпения, когда она помогала мне избавиться от одежды. Сняв с меня майку, девушка жадно принялась целовать мне грудь, но как я не толкал ее голову ниже, не поддалась. Сплетенные в объятиях, мы упали на кровать, и она сорвала с меня шорты, пока я вскрывал пачку презервативов. Стоило мне только надеть, Катя сразу же запрыгнула на меня, повалив на спину, резко насаживаясь. Удовлетворенно выдохнув, она зажмурилась и тут же начала с кошачьей грацией двигать тазом и бедрами, постанывая.

Столько возбуждения было в жадной до наслаждения девушке, что я резко почти сразу шумно выдохнув, прижал девушку к себе. Когда снял ее с себя, Катерина даже не сдержала возгласа разочарования.

«И это все?» – будто говорил ее уничижающий взгляд из–под ресниц.

«Не, не все» – мысленно ответил я, вскрывая следующий презерватив. Подхватив девушку под бедра, я чуть подтолкнул ее, поставив к себе задом.

– Давай, детка, – похлопал я ее упругой ягодице. Катя выдохнула со всхлипом и схватила кровать за изголовье, грациозно выгибаясь. – Давай, давай! – опять пару раз хлопнул я ее, толкая тазом вперед, постепенно увеличивая амплитуду движений. Схватился руками за две удобные косточки на талии, с силой притягивая ее к себе. Девушка еще больше выгнула спину, пряча лицо в подушке и гася в ней стоны.

Громкие шлепки наших тел и на улице, думаю, слышны были – балкон, уходя днем, как и шторы, я оставил открытым. И светильник в изголовье горит, так что если смотрит кто в окно, нас хорошо видно. Повернулся – так и есть, в соседнем корпусе на одном из балконов виднеется овал лица. Я улыбнулся и, убрав руки за голову, скрестил пальцы на затылке, двигаясь еще быстрее.

Ладно, посмотрели, и хватит – я чуть замедлился, навалился всем телом на хрупкую девушку подо мной и потянулся к светильнику, выключив его.

– Аа… Аа… – в голос застонала Катерина, поднимая лицо от подушки, – не останавливайся! Не останавливайся [пожалуйста]!

Нравится мне, когда девушки кричат и ругаются во время секса.

Катя продолжала несвязно призывать меня не останавливаться и продолжать. Когда она закричала в экстазе, я тоже не сдержался, даже не заметив, как с силой потянул ее за волосы, заставляя изогнуться. Катя еще раз вскрикнула и отстранилась, упав ничком на кровать. Она чуть извивалась, не переставая стонать, ее сплетенные ноги крупно дрожали, будто в судорогах.

Одна грудь вывалилась из бюстгальтера – ну вот, опять [обман]. Грудь большая, но растянутая во время кормления, лопухом свисает вниз. Зато в бюстгальтере выглядит так, что сразу все мысли вон и глаз только туда тянется.

Я лег рядом, снял бюстгальтер и начал ласкать и целовать соскучившиеся по свободе груди. Катя едва постанывала - соврала мне про то, что болит, просто вида их обвисшего стеснялась. С груди я перешел на спину, целуя ее по позвоночнику, шепча о том, какая она классная. Девушка понемногу начинала громче и глубже дышать. Я положил ее на живот и надел следующий презерватив, стараясь делать это незаметно.

Одной рукой поглаживая девушку по спине, второй я потянулся к ящику в тумбочке. Достал оттуда выложенный вместе с пачкой презервативов тюбик смазки – вот чего мне днем с подружками не хватало. Продолжая гладить Катю по спине, обильно выдавил гель на ладонь, коленом чуть ноги Кате раздвигая. В последний момент она почувствовала неладное, попробовав отстраниться, но меня уже было не остановить. Я лег на нее всем телом, вдавливая в кровать – вот так подруга, вспоминай свое разочарование в начале.

– Нет–нет–нет не надо! Прошу тебя, не надо! – быстро и не очень внятно заговорила Катерина. Медленно, но неотвратимо я наваливался на нее все сильнее, а она уже заголосила, – стой! Куда [ты]?! [Сережа], ты что делаешь!? Ты порвешь меня сейчас, ты порвешь мне все! Не надо [пожалуйста]!

Я приостановился, замерев, приподнявшись на локтях, но все так же прижимаясь тазом, когда она голос повысила. С минуту полежали почти тихо, я лишь целовал девушке шею и плечи.

– Прошу…прошу… мне больно, Сережа, прошу тебя… не надо… – периодически шептала Катя, но уже начала тихонько двигать попкой.

Не надо… – задвигалась она активнее. Я прижался к ней до упора, уже не встречая сопротивления. Катя глухо застонала, закусив подушку.

Вот так, Петруха, Колян, Андрюха, или как тебя там? Продолжай шпилить в свои танчики, пока кто–то будет шпилить твою изголодавшуюся по сексу женушку – подумал я, лаская и удерживая извивающееся подо мной тело.

Глава 6. Анжелика

Анжелика Новицкая, 23 года
4 октября, поздний вечер

- Курицу или рыбу?

Голос мужской, незнакомый.

Все тело тянуло слабостью.

- Лика, курицу или рыбу?

А этот голос женский, знакомый.

Затекшие мышцы скованные мерзкой усталостью, отказывались повиноваться.

«Неужели это мне?»

- Лика, солнышко, надо покушать.

- Не хочу… - она не поняла, сказала она это про себя, или вслух.

«Неужели можно вот просто догадаться разбудить меня сейчас?»

- Лика! Лика! – чья-то рука продолжала теребить плечо. – Курицу или рыбу?

«Какая курица, о чем она?»

- А? – не открывая глаз, преодолевая слабость, все же произнесла Анжелика.

- Лика, курицу или рыбу? Говори, молодой человек ждет!

- Ничего не буду, - приподнятая на мгновенье голова девушки мотнулась на шее, перекатившись по подголовнику кресла и глухо ударилась, снова прислоняясь к обшивке салона рядом с иллюминатором.

- А вдруг захочешь? Давай тебе курицу возьму?

- Мам, бери что хочешь, - пробормотала Анжелика, чувствуя тянущую усталость затекших мышц во всем теле и пытаясь хоть как-то устроиться поудобнее.

- Или рыбу?

[Как мне это все дорого!]

Анжелика собралась с силами, вновь приподнялась и посмотрела маме в глаза.

- Курицу? – взгляд за толстыми стеклами очков выражал искреннее участие.

- Мам, я блевать хочу, - преодолевая слабость, произнесла Анжелика. - У вас же есть пакеты? – обернулась она к бортпроводнику.

- Да, конечно, - закивал головой бортпроводник, - вам… прямо сейчас?

- Не знаю, - раздраженно выдохнула Анжелика, и прикрыла глаза, снова откидываясь на спинку кресла.

Ее узкое, точеное лицо побледнело, несмотря на густой отпускной загар. Скулы у девушки обострились, щеки впали – еще бы, уже сутки она ничего не ела. И не пила почти – на каждый даже маленький глоток воды желудок отвечал мгновенно.

Позавчера на ужине в отеле Анжелика съела явно что-то не то. А утром в день вылета она как зашла в туалет, так почти до вечера из него не выходила – казалось, девушку сейчас вывернет наизнанку.

Всю ночь Лика боялась, что не сможет доехать до аэропорта, но к утру ей стало немного лучше – чему способствовало проглоченные полпачки таблеток. Сейчас от отравления осталась лишь тянущая слабость - такая, что даже руки не поднять.

Соседка, расположившаяся на месте у прохода, между тем начала возмущаться словами Анжелики – как это так при ней, да перед обедом вот так просто: «блевать». Мама, тут же почувствовав себя в родной стихии, полезла с соседкой в спор, а Анжелика просто достала телефон и, надев наушники, попыталась отключиться.

Следующие несколько часов она провела в полубеспамятстве – ее мутило, подташнивало, внутри все крутило, но к счастью в туалет бежать не потребовалось. К окончанию полета Анжелика даже немного пришла в себя, вынырнув из состояния полусна. Вытерев струйку слюны в уголке рта, она воровато огляделась, не видел ли кто, и глянула в иллюминатор.

За толстым стеклом была сплошная серая хмарь облаков.

«Октябрь» - поежилась девушка, представляя серый и хмурый осенний Питер.

- Полчаса уже летаем!

- А? – крепко зажмурилась Анжелика, пытаясь сморгнуть сонливость, обернулась к маме.

- Полчаса уже летаем! Капитан, - мама сделала витиеватое движение рукой, видимо намекая на громкую связь, - сказал, что нам пока не дают посадку!

- Гудит и гудит, гудит и гудит! – недовольно добавила мама. Глаза ее за стеклами казались огромными, да и выглядела она возмущенной.

Тут и Анжелика почувствовала неправильность в окружающей действительности – двигатели не ровно урчали, как это бывает, когда самолет летит по прямой на максимальной высоте, а периодически то завывали, то затихали. Чувствовалось, что самолет периодически заваливается на крыло, кружась над аэропортом.

Мама вернулась к дружелюбной беседе с соседкой, и под гомон голосов Анжелика попыталась уснуть вновь, но уже не получалось. Неожиданно прозвучало несколько звуковых сигналов.

- Уважаемые пассажиры, с вами говорит капитан! Сообщаю вам о том, что нам наконец-таки дали разрешение на посадку! Прошу вас занять свои места и пристегнуть привязные ремни!

Голос командира воздушного судна был заразительно весел и задорен. Анжелика даже подняла бровь в удивлении и мама, которая вполне себе заинтересованно беседовала с соседкой, несмотря на недавнюю размолвку, это заметила.

- Там летчик говорливый такой, - покачала мама головой, глядя на дочь, - всю дорогу посмотрите налево, посмотрите направо! Мы вот это море пролетаем, а теперь вот это! А если посмотрите туда, увидите этот город!

Анжелика не поняла, то ли мама возмущается говорливостью пилота, то ли наслаждается тем, что командир самолета приобщал ее весь полет к географии за иллюминатором.

Но тут девушке стало не до этого – самолет лег на крыло и довольно-таки резко начал снижение. В ушах моментально будто вакуумная пробка появилась, и Анжелика зевнула. Потом еще раз. И еще.

Помогло – возвращенный слух налил ватный гул в салоне силой. Местами слышались недовольные быстрым снижением голоса пассажиров. Уши у Анжелики опять заложило, и она одной потянулась к сумочке за леденцами, второй рукой прикрывая рот, насильно заставляя себя зевать.

В иллюминаторе видно ничего не было – сплошная мгла серых облаков.

Уши уже чувствительно болели и, судя по недовольным возгласам, не только у Анжелики – многие в салоне почувствовали

резкий перепад давления.

Земля показалась как-то вдруг и совсем рядом, замелькали маленькие сейчас деревья, быстро-быстро побежало картинкой серое осеннее поле. Самолет неуклонно приближался к земле, Анжелика приникла к иллюминатору, с интересом наблюдая за посадкой.

В последний момент, когда земля уже была совсем рядом, самолет размашисто махнул крыльями, и тут же колеса с силой ударились о взлетно-посадочную полосу. Заревели двигатели на реверсе, и понемногу воздушное судно начало притормаживать.

«Шумахер», - под дружное традиционное, немного нервное сейчас хлопанье в ладоши выдохнула про себя Анжелика, наблюдая за леском неподалеку, деревья которого сейчас замедляли свой бег.

По посадочной полосе ехали долго. Очень долго. В иллюминаторе мелькнуло здание одного терминала аэропорта, потом другое. Несмотря на объявление по громкой связи, большое количество пассажиров как всегда уже поднялось, и столпилось в проходе, сжимая свою ручную кладь и гремя бутылками в пакетах.

- Быдло трамвайное, - хмыкнула Анжелика, беззастенчиво осматривая стоящих в проходе людей. Девушка искренне не понимала, зачем надо подскакивать сразу, игнорируя просьбы экипажа, и толпиться в салоне. Если только первым на паспортный контроль успеть, но тут тоже не вариант – ведь первым выходит из автобуса тот, кто последним в него зашел. Или надо пятнадцать минут стоять, чтобы занять сидячее место на две минуты, пока автобус едет от самолета до терминала?

Но в этот раз самолет уж очень долго двигался по рулежным дорожкам. Мимо мелькнуло еще одно здание, незнакомое – сколько раз Анжелика прилетала в Пулково, это строение она точно ни разу не видела. А самолет все продолжал катиться. Периодически под облегченные возгласы движение останавливалось, но вскоре начиналось снова.

Как в пробке.

То и дело девушка смотрела на экран смартфона. Бесполезно – сети не было, и она даже не думала появляться.

Игорь волнуется, наверное.

Спрятав телефон в карман, Анжелика прикрыла глаза. Народ по-прежнему толпился в салоне, а девушка попыталась снова вздремнуть.

Не получалось. Слишком затекло уже все тело, но самое главное – чувствуя отступающую слабость, девушка поскорее хотела попасть домой, принять душ и оказаться в теплой постели. У нее еще есть целых два дня, за которые она сможет насладиться ничегонеделанием перед выходом на работу.

В иллюминаторе сейчас было видно куцее поле, и далеко-далеко, почти невидимые сейчас в осенней хмари, последние этажи далеких высоток.

Наконец самолет остановился.

Постепенно голоса и обсуждение пассажиров становились все громче, кто-то упорно и визгливо доставал вопросами одну из стюардесс, но из салона пассажиров так и не выпускали.

Лишь через полчаса, когда градус обсуждения достиг довольно-таки возбужденной точки, началось какое-то движение и двери салона распахнулись, выпуская измученных ожиданием пассажиров на трап.

Изголодавшиеся по свободе туристы рванулись вперед. Подождав, пока основной поток промчал вперед по проходу, Анжелика не торопясь достала свою сумку с верхней полки, и они вместе с мамой двинулись к выходу.

Осенний Питер встретил как обычно – сырым воздухом, будто наполненным водяной взвесью изморози, и стылыми порывами ветра, жалящим холодом, пробирающимся даже сквозь теплую одежду.

Спускаясь, Анжелика удивленно осматривалась – самолет стоял, едва ли ткнувшись стеклом кабины в хвост соседнего. Да и вообще на широкой полосе было неожиданно много самолетов, которые толпились подобно машинам на забитой парковке перед торговым центром в воскресный день.

По краям бетонной полосы виднелось несколько вертолетов с укутанными в чехлы лопастями, поодаль были заметны совсем маленькие, будто игрушечные частные самолетики. Рядом с одним из них, как раз, сейчас происходила какая-то суета – несколько человек бегало вокруг, кричало и махало руками.

Спустившись с трапа, Анжелика осмотрелась. К своему удивлению, она не увидела рядом ни одного автобуса. Зато обратила внимание на нескольких солдат в новенькой зеленой форме. Очень похожей на ту, в которой ее брат не так давно начал ходить.

На рукавах у военных были широкие повязки с надписью «Военная Полиция»

- [Обалдеть] бизнес-класс! – услышала Анжелика совсем рядом чей-то комментарий. - И [зачем] мы деньги переплачивали? [Как так], отдельная доставка на паспортный контроль! Что за [недоразумение]!?

Возмущался за спиной девушки большой, коротко стриженый мужчина, выговаривая своей жене, полной девушке с нахмуренным и недовольным выражением лица.

Приблизившиеся между тем солдаты жестами и вежливыми фразами направляли людей от трапа самолета в сторону поля. Обернувшись, Анжелика с изумлением увидела там толпу в несколько сотен человек.

Недоумению и недовольство людей становилось все сильнее, то и дело кто-то, с криком, обращался к солдатам, но бойцы отвечали негромко и невозмутимо – Лика их ответов не слышала.

Подойдя к скоплению людей, по обрывкам фраз девушка сделала выводы, что на вытоптанной пожухлой траве толпятся сейчас пассажиры сразу нескольких самолетов, приземлившихся чуть раньше.

В стороне загудело – очередной самолет шел на посадку. А еще один, уже приземлившийся, сейчас подъезжал вплотную к тому, на котором прилетела Анжелика. Но водитель автотрапа переезжать к прибывшему самолету не спешил, ожидая команды.

В иллюминаторе припарковавшегося рядом самолета Анжелика рассматривала белые овалы лиц, наблюдающих за людьми на улице. Девушка стояла с самого края толпы в одиночестве – мама уже, вместе с соседкой по сиденью, направилась в общую толпу за поиском правды. Оглянувшись, Анжелика с удивлением увидела, что взлетно-посадочную полосу неподалеку перебегает с десяток солдат в зеленой форме.

Как проспект городской перешли! – удивилась девушка, увидев, что бойцы бегом направляются к скоплению народа.

- Господа и дамы, приветствую вас на Родине, еп! – появившийся неясно откуда перед толпой людей высокий и широкоплечий военный явно проглотил ругательство.

- Что происходит?

- Почему…

- Че за [цирк], [господа]?!

- Вы что себе позволяете!

- Я буду требовать компенсацию!

- Вы куда нас высадили!?

- Долго нам тут еще мариноваться!?

Толпа, найдя точку фокуса,сразу взорвалась возгласами и вопросами.

- Довожу до вашего сведения…

Гомон все не прекращался, перекрывая даже его зычный голос. Военный вздохнул.

Анжелика увидела, как он фыркнул.

- Тихо! – рявкнул он так, что кто-то даже отшатнулся. – Да раза не повторяю, не повторяю, еп!

Гомон стих, как отрезало.

- Итак! Довожу до вашего сведения, что четыре часа назад, указом президента в стране введено чрезвычайное положение! Аэропорт Пулково, как и остальные международные аэропорты Российской Федерации, закрыт на карантин! Сейчас вы все проследуете в здание терминала, где встанете на учет, получите свои вещи, а после вас распределят по палаточным городкам. Прошу всех сохранять выдержку и спокойствие!

Внимание, важная информация! При любом признаке немотивированной агрессии, в связи с опасностью распространения эпидемии, будет открыт огонь на поражение!

Анжелике показалась, что она ослышалась. Судя по слитному выдоху, показалось не только ей.

- Еще раз повторю! В связи с опасностью распространения эпидемии, при любом! признаке немотивированной агрессии мои люди будут вести огонь на поражение!

Как военный замолчал, так со всех сторон тут же раздались возмущенные и вопросительные возгласы, часть толпы слаженно качнулась вперед.

- Я разве сказал, что мне вопросы надо задавать!? – поднял военный руку. - Все что сейчас необходимо надо я до вас довел! Это лейтенант Стародубцев, - неожиданно слегка сбавив тон, показал военный на молодого офицера рядом с собой, - он проводит вас по территории до здания терминала и снабдит дальнейшими инструкциями. У меня все!

Вдруг за плечом столь бесцеремонного военного Анжелика увидела шевеление. Тут же в той стороне послышались крики. Привстав на цыпочки, девушка над чужими плечами наблюдала, как небольшой самолетик, дернувшись, выкатывается на рулежную дорожку.

Взвыли двигатели, и самолет, резво набирая скорость, покатился по бетону.

- Здесь Баталов! Четвертый перрон, несанкционированная попытка взлета! – услышала Анжелика, как кричит в рацию военный.

Бизнес-джет между тем, взял совсем короткий разбег и, ударив всем по ушам свистом двигателей, оторвался от земли и едва не свечкой устремился ввысь. Лица всех, кто столпился на поле рядом с Анжеликой, синхронно поднялись, провожая взлетевшую без разрешения дерзкую птичку.

Неожиданно с далекого распаханного поля, где угадывались какие-то зеленые конструкции, взмыл вверх огонек и, оставляя за собой хвост дымного, закрученного спиралью следа, устремился вслед самолету.

Долгие секунды невольные зрители молчаливо наблюдали, как горящая точка догоняет дерзкого беглеца. Взрыв раздался совсем буднично, даже по игрушечному, и в клубах черного дыма обломки маленького самолетика начали падать вниз, куда-то за стену далекого леса.

- Литвиненко [договорился], а этот долетался! – разорвал тишину зычный голос военного. – Нале-во! – гаркнул он, - к зданию терминала, шагом арш!

Глава 7. Сергей

Сергей Тишевский
05 октября, утро

Открыв глаза, первым делом посмотрел на часы: «05:15». За пятнадцать минут до сигнала будильника проснулся.

С удовольствием поплескавшись в душе, даже не вытираясь, обмотал полотенце на поясе и прошагал в комнату, оставляя мокрые следы на полу. Так в полотенце и вышел на балкон.

Сквозь легкую утреннюю тишину поодаль явственно раздавались пьяные и задорные возгласы. Присмотревшись, увидел между пальмами крышу большого автобуса. Прислушавшись, вычленил из веселых криков знакомые голоса, а услышав несколько фраз понял, что это народ грузится на экскурсию в Сахару. Но уже заканчивали, судя по всему - зарокотал двигатель автобуса, и на территории отеля снова стало по-утреннему тихо и прекрасно.

– Красота! – с удовольствием потягиваясь, чувствуя дуновение легкого ветерка, сказал я сам себе. Полшестого утра – и приехали мы в отель примерно в это время утра. А неплохо отдых начинается!

Донельзя довольный собой, некоторое время просто постоял на балконе, пытаясь надышаться свежим воздухом. Чуть погодя быстро одевшись, дошел до ресторана и. перекусив на скорую руку, пошел к машине.

Забытый со вчерашнего дня Симбол стоял на парковке у холла отеля. В свете фонарей осмотрев машину и выругался – проглядел: с двух сторон бампера неплохо затерты. Впрочем, расстраивался недолго, пока не вспомнил – «фул каско», сам при сдаче даже присутствовать не буду - ключи только на рецепшн отдам.

Выехал из отеля и порулил по дороге вдоль береговой линии отелей. Вскоре мелькнула знакомая желто–красная вывеска и я с приятным чувством прикосновения к Родине заехал на шелловскую заправку. Пусть «Shell» – заокеанская контора, но я в Питере на похожей АЗС заправляюсь, когда по мурманке в город въезжаю.

Бензин стоил двадцать рублей за литр, и это еще раз напомнило мне жжением в заду, что треть стоимости литра у нас в стране я отдаю

на бедность посторонним людям. Залив целый бак меньше чем за килорубль, я пошарился по торговому залу, прикупив сразу две карты. В одной масштаб поменьше, зато планы городов хорошие, во второй масштаб больше, зато планы не особо. Посидев в машине, изучая карты, примерно прикинул, как ехать до Эль-Джема с его знаменитым амфитеатром, и двинулся в путь.

Выбравшись на магистраль «AutoRoute A1», ехал по ней уже минут двадцать. Не торопясь, осматриваясь по сторонам. Дорога эта, судя по карте, была главной магистралью Туниса, и по ней я должен был в Эль-Джем упереться. Не упрусь, так обратно поеду – по поводу того, что заблужусь, не волновался. Указателей куча, все дублируются на английском. Тем более, хотя навигатором не люблю пользоваться, он есть - если уж и заблужусь, включить недолго. Мне просто нравится по бумажным картам кататься.

Мимо тянулся однообразный пейзаж – куцые поля, засаженные оливковыми деревьями. Периодически проезжал мимо разных городков, снижая скорость и осматриваясь по сторонам. Везде бросался в глаза мусор вдоль дорог – его было много, и застарелого притом. Видимо, здесь обочины совсем не убирают. У нас тоже мусора много, но он то под снегом спрятан, то трава его прикрывает - а здесь земля почти голая, все отходы человеков напоказ выставляет.

Мелькнул указатель на Монастир. Монастырь, как называл его парнишка гид. Интересно, как все же правильно? Паренек по виду, работает недавно, может он ошибается? Или арабы Монастырь говорят, а ошибалась девушка, которая мне путевку продавала? Задумавшись, я лишь в последний момент успел затормозил перед заграждением на дороге – так, что едва носом в руль не ударил.

Магистраль была перегорожена несколькими фургонами, рядом стояло парочка полицейских машин. От одной из них ко мне направился полицейский, следом пошел еще один кадр в штатском, держа оружие наготове.

И что это тут такое? – почувствовал я легкое волнение. Подошедший полицейский затрещал что–то на арабском, я естественно не понял.

– Инглиш! – произнес я, показывая открытые ладони и рассматривая полицейского. Весь в черном, под бронежилетом только футболка, так что видны мускулистые руки. На шее висит оливкового

цвета автомат австрийский, у которого магазин сзади и вид космический.

– Ху а ю? – спросил меня мент на английском. О, это мы разумеем.

– Айм файн, сенкс! – улыбнулся я. Мент мою улыбку не поддержал и повторил, тыкая в меня пальцем, – Ху! А! Ю!

Ху! Точно, епрст! Кто ты, а не как ты!

– Айм э турист! Фром Раша! – отрапортовал я. Дальше полисмен спросил что–то быстро, и уловил я только про отель.

– Роял Жасмин, Маххамет, – покладисто проговорил я.

– Кам бэк йо хотел! – показал мне полисмент стволом автомата на разрыв в заграждении магистрали. Английский у него, судя по всему, такой же корявый, как и у меня. Ну да, здесь же бывшая французская колония.

– Вот зе метта? – поинтересовался я, на что полицейский мне ответил на арабском. Не очень благожелательно ответил, судя по мимике, и еще раз сердито махнул стволом в сторону разрыва в ограждении трассы.

Не пытаясь искушать судьбу, я медленно поехал на разворот, внимательно осматриваясь. Дорога перегорожена капитально, полиции много. Причем если вооружены все космическими винтовками, то одеты по–разному – кто в камуфляже, кто в черной форме, а кто и вовсе в штатском, без знаков отличий.

Развернувшись, поехал обратно в задумчивости. Море теперь было справа от меня, и периодически поглядывал в ту сторону. Увидев указатель на Жасмин–Бэй, свернул с магистрали туда. Читал про этот городок в интернете – недавно построен, в основном сплошь фешенебельные отели и торговые центры. Заехав в город, я в этом убедился. Припарковавшись, пошел гулять по пустынным утренним улицам. Встретив рассвет в огромной марине с кучей яхт – а говорят Тунис бедная страна - поехал по нижней дороге дальше. Справа сплошной чередой шли отели, а слева жилье местных жителей, в основном неказистые, квадратного вила дома. У многих двери были выкрашены в синий цвет - местный обычай, видимо. Вскоре мелькнул справа и мой отель.

Въехав в Маххамет, погулял по узким его улочкам, по медине, походил по стенам крепости, построенной еще крестоносцами.

Городок маленький, и пройдя по его насквозь главной улице, двинулся дальше. Следующий город – Набеуль, был крупнее. Оставив машину недалеко от главной площади, с большим ананасом посередине, пошел гулять. Люблю такие города – идешь, и узкие улочка тебя будто за плечи обнимают. Шарму и очарования добавляет то, что стеклянные витрины магазинов соседствуют с дверьми жилых домов. За некоторыми, приоткрытыми, видны кусочки быта местных – во многих домах такого понятия как «парадная» нет, сразу жилье начинается.

Постепенно, гуляя, чувствовал нарастающее беспокойство. Осматриваясь по сторонам, начал прислушиваться к себе. Нет, внешне все выглядело привычно – сновали по улицам шумные жители, зазывали к себе торговцы из лавок, бросаясь буквально под ноги. Так в чем же дело?

Я даже приостановился, раздумывая. А после, неспешным шагом пошел нарезать круги вокруг главной городской площади. Постепенно, картинка будто пазл, начала складываться перед моими глазами. Вот четыре магазина в ряд – время уже к одиннадцати скоро, а работает только один. Три остальных витрины закрыты роллетами. Вот идет по улице стайка школьников, только идет тихо и сопровождает их трое взрослых. Вот на меня смотрит мужик в черном, стоящий на перекрестке и я замечаю, что у него куртка топырится под мышкой. Мент. Пройдя перекресток, заметил на следующем почти такого же – будто два брата близнеца. Тоже мент. И еще, хоть некоторые люди на улице и улыбаются, в их взглядах сквозит напряжение. Подойдя к площади, зашел в супермаркет – рассматривая покупателей, у многих замечал в глазах настороженность. Здесь, в торговом зале, люди набирают сразу помногу продуктов и напряжение будто висит в воздухе – словно вот–вот и… и что?

Выйдя из магазина в задумчивости, прошел в одно из многочисленных кафешек и заказал себе поесть. Устроился и с беспокойством понял - периодически со стороны окраин города раздаются звуки синер. Пока сидел, внимательно наблюдал за шагающими по улицам людьми. И убеждался все сильнее – что–то висит в воздухе. И не люстра.

Перекусив, я поехал… нет, не в отель. Посмотрел по карте и выехал из города, двинув вглубь страны. Проезжая по дороге от

Маххамета до Набеуля, слева я видел горы. А если я увидел горы, надо обязательно до них доехать, и по барабану, что висит в воздухе. Ведь что может быть лучше гор?

Глава 8. Марина

Марина Иванникова, 29 лет
5 октября, утро

Марина заснула еще даже до того, как автобус, заполненный не выспавшимися туристами, выехал за ворота территории отеля. Проснулась оттого, что спинка впереди стоящего кресла сильно ударила ей в лоб. Услышав лязг своих зубов, и чувствуя, как брызнувшая из губы кровь щекочет подбородок, Марина открыла глаза. Не понимая, где она и что происходит, она попыталась сморгнуть сон, сфокусировать взгляд на чем либо; но тут последовало несколько резких рывков, хлопок, и автобус сильно накренился вправо. Салон затрясся, наполнившись противным скрежетом – и тут же в уши ударили, будто звук включили, истошные крики боли и испуга. Марина, еще осознавая, что происходит, качнулась и с очередным рывком салона больно ударилась головой о стекло. В глазах потемнело, брызнули слезы, но удар помог девушке прийти в себя. Она осознала, что откуда-то снизу раздается громкий скрежет, и было развернулась к соседу – он вцепился в спинку кресла впереди. Марина испуганно вскрикнула, встретившись с ним глазами, но автобус накренился - кто-то рядом не удержался, упав в проход, женские испуганные крики стали громче. А мгновенье в животе у Марины все ухнуло вниз, и после краткого мига полета последовал страшный силы удар.

Зубы у девушки снова клацнули при встрече со спинкой сиденья впереди, кровь теперь брызнула из лопнувшей верхней губы. На несколько секунд Марина отключилась, потеряв сознание. Но почти сразу пришла в себя - от сильной боли, и глухо застонала. И тут же осознание к ней вернулось, причем с необычайной ясностью – Марина сразу вспомнила и бессонную ночь, и погрузку в автобус, и пробуждение от удара. Девушка поняла, что автобус попал в аварию, а она сейчас лежит, скрючившись, на полу между кресел лежит. В мыслях сформировалась картина произошедшего, сопоставляя случившееся: первый удар – столкновение с машиной или отбойником;

тряска и крики –автобус вылетел с дороги и несся по земле; краткий полет и второй удар – падение в овраг или канаву.

Понимая и принимая, что произошло, Марина, как могла, пошевелила руками и ногами. Сильной боли не было, тело слушалось, и девушка попыталась выкарабкаться из-под сидений. Что-то острое ей сильно впивалось в ногу, в плечо, от боли она застонала, но попыток не прекратила. С трудом выпростав одну руку вверх, Марина схватилась за край сиденья впереди и, застонав от натуги и боли вытащила свое тело из ловушки. Упав на сиденье, она первым делом осмотрела себя. Потеки крови из разбитого лица нарисовали на ней недавно белой футболке причудливый узор, на предплечье левой руки сочилась кровью длинная царапина, на левом бедре наливалось бордовым пятно кровоподтека.

Поморщившись от боли, одновременно испытав чувство облегчения - осознавая, что достаточно легко отделалась, Марина осмотрелась по сторонам. И тут же на нее сразу обрушился гвалт катастрофы – кто-то кричал, кто-то стонал, по салону суетливо сновало несколько человек.

- Живы? В порядке? – спросил ее высокий седой мужчина опрятной наружности. Немного помятый, как и все участники аварии.

Марина кивнула – языком она пробовала передние зубы, не шатаются ли. Не шатались. Седой мужчина двинулся дальше, переступив через что-то.

Сильный солнечный свет бил в окна, глаза были мокрые от брызнувших от боли слез, и Марине пришлось сощуриться, пытаясь осмотреться. Девушка поняла, что ее догадка про овраг была верной – широкого лобового стекла не было, вместо него сейчас виднелся земляной, каменистый склон, в который будто вгрызся автобус. Повреждение были страшными – вся передняя сложилась гармошкой, стекла отсутствовали почти в половине салона. Впереди, у кабины, было видно пугающее нагромождение мешанины из сорванных кресел и человеческих тел.

Марина задержала дыхание, чувствуя, как к горлу подкатывает тяжелый ком и опустила глаза вниз. Тут же ей по позвоночнику мазнуло холодом – она увидела знакомые ярко-салатовые кеды. Сглотнув, Марина наклонилась в сторону, и увидела, что в проходе без движения лежит ее попутчик – они вместе выезжали из отеля, после

бессонной ночи. Подернутые мутной поволокой глаза парня смотрели вверх, а голова была неестественно изогнута.

Марина даже имени его не помнила.

- Помочь? – появилось рядом участливое лицо.

Толстый мужик, с круглым лицом и глазами навыкате, появился рядом и протягивал Марине руку. Невольно она потянулась к нему, и толстый помог ей выбраться из ставшего узким прохода между сиденьями.

Стараясь не наступить на труп недавнего попутчика – которого она лишь несколько часов назад обнимала в танце, Марина сделала несколько аккуратных шагов. Ее качнуло, но толстый поддержал. Еще несколько шагов и Марина, даже не поблагодарив своего помощника, спустилась по искореженной лесенке бокового выхода.

У девушки будто защитный механизм включился – она не обращала внимание ни на стоны, ни на крики боли. Оказавшись на воздухе, она осмотрелась и побрела прочь от автобуса. По осыпающемуся склону, охая от боли и борясь с сухой, утекающей из-под подошв землей, она поднялась наверх.

Неподалеку виднелась дорога и от нее по красноватой, выжженной солнцем земле, тянулся широкий след выехавшего трассы автобуса. Вдалеке, на дороге, виднелся разбитый автомобиль, у которого сейчас суетилось несколько фигур.

Проследив прочерченный автобусом след, Марина обернулась. Передняя часть лежащего в овраге автобуса была сильно искорежена, смята, нижняя часть кабины будто сточена, как будто у автобуса нижнюю челюсть в землю зарылась.

Сглотнув, Марина увидела, как несколько мужчин с предосторожностями вытаскивали тела раненых из окон. Только сейчас девушка почувствовала, как сильно уже печет солнце. Шмыгнув носом, и утерев с подбородка кровь, она начала направилась обратно к автобусу. При спуске сухая земля склона крошилась под ногами, забиваясь между ступней и подошвами открытых босоножек.

Автобус лежал на земле как катер на сдувшейся воздушной подушке – расплющенные в блин покрышки не держали обода колес, впившиеся в землю, а разорванные снизу элементы обшивки и крышки багажных отделений, раскрывшиеся при ударе в землю, подобно широкой юбке обрамляли корпус. Обойдя широкую корму автобуса,

Марина увидела, что в тени сидит уже около десятка человек. Почти сразу она заметила среди спрятавшихся в тени пассажиров цветастые наряды Юли. Девушка призывно махнула Марине рукой. На лице у нее виднелись кровоподтеки, одна рука висела плетью.

- Марина! – позвала Юля, поднимаясь, но та шагнула к спущенному заднему колесу и, привалившись к боку автобуса, сползла вниз и начала рыдать, закрыв лицо руками. Марина наконец поняла, что пережила, и пришел страх – вместе с истерикой.

- Мариш, Мариш, все хорошо, - раздался рядом голос Юли. – Не плачь, сейчас приедет скорая, все будет хорошо, всех вылечат, все…

Юля замолчала на полуслове, заметив появившегося на склоне человека. В его резких движениях что-то напугало девушку - уж очень дерганными, агрессивными. И толоко потом она заметила, что белая рубашка на нем была порвана, а руки все в глубоких ранах – по пальцам стекала кровь, крупными каплями срываясь вниз. Смуглое лицо незнакомца было перекошено странной гримасой – столкнувшись взглядом с Юлей, он шагнул вперед. Девушка с ужасом заметила рваную рану у него на лице – клок мяса свисал со щеки, опускаясь на шею. Раненый издал странный возглас – похожий на рычание, и двинулся вперед. Тут же он покатился по склону, но приземлившись, почти сразу поднялся, не обратив внимания на забившуюся в глубокие раны на руках землю.

- Эй, а шо это он? – от неожиданности с акцентом произнесла Юля, невольно отступая и потянув за собой рыдающую Марину. Та, словно почувствовав напряжение Юли, отняла руки от лица и натолкнулась взглядом на незнакомца. Столкнувшись с безумным взглядом, она почувствовала животный страх и попыталась встать - руки ее скользили по неровной поверхности погнутого металла, подошвы ехали по земле. Юля, тянущая ее за собой, только мешала.

Издав гортанный крик, незнакомец вдруг бросился вперед, занося руку для удара.

- Эй! – только и успела сказать Юля, закрывая собой Марину, но получила сильный удар в живот. Незнакомец резким жестом – заставив вскрикнуть от боли, схватил ее за волосы и с силой, размашисто приложил лицом в обшивку автобуса. На металл брызнуло кровью, Юля сразу обмякла, ноги у нее подкосились, но нападавший подтащил ее ближе, ударив еще несколько раз.

- Вы что! – машинально крикнула Марина – у нее, наконец, получилось подняться. Столкнувшись взглядом с незнакомцем, чье лицо помимо рваной раны обезобразила страшная гримаса, девушка дернулась было, пытаясь убежать. Нападавший кинулся на нее, распластавшись в прыжке и попытавшись сомкнуть пальцы на ее шее. Марина вовремя подняла руки, пытаясь защититься, но он повалил девушку и принялся бить ее в исступлении. Завизжав от ужаса и боли, Марина попыталась закрыться руками – несколько секунд ей удавалось гасить удары, но после очередного, попавшего в уже разбитые губы, крик ее прервался. Стараясь спрятаться от чужой агрессии и своей боли, Марина извернулась, пытаясь уползти, вырваться – но ей лишь удалось перевернуться на живот. Нападавший яростно взвыл, сильная тяжесть прижала девушку к земле, лицом вдавливая в поверхность - когда она попыталась вздохнуть, глотнула пыли, а на зубах заскрипела земля. В глазах у девушки потемнело, виски сжало тяжестью, но тут избиение неожиданно прекратилось.

Не чувствуя больше ударов, девушка в изнеможении приподнялась на локтях, с хрипом пытаясь глотнуть воздуха. Рядом с ней под громкие возгласы и крики несколько мужчин били ногами бешеного незнакомца, который только шипел, плевался и пытался кинуться на противников. Раздался громкий жестяной звук – толстяк с оленьими глазами смог ухватить безумца в захват за шею и бил сейчас его темечком об обшивку автобуса. Как раз в то место, где уже была кровь Юли.

Широко открыв рот, как рыба, выброшенная на берег, Марина откатилась в сторону. Она все еще хрипела, пытаясь восстановить дыхание; горло жгло сухостью. Девушка беспомощно скребла ступнями сыпучую землю, пытаясь отползти подальше. С сиплым хрипом у нее, наконец-то, получилось вздохнуть полной грудью. Но едва вздохнув, Марина моментально закашлялась, и ее тут же вырвало скудным завтраком. Заскулив от боли, девушка беззвучно заплакала, плечи ее затряслись от беззвучных рыданий.

- Девушка, с вами все в порядке?

«Со мной все просто [обалденно]!» - хотела ответить она, но получился лишь сиплый невнятный звук.

Сквозь хлынувшие слезы Марина не видела, кто над ней склонился, лишь размытый овал лица темнел перед глазами.

Шумно шмыгнув носом, Марина закивала, реагируя на вопросы которых не понимала. Неожиданно осознав, какое зрелище она сейчас представляет, попыталась закрыть лицо руками. Вопросы продолжали звучать оттуда, из-за закрытых ладоней, но девушка все кивала головой, в ожидании пока от нее отстанут.

Дождавшись, пока обеспокоенный ее самочувствие неизвестный отойдет, Марина отняла руки и принялась рукавом вытирать лицо.

Ошибка.

Жесткая, заскорузлая от подсохшей крови и земли ткань обожгла разбитые губы. Всхлипнув, Марина кое-как отряхнулась, и после, вывернув подол рубашки наизнанку, то и дело смачивая ткань слюной, кое-как стерла кровь с лица.

Очень хотелось пить.

Проморгавшись, девушка осмотрелась. Видела она плохо – в глазах попало много песка, который до сих пор не вышел со слезами. Но прищурившись, девушка увидела, что неадекватных нападавших уже связали, пара человек их караулят, а кто-то из туристов терзает телефон.

Над местом аварии стоял почти непрекращающийся стон и густой мат.

В этот раз у Марины получилось встать. Немного пошатываясь, она прошла несколько шагов, понемногу приходя в себя. После Марина смогла даже подняться в автобус, и, стараясь не обращать внимания на тело Вовчика и другие трупы, находившиеся по большей части в начале салона, взяла себе бутылку воды и с облегчением выбралась на улицу.

Попив, понемногу все больше приходя в себя, Марина расслабилась и дала волю чувствам – отойдя в тенек, поделившись водой с такими же, как она ошарашенными туристками, девушка присела в уголок и расплакалась.

Плакала долго.

Так долго, что слезы уже кончились, а помощи все не было. Да и вообще никого не было вокруг.

Поднявшись наверх по склону – теперь осознанно, а не в шоке, как в прошлый раз, Марина осмотрелась. На дороге никого не было. Вообще никого – как стояла побитая легковушка, из которой два араба выскочило, так и стояла до сих пор. И ни одной остановившейся

машины, хотя разбитый в враге автобус с дороги видно, пусть и не весь.

Не в силах больше сидеть на месте, Марина не пошла в тень, а двинулась в обход автобуса, где сейчас раздавались громкие крики. Обойдя широкую корму, с отогнутой от удара решеткой, девушка приостановилась.

Неподалеку от нее сейчас помогали раненым – кого-то перевязывали, кого-то поднимали под руки, и вели в обход автобуса, в тень. Кто-то просто лежал на земле и стонал негромко.

Как раз в тот момент, когда девушка появилась из-за угла, над одной из пострадавших – негромко поскуливающей полной дородной женщиной, склонился высокий и седой мужчина, которого Марина увидела первым после аварии. Сейчас он осматривал ее окровавленную ногу - из белесого бедра торчала изорванная смятая железка. Песок под раненой окрасился густым темным цветом, рядом кружилось несколько мух.

- Сейчас вытащу, сейчас, - произнес седой, мягко прикоснувшись к железке.

Женщина застонала громче – больше от страза, и схватилась рукой за свое рыхлое бедро. Ее толстые пальцы были совсем рядом с раной.

- Не надо, не надо, прошу! – заскулила она и попыталась отстраниться.

- Надо остановить кровотечение и перевязать рану, - произнес седой, пытаясь успокоить даму, - не волнуйтесь, я врач и знаю что делать… Лежите, спокойно, сейчас я вам помогу…

Седой вдруг замолк, сморгнул и сильно зажмурился. А после он даже помотал головой, закрыв лицо руками. Посидев так несколько секунд, доктор отнял руки от лица, с недоумением смотря на свои ладони, кое-где измаранные в крови. Он снова помотал головой, и приподнявшись, помахал рукой призывно. Повинуясь жесту, к нему подошел один из мужчин.

- Не волнуйтесь, сейчас я удалю инородный предмет и перевяжу рану, сейчас все будет хорошо… - убирая руки женщины от раны, проговорил седой. Тут же за толстые запястья женщины взялся добровольный помощник.

- Все будет хорошо… - взялся седой за железку, и тут же она протяжно застонала. Больше от страха, чем от боли.

- Все будет хорошо… - снова пробормотал седой и потянул за железную искореженную полосу. Пострадавшая продолжала стонать на одной ноте.

- Все будет хорошо… - хрипло повторил доктор, неожиданно мягко наклоняя и прижимая железку к коже. Марина, стоящая неподалеку, не в силах оторвать взгляд наблюдала за тем, как плоть в глубокой ране шевелиться – железка сработала как рычаг.

Женщина истошно закричала, дернулась, а добровольный помощник изумленно посмотрел на седого.

- Все будет хорошо… - в крике не было слышно, но Марина увидела, как шевельнулись губы седого. Доктор в этот момент, прижав до конца железку к коже, вдруг потянул ее на себя. Металлическая полоска описала полукруг в ране, как маятник, и прислонилась к коже бедра с другой стороны – та часть, что внутри, разбередила рану еще больше.

Раненая уже орала так, что заглушала все остальные звуки. От боли она забилась, так что седой с помощником удерживали ее с трудом. Марина, чувствуя холодок страха в животе, отшатнулась, но глаза от зрелища железа, еще глубже разворотившего рану, отвести не смогла.

На миг наступила тишина – у кричавшей женщины кончился воздух.

- Лежи спокойно! – твердо произнес седой сквозь зубы, пытаясь удержать бьющуюся под ним женщину. Помощник продолжал держать ее руки, но уже смотрел только на седого.

- Иваныч, ты что делаешь? – произнес он.

- Помогаю раненой, - бесстрастным тоном произнес седой, и вдруг дернул железную полосу вверх. Металл вышел из раны с хрустом, разрывая сухожилия, женщина заорала и взбрыкнула, так что седой отлетел в сторону, а помощник отшатнулся и присел на задницу. Пострадавшая схватилась за бедро, из которого сейчас хлестала кровь, закрывая рваную рану ладонями. Седой, поднявшись, прыгнул вперед и вонзил полоску металла ей в шею. Женщина булькнула, расширенными глазами посмотрев на своего убийцу, и вдруг из широкой раны на ее горле фонтаном хлынула кровь.

Пришедший в себя помощник бросился вперед, выхватывая железную полосу из рук седого, но тут вдруг вцепился зубами в его запястье. Марина с ужасом увидела, как длинные пальцы седого рвут кожу на лице мужчины, вгрызаясь во впадины глазниц. Брызнула кровь, и кричащий помощник осел на землю – сошедший с ума доктор вцепился в него будто зверь, разрывая его ногтями и зубами.

Девушка не выдержала и, развернувшись, побежала за автобус.

- Помогите! Помогите! – навзрыд выдохнула она, увидев нескольких мужчин, переносивших раненых в тень. Но те уже по крикам поняли, что происходит что-то неладное, и бежали мимо девушки.

Из-за автобуса донеслись крики, звуки борьбы, испуганные возгласы. Закрыв руками лицо, Марина попятилась, судорожно нащупывая подошвами сыпучую землю склона.

- Мариш, что там? – послышался рядом голос. Резко повернувшись, Марина увидела среди других раненых Юлю, которая сидела, прислонившись к борту автобуса. В руках у девушки была окровавленная тряпка, которую она прижимала к носу.

Марина бессвязно заскулила и бессильно осела на землю, зубы ее начали выбивать дробь.

Глава 9. Сергей

Получаса не пошло, как выехал из Набеуля, а уже стоял на крыше Симбола. А Симбол стоял на вершине невысокой горы. Подо мной расстилалась красноватая, выжженная солнцем земля. Вдали, на грани видимости, играла бликами кромка лазурного моря, а совсем под ногами, чуть дальше синей крыши автомобиля, раскинулось несколько поселков.

Осмотревшись, я спрыгнул с Симбола и разложил карту на капоте, всматриваясь в нее. Сориентировавшись, где нахожусь, решил проехать еще немного вглубь страны. Пока просто так, без цели. С места, где я находился, было заметно как дорога, петляя, уходит вдаль, спускаясь на равнину, а дальше серпантином обнимает одну из следующих гор.

Прыгнув в машину, я порулил дальше. Открыл окна полностью и наслаждался потоком сухого и теплого воздуха. Когда миновал очередной запыленный указатель на какое-то село, дорога сузилась и с нее пропала разметка. Проезжая небольшой перекресток, увидел, что дальше по дороге, перекрывая проезжую часть, стоит полицейский джип. Но не так далеко, чтобы не заметить, что окна у него, как и у остальных полицейских машин в Тунисе, закрыты снаружи мелкосетчатыми решетками. Часто тут, видно, в стражей закона булыжники летают.

Машин навстречу не было, пейзаж все не менялся – горы впереди, поля по краям и я увеличил скорость. Периодически амортизаторы постукивали на ухабах, но мне не жалко – не моя ведь машина.

Дорога уже вскоре начала полого вверх подниматься. Чувствуя себя Шумахером, увеличил скорость, полого входя в повороты по широкому радиусу, изредка цепляя ровную обочину. После того, как цеплял обочины, наблюдал в зеркала, как пыль сзади клубится. Как раз, еще на грунтовку сейчас какую–нибудь заеду, и устрою прокатной машинке Париж-Дакар, чтоб пыль столбом…

– А [черт]!!! – заорал я непроизвольно, когда перед капотом мелькнуло что–то темное. Раздался глухой удар, стекло передо мной у

самой стойки подернулось паутинкой трещин. Прочертив резиной, Симбол остановился.

Подмышками сразу стало мокро – в зеркало увидел, как катится по асфальту сбитая мной тетка.

«[Господи, боже, мой!]» – забилось в голове в такт быстрым ударом сердца. Я быстро осмотрелся по сторонам – вокруг никого, оливковые поля поднимаются по пологому, но довольно крутому склону, а вот впереди виднеется несколько приземистых домов – почти хижин.

– Да откуда ты взялась, [самка человека]! – в бессильной ярости заорал я и быстро выпрыгнул из машины, побежав в сторону пострадавшей.

Прочертил резиной Симбол далеко – ехал я под девяносто, а эта кегля еще вниз по дороге катилась. Около ста метров бежать и пока я их преодолел, уже успел продумать, как действовать. Если эта [женщина] жива – вызываю скорую. Если нет, рву когти, через сайт продлеваю прокат машины еще на десять дней, [плевать] на деньги, а сам покупаю билет и [ну его] отсюда, домой лечу. Не-не-не, в мусульманской тюрьме сидеть из–за какой–то [несуразной]!? Кандидатка, [черт], на премию Дарвина! Вот [зачем] эта дура мне под колеса кинулась?

Бежал я быстро, часто с опаской оглядываясь на виднеющиеся позади дома. Никого там видно не было. Уже подбегая к подбитой тетке, валяющейся на дороге, я немного замедлился – она шевелилась. Пострадавшая была одета в длинную темную хламиду, которая закаталась по телу в сторону головы, обнажив полные ноги, сейчас все в кровоподтеках и следах содранной кожи. Ближе к поясу у пожилой мадам, кинулось мне в глаза, виднелись желтые, выцветшие от времени панталоны. С отвращением бросив взгляд на полные, покрытые целлюлитной коркой белесые бедра, я вновь обернулся, уже на шаг переходя. Что шевелиться, это хорошо – вдруг сама пойти сможет. А если нет? Может ее тогда, этого? Того? Нет же никого, уехали все, – глянул я еще раз на далекие дома.

– [Что за черт]! – обернувшись, вскрикнул я и машинально реагируя, выбросил руку в ударе. Бью я неслабо и пожилая женщина, бросившаяся на меня, отлетела в сторону. Попал я ей качественно – костяшки сразу заныли. А эта коза, не обращая внимание на хук,

которым я могу легко и мужика здорового вырубить, выгнулась и, царапая ломающимися ногтями асфальт, вскочила и бросилась на меня вновь.

– Ты что творишь!? – в сильном удивлении воскликнул я, отпрыгивая в сторону. Бешеная не успокаивалась – она вновь бросилась на меня и тут платок, и так еле державшийся у нее на голове, слетел в сторону. Я оторопел – черные жидкие волосы с проседью, слипшимися прядями спускающиеся до плеч обрамляли лицо, которое… которое…

– Да ну [его]! – с силой ударил я ногой страшно эту фурию, вновь бросившуюся на меня. После того, как она отшатнулась, сбил ее подсечкой и бросился обратно к машине.

Сейчас бежал гораздо быстрее. Перед глазами стояло лицо бешеной – старое, морщинистое, страшно искаженное. Налившиеся кровью глаза ее были сощурены, измазанный чем–то темным рот искривлен в оскале, а кожа на лице постоянно подергивалась, так что калейдоскопом гримасы менялись, одна страшнее другой.

Обернувшись на бегу, увидел, что старуха бежит следом за мной и расстояние между нами неуклонно сокращается. Внутри рванулась животная паника, и я наподдал что было сил. Подлетел к Симболу, дверь которого оставил широко открытой и ударился в нее, гася скорость. Под жалобный хруст обшивки кулем упал в водительское кресло. Схватившись за руль, потянулся, бросая себя к двери, чтобы закрыть ее, но не успел. Клацнули зубы – мегера бросилась, нет, прыгнула рыбкой, стараясь меня укусить! Отдернув руку в последний момент, я извернулся и двумя ногами ударил старуху в грудь, стараясь откинуть ее от двери.

– Да что ж ты [делаешь]!!! – закричал я, больше от страха, а не к ней обращаясь. Старуха ухватилась за дверь, стойку открытого окна ([зачем] его так открывать было?!) и снова бросилась на меня. Зубы фурии клацали, когда она рвалась ко мне, когтистые руки с высушенной коричневой кожей я еле–еле успевал отталкивать ногами. Извернувшись и немыслимо скрючившись, я перевалился к пассажирской двери, судорожно потянул за ручку и вывалился на асфальт, больно ударившись затылком. Перекувырнувшись через голову назад, так что неожиданно увидел свою задницу, вознамерился было бежать отсюда. Старуха между тем впрыгнула в салон и на

карачках проползла по сиденьям следом за мной. Когда она оперлась об обивку пассажирского сиденья, руки ее соскользнули и эта бешеная фурия упала грудью вниз. Все тело ее было сейчас в салоне, только голова оказалась снаружи. Я метнулся вперед и ногой ударил старуху в голову.

– На! На! – орал я, с каждым ударом. Она шипела и истошно рычала, звивась и пытаясь выбраться из машины. Да сколько же ей надо?! Наклонившись, не обращая внимания на заметавшиеся мельницей руки, я рванул ее за халат, вытаскивая из машины. Ткань затрещала, и я отлетел на пару метров, вместе с частью одежды. Старуха, оказавшись в одной когда–то белой футболке, собравшейся комом на горле, подняла голову. Ужасное зрелище – бешеные глаза, рот весь в красной пене, и покрытое кровоподтеками дряблая кожа. Зашипев, бешеная бросилась на меня, царапая ногтями асфальт. Я вскочил, подлетел к машине и с силой закрыл дверь. Услышав глухой хруст, с яростью хлопнул дверью еще несколько раз. Схватив старуху за пояс, выкинул, наконец, ее из машины. Она покатилась по земле бесформенным кулем – ноги едва дергались, но подниматься больше не собиралась.

– Иэй! – услышал я вдалеке протяжный выкрик. Отпрыгнув на пару метров от тела старухи, я обернулся.

«[Что за черт]!» – вырвалось у меня. Рядом с одним из домов виднелось несколько человек – и все они всматривались в мою сторону. Ну, кроме одного, бежавшего уже вглубь деревни.

– Ну вот [зачем] я сюда пришел, а? – зло крикнул сам себе и бросился к машине.

Глава 10. Сергей

Когда повернул ключ в замке зажигания, увидел, что со стороны домов в мою сторону вылетел потрепанный автомобиль белого цвета. Тут же почувствовал, как мусульманская тюрьма становится ко мне все ближе и ближе.

Топнут по педали газа так, что колеса с визгом зашлифовали по асфальту. Развернулся, частью проехав по обочине и полю рядом – чувствуя, как в днище бьют камешки и комья земли из–под колес. Белый универсал начал удаляться в зеркале – скорости у него явно не хватает. Вот только что толку? Впереди поле ровное, а километрах в пяти развилка и там менты стоят – этим, которые сзади сейчас, дернуть их минутное дело. Эх, дорог тут не знаю, что делать то? Делать-то что?

Повинуясь внезапному импульсу, резко свернул на проселочную дорогу – асфальт здесь совсем старый. Вдалеке виднелась гора с голыми склонами, только нитка серпантина по ней чертила. Дороги тут пустые, бак у меня почти полный, авось получиться на дистанции преследователей сделать? К тому же в скорости я выигрываю на порядок – дайте только из вида скрыться, а дальше ищите меня – мои приметные, синего цвета номера еще не срисовал никто. Так, от этих сейчас оторвусь, по кругу объеду и в отель заскочить, вещи забрать. Только пять минут инета – билет на самолет купить, хоть куда – шенген у меня есть. Машину бросить и на такси до аэропорта. Валить, валить из «удивительной и гостеприимной страны», пока она гостеприимством меня проверять на прочность не начала.

От волнения не заметил, как начал мысли вслух проговаривать. Преследователи начали уже хорошо отставать. Я было порадовался, но тут подвеска заколотила – асфальт с дороги почти исчез, она стала напоминать танкодром и универсал сзади начал быстро приближаться. Глянул в зеркало - за машиной преследователей пыль столбом. Когда дошло, что они просто съехали с дороги и прут по твердой, выжженной земле, белый рыдван был уже близко. Я поступил так же и навис над рулем, вглядываясь в дорогу и удерживая брыкающийся руль. За мной теперь тоже теперь поднимался шлейф пыли – Париж–

Дакар отдыхает. Пролетев несколько километров по полю, выскочил на перпендикулярную дорогу качеством лучше – она вела меня на гору. Двигатель ревел, разгоняя Симбол, торпедой полетевший вперед. Дорога резко ушла вверх, извиваясь серпантином и петляя между оливковых насаждений. Встречались повороты на все сто восемьдесят градусов - когда на одном из них почувствовал, как заднее колесо уходит в пропасть – ограждений не было, чуть в штаны не наложил. Хорошо, привод передний – чиркнув днищем и рычагами подвески по земле, Симбол выпрыгнул, вцепившись в асфальт ведущими колесами.

Универсал, где водитель гораздо лучше знал эту дорогу, неумолимо приближался. Когда, со скрипом колодок, я в очередной раз топнул на педаль тормоза перед крутым поворотом, сзади грохнуло, а обшивку пассажирского сиденья как когтями рвануло. Обернувшись, выругался – на заднем стекле появилось несколько дырок в паутине трещин. В спину повеяло холодом, а повернувшись вперед, я истошно заорал – на секунду отвлекшись, чуть было не улетел в пропасть.

Преследователи немного отстали, а я выжимал из себя все возможное, проходя некоторые виражи буквально на грани офсайда. Вдруг, когда мельком бросил взгляд вниз на одном из поворотов, мне будто по спине ледяной водой плеснули. Я сразу понял, почему на белом рыдване больше не торопятся – мы доехали почти до вершины, еще буквально несколько поворотов и все! Дорога пойдет по соседнему склону вниз, нарезая спуск лесенкой и стоит встать на одном из поворотов, подождать, пока я поеду по дороге уровнем ниже и мою машину можно будет как в тире расстрелять.

[Вот ведь], последние секунды жизни.

Повинуясь внезапному наитию, войдя в один из поворотов, что было сил вдавил в пол педаль тормоза. С диким треском лязгом – машина еще вперед катилась, включил заднюю передачу и поехал назад.

Схватив подлокотник и обернувшись всем телом, я заорал, заглушая подвывание двигателя. Страшно – варианта два сейчас, или я, или…

Когда края обрыва на изгибе дороги был совсем близко, я не удержался, нажал на тормоз. Рено всеми четырьмя вцепился в асфальт, пытаясь остановиться перед обрывом, и в этот момент из–за поворота показался белый универсал. Я заметил даже расширившиеся глаза

водителя, резко дернувшего руль в сторону. С хлопком брызнули осколками стоп–сигналы, а я, убрав ногу с педали тормоза, бросил сцепление, надавив на газ. Завизжала резина и с хрустом сминаемого металла универсал поехал в сторону обрыва. На короткий миг я увидел нацеленную в меня страшную дыру ствола ружья. Увидел даже вырвавшееся пламя – белое, еле заметное при свете дня. Вот только универсал в момент выстрела просел задом, а после камнем рухнул вниз, исчезнув из поля зрения.

На педаль тормоза я жал с такой силой, что ногу едва не свело. Заглушив двигатель – не сразу нащупав ключ трясущимися руками, я кое-как вышел из машины. Подойдя на негнущихся ногах к краю обрыва, осторожно заглянул вниз. Перекореженная машина лежала на боку метрах в ста ниже по обрыву; кузов согнуло едва не пополам – остановило падение универсала небольшое дерево. Я вновь осмотрелся по сторонам – вроде никого.

Еще не отойдя от шока, забрался обратно в Симбол.

Неправильно все это. Жалко мужиков тех, в машине – но я же арабского не знаю, как им объяснить было, что та баба бешеная была? Черт, я даже английского не знаю. Надо было в школе не на крыльце курить, а на уроках сидеть. Теперь только: «Ай вонт рашен консул!».

Развернувшись в несколько приемов, поехал в обратную сторону. Надо скорей до отеля доехать – и домой, домой. Ну его на хрен, лучше аквапарк и солярий дома, чем отдельное койка–место здесь.

Когда проезжал отворот в сторону города, где полицейские стояли, [страшно было] нешуточно – закрадывались опасения, что преследователи мои могли в полицию позвонить. Прокатило – стоящим на заставе стражам порядка было явно не до меня.

Машину бросил в закутке у заброшенного дома, метрах в трехстах от отеля. По узкой улочке, парящей жаром под лучами высокого солнца, я быстро, но не суетливо пошагал в отель. А чего мне суетиться – как там медведь Винни–Пух говорил? Все херня, кроме пчел. А пчелы, это тоже херня. И не в таких переделках бывали. Я, если что, через Алжир стопом проеду и Гибралтарский пролив переплыву – шенген же есть. Только пакетик найти надо – паспорт прятать, чтоб не намок, пока плыть буду. [Не нужен] пакетик, можно в [презерватив] спрятать – их с собой достаточно.

От волнения мысли путались, периодически превращаясь в несусветную чушь.

Уже подходя к отелю, издали заметил нездоровую толкотню у входа в здание рецепшена. Замедлил шаг, готовый в любой момент ударить по тапкам – но приблизившись, понял, что суета не про меня. У широких стеклянных дверей толпилось несколько десятков человек, все с чемоданами. В основном немцы и французы, судя по говору. Бурги громко общались – но как–то неправильно. Не так делятся впечатлениями люди, которые возвращаются домой, хорошо отдохнув на лазурном море с мягкими пляжами. Ладно, один там недоволен, ладно второму не дали, но когда все голосят что–то обеспокоенно и возмущенно, значит дело дрянь.

Быстро обойдя кучу чемоданов и протиснувшись через толпу толстых и потных тел, я прошел в холл отеля. Едва не бегом двинул к дивану в уголке.

«Так, Wi–Fi, подключиться», – шептал я телефону. «А вот тебе [нет Wi–Fi]», – отвечал мне телефон.

Вай фая нет. Ну ладно, будем деньги тратить – вознамерился подключить z мобильный интернет. «А вот тебе [нет] еще раз», – ответил мне телефон. Только сейчас я заметил, что табличка «Megafon Tunisia» сменилась на «Поиск сети». Вот это прикол! И что мне делать теперь? В аэропорт может, там билет купить? Или где интернет рядом расшарить? А в аэропорт как, на такси? Или автобус какой есть прямой, у кого бы узнать…

– Серега! – отвлек меня от метаний возглас, эхо от которого заметалось под потолком. Я вскинулся – Влад в центре холла, на меня смотрит. Не один, рядом с ним Юра, который на старшего помощника Лома отзывался, Махмуд и еще несколько мужиков, из семейных.

– Серега, как вовремя тебя поймал! Ты на машине же? – подходя, своим зычным голосом поинтересовался Влад. С удивлением я заметил, что в руках у него несколько клюшек для гольфа, да и парни с ним не с пустыми руками. У одного лопата, остальные кто с граблями, у кого просто черенок деревянный.

– На машине, – кивнул я.

– Серж, давай подключайся! Надо в город смотаться, попробовать узнать, что происходит! – посмотрел на меня Влад.

– А что происходит? – переспросил я, ошарашив и его, и спутников.

– Как что происходит? – воззрился на меня Влад. – Парни, давайте, сейчас подойду, – кивнул он спутникам своим, а мен просто показал рукой в сторону столовой.

Я посмотрел. Потом сквозь стеклянные двери посмотрел на улицу, где бурги торопливо грузились в автобус. Глянул на стойку рецепшн. Везде сновали озабоченные и растерянные люди, одинокую девушку за стойкой осаждали кучей вопросов. Особенно свирепствовала дородная женщина, которая теперь знает, как «кофе с молоком» по-английски. В этот момент, как раз, девушка за стойкой не выдержала и просто убежала в помещение для персонала, захлопнув за собой дверь.

– А что за херабора то? – обратился я к Владу.

– Да черт его знает. Ты на обеде был?

– С самого утра уехал, – отрицательно покачал я головой.

– Еще утром, на завтраке персонала не хватало, официантов не найти было, - пояснил Влад, - бар только один работал, у бассейна. К обеду и он закрылся, а в обед ни официантов, ни поваров. Жратвы почти не было, кончилась быстро - многим не хватило, а на кухне никого. Сначала пара перцев в пиджаках бегала вместо официантов, пытались что-то решить, потом и они исчезли.

– С интернетом что? – задал я главный вопрос.

– Да вообще нет ничего! – повысил голос Влад, – ни связи, ни инета! Давай, Серег, подключайся. Мы тут говна[1] набрали, – поднял он клюшки для гольфа, – всех русских в одном корпусе собираем, мало ли.

– Владик, дело такое… – замявшись, я закусил губу, – я тут кой–кого заколбасил на машине случайно, так что мне лучше на ней не выезжать сейчас.

– Тебя впалили? – с искренним, как мне показалось участием, спросил Влад.

– Нет вроде, но машина покоцана, – покачал я головой отрицательно.

– И чего париться? – развел руками Влад, – номера скручивай, да в канаву. Мы, если что, подтвердим, что ты с нами был. А машину угнали типа. Давай, Серег, не бзди, у них тут революция походу началась, ближайшее время им точно [все равно] будет, кого ты там

сбил. Давай, ты смуглый, джинсы только надень и футболку с длинным рукавом. Махмуд с тобой поедет, будете оба на местных чуреков похожи, авось не [привяжется] никто. Пойдем уже! – Влад кипел жаждой деятельности.

- Подожди, девчонок забрали? Помнишь, со мной двое были?

- Одна в Сахару, [не вовремя], на экскурсию с Вовчиком уехала, - Влад едва не сплюнул, - вторая, Вика, с нами. Про тебя спрашивала.

- И еще, Катя, темненькая такая, с ребенком. У нее маман еще светлая, коротко стриженая?

- Эту тоже забрали. Сам ее отводил, не парься - всех русских собираем. Давай, пойдем уже! – потянул меня за собой Влад.

* * *

- Привет, я Махмуд! – улыбнулся мне узбек.

- Серега. Здорово! – пожал я протянутую руку. Моя ладонь, вроде не маленькая, практически исчезла в лапе Махмуда. Вчера я совсем внимания на это не обращал, а сейчас заметил, что узбек и выше меня на пол головы и в плечах гораздо шире. Вот человек-хамелеон - когда улыбается, кажется мягким и пушистым – прямо за ушком почесать хочется. Когда не улыбается… не, пусть лучше улыбается.

- А где машина? – осмотрел Махмуд пустую стоянку перед холлом отеля. Толпа немцев и французов отсюда уже исчезла.

- Если за нами приедут, - не обращая на него внимания, проговаривал мне Влад, - без вас не уедем. Но думаю, это вряд ли скоро будет – гида нашего так и не видно. Все, удачи!

Я кивнул Владу и обернулся к Махмуду.

- Пойдем, машина не здесь, во дворах оставил.

- Давайте, давайте, парни, ни пуха! - Влад приобнял нас за плечи и подтолкнул в сторону ворот.

Метров двести по широкой аллее, засаженной пальмами, мы прошагали быстро. Территория отеля была пустынна, магазинчики вдоль аллеи закрыты. Лишь из пункта обмена валюты выскочил мужик с портфелем, и воровато оглянувшись, быстрым шагом пошагал впереди нас к арке въезда в отель.

От быстрого шага я тут же вспотел. Подмышками стало противно мокро, капельки пота то и дело скатывались по бокам. Махмуд, который был в джинсах, закрытых ботинках, черной майке и рубашке

на жару даже не обращал внимания. И у него даже на висках ни одной бисеринки пота не угадывалось. Привычный.

Прежде чем выходить из ворот, мы с Махмудом высунули нос и осмотрелись. Тихо вроде, пусто. И вдоль дороги не стоит ни одной желтой машины такси, хотя вчера в это время их штук по пять минимум здесь терлось. А мужик с портфелем куда-то исчез. Да и черт с ним.

Двигаясь быстрым шагом, чуть ли не бегом, мы с Махмудом пересекли шоссе. По улочке, уходящей от отеля вглубь двухэтажной застройки, шли молча, не разговаривая. Не знаю, как ему, а мне было немного не по себе – эта неожиданная пустота вокруг напрягала. Проходя перекресток на одной из улиц, увидели компанию молодых арабов, человек десять. Пока мы не скрылись за углом дома, все они очень пристально на нас смотрели.

- Иэй! – воскликнул Махмуд, увидев смятый со всех сторон Симбол. - Ты таранил кого?

- И таранил тоже, - кивнул я, щелкая сигнализацией. Синие прокатные номера скручивать не стал. Без номеров думаю, хуже будет – а ну как полисмены тормознут? Что я им скажу?

Сели в машину и сразу ощущение такое, что на улице темно. Солнце уже садилось, и если на улице не чувствуешь наступление сумерек, то в машине если, это сразу заметно. Я осторожно выехал из закутка, и по пустынной нижней дороге вдоль череды отелей мы поехали в сторону Набеуля.

- Слышь, Махмуд, а ты по-ихнему сечешь?

- Не, [совсем не понимаю], - цыкнул и покачал головой узбек, - это ж арабы, они по-нашему не умеют. Вот турки умеют.

- Турки?

- Ну да, турки. Мы когда их сериалы смотрим, почти все понятно, что они там говорят. А эти, - махнул рукой узбек за окно, - [ничего] не понятно.

- Ясно, - вздохнул я,- жаль.

Уже в предместьях стало понятно, что дело дрянь. Увидели мы и первые аварии, сразу несколько. Одна серьезная – несколько машин было перевернуто, а одна вообще смята так, что даже марку не определишь. Самая покореженная машина лежала на крыше, и по асфальту текли потеки масла и крови. А рядом – никого. Лишь

несколько зевак неподалеку яростно жестикулировали, обсуждая произошедшее.

- Это шито такое? – Махмуд сильно волновался и сейчас его акцент был очень заметен.

- Не знаю, - покачал я головой, медленно объезжая место аварии, - нездоровая канитель, не нравится мне это.

Примерно поняв, где мы сейчас в городе, я загнал машину в узкий переулок между двумя недостроенными домами, сиротливые дырки окон которых в каркасе из пеноблоков неприветливо на нас щурились.

- Пешком пойдем, - повернулся я к Махмуду, - там дальше улочки узкие, если в пробку встрянем, не хочу пешком до отеля топать.

- Ясно, - поняв, покладисто кивнул головой Махмуд.

- В супермаркет сначала, продуктов наберем, - кивнул я вдоль широкой улицы, на которой большой магазин видел днем.

Пространство у магазина просто заполняли снующие туда-сюда люди. Двери супермаркета были закрыты, зато витрины хрустели под подошвами мириадами стеклянных брызг. Кто-то из местных доламывал последний опущенный роллет, а внутри магазина уже шуровала туча народа.

- Махмуд, не теряемся, - мгновенно сориентировавшись, поманил я его за собой. – Вместе держимся, - коротко глянул я на него перед самым магазином.

Кто-то из мародеров грузил товар на тележки, кто-то таскал руками. Я схватил одну из валявшихся корзинок, быстро наполняя ее кучей банок с разными консервами. Махмуд рядом закидывал что-то вторую.

- По две корзины и [обратно]! - шепнул я узбеку, который толкался с несколькими арабами у полки с макаронами. – Давай, давай, - потянул я его за собой.

- Что так мало? - на бегу спросил меня Махмулд.

- [Слушай], если менты приедут, как мы все упрем? Несколько ходок сделаем, - на бегу проговорил я. Выгрузив еду в багажник симбола, мы с пустыми корзинами побежали обратно. Когда добежали до магазина – народа в супермаркете уже было гораздо больше – видимо нам повезло и подошли только-только к «открытию». В зале уже было не протолкнуться, у полок с консервами и крупами начинали вспыхивать драки.

- Может на складе посмотреть? – тихо сказал мне Махмуд, когда мы, наполнив корзины едва наполовину, пытались к полкам протолкнуться. Вокруг на своем балабонили и гомонили местные, и громко разговаривать на русском мы опасались – вдруг удивится кто, что иностранцы вместе с ними магазин выносят.

- Точно, кладовка! – я чуть по голове себе не хлопнул. Вот чего-чего, а опыта бомбежки магазинов у меня пока не было, и просто не подумал, что товар может не только на полках быть.

Вдруг совсем рядом раздался громкий крик, и один из арабов с перекошенным лицом бросился на спутника. Тут же завязалась драка, к ней присоединилось еще несколько, полетели вокруг банки, пакеты. Отходя в сторону, протискиваясь между теми, кто спешил посмотреть на драку (или разнять), мы двинулись вглубь магазина.

Но у дверей склада нас облом поджидал – несколько немаленьких парней выразительно покричали на нас, предлагая не мешать им товар вывозить. У этих процесс был налажен – сквозь свисающие в проеме прохода широкие полосы прозрачной пленки было видно, что со склада товар усиленно в машины загружается.

Когда мы с Махмудом пробивались к выходу сквозь толпу, с улицы вдруг раздались резкие, испуганные крики, и сразу после них люди в магазине начали суетиться гораздо сильнее.

- Сваливаем! – уловив в тональности криков испуг, а после, услышав резкие команды, потянул я узбека обратно к сладу.

Охраняющие вход нам не обрадовались, двое почти синхронно делая шаг вперед.

- Полиция, полиция! – взмахнул я руками, показывая в сторону входа. И тут же с улицы раздался сухой треск выстрелов, с потолка полетела крошка, а несколько пуль вжикнув, разлетелись рикошетом по залу.

- [Что за черт!] – удивленно выдохнул Махмуд, приседая от неожиданности и потянув меня вниз, - да они [с ума сошли]!

Матерился узбек, кстати, вовсе без акцента. Дернув еще раз сильно за руку, он оттащил меня за стеллаж, который тут же едва нас не накрыл, падая – слитная толпа, качнувшись от выхода, где стреляли, сейчас просто заполонила все вокруг топотом ног, шумом, гамом и выкриками.

Со стороны улицы раздалось еще несколько одиночных выстрелов, а после кто-то зарядил длинной, на весь магазин очередью. Мы с Махмудом уже вжались в пол, укрывшись за опрокинутым стеллажом, а людей вокруг дергало, рвало и опрокидывало пулями. В воздухе почти сразу запахло как на скотобойне, во рту появился медный привкус крови.

- [Сваливаем]! – потянул меня за руку Махмуд. Ноги оскальзывались на залитом кровью полу, пару раз я споткнулся о лежащие тела, но рванувшись, мы, двигаясь на четвереньках, кое-как вклинились в толпу.

- Давай-давай! – дернув меня за руку, рванулся вперед Махмуд, расталкивая метавшихся в панике арабов. Это он вовремя – позади опять раздалась трещотка выстрелов, люди рядом падали, ломаясь на бегу. Охраняющих выход на склад просто снесло толпой.

Мы с Махмудом, подстегнутые звуками выстрелов, сайгами пронеслись через склад, перепрыгивая через коробки, поваленные столы, паллеты с товаром и выскочили на улицу.

Основная толпа, выскочившая за нами, хлынула в арку, но теперь я схватил Махмуда за руку.

- Туда! – показал я на узкий проход в дальнем углу внутреннего дворика.

Махмуд прыгнул в ту сторону и помчался так быстро, что я сзади оказался. Догоняя узбека, увидел, что у него на плече уже огромный баул висит, в котором сейчас что-то звучно громыхало.

Пробежав промеж двух глухих желтых стен, мы оказались перед улочкой. Практически синхронно высунули головы: вроде тихо, спокойно. Позади крики, вопли, выстрелы раздаются, а здесь относительно спокойно. Люди есть, выглядят настороженно, но никто не стреляет.

Не сговариваясь, мы шагнули вперед, и часто оглядываясь, очень быстрым шагом двинулись прочь от магазина, в ту сторону, где машину оставили.

- Ты где нарыл? – спросил я узбека, показывая на баул.

- Там в магазине обронил кто-то, - пожал плечами Махмуд.

- А что там?

- Иэй, да [кто] знает, я же не смотрел! – возмутившись, широко открытыми глазами глянул на меня Махмуд. И тут же, на ходу,

поправив огромную сумку на плече, перевесив ее ближе к груди, чиркнул молнией.

- Консервы, [пресервы], жратва какая-то, - начал рыться внутри узбек.

- Красавец, - хмыкнул я, - то что доктор прописал!

Выскочив за угол очередной узкой улочки, мы с Махмудом одновременно отшатнулись – мимо проскочил белый турист с разбитым лицом, а за ним гнался с десяток человек сразу. При виде нас преследующие беглеца гортанно закричали. Что кричали я, если честно не понял.

- Валим! – потянул я за руку Махмуда, и мы бросились бежать от толпы. В диком темпе пролетели несколько проулков, один раз чуть под бешено виляющее такси не попали. Водитель там был явно обсажен – едва не сбив нас, он под звон стекла и скрежет металла въехал в овощную лавку.

Звук столкновения машины и дома даже перекрыл грохот банок в бауле Махмуда.

Запыхавшись до такого состояния, когда уже каждый вдох рвал горло, пробежав еще пару улочек, мы остановились.

- Оторвались? – заполошно осматриваясь, поинтересовался Махмуд.

- Не знаю, - выдохнул я и выглянул за угол.

И тут же столкнулся взглядом с парнем, который оторвался от того, что бил кого-то ногами. Неподалеку уже виднелась набегающая, гомонящая толпа.

- Ля иллаха ил аллах! – вскинув руку в жесте нацисткого приветствия, крикнул я первое, что пришло в голову. И тут же, спрятавшись обратно за угол, потащил Махмуда за собой.

Черт, что ту вообще творится? Пора из города сваливать, тут безумие какое-то!

Пока бежал, из ворота футболки выскочила цепочка с крестиком, который вырвавшись на волю, заметавшись, звучно стукнул мне по зубам открытого в запаленном дыхании рта.

«Господи, прости, ты ж понимаешь, что я [не специально]» - на бегу сжал я крестик горстью, поцеловал его и быстро убирал за пазуху.

Оглянувшись одновременно, мы с узбеком чуть притормозили – за нами вроде никто больше не гнался.

- [Ай]! – обернувшись, воскликнули мы одновременно с Махмудом.

- Ай! – воскликнула одна из девушек, на которых мы наткнулись. В голубых, полных ужаса и слез глазах читался ужас.

Затормозив в последний момент, я схватил ее за хрупкие плечи, удерживая и себя, и ее в равновесии.

Вторая девчонка в это время летела назад, вскинув ноги.

Масса Махмуда побольше раза в полтора чем у меня, да и баул у него не легкий (как прет то его еще на бегу!), так что затормозить узбек не успел.

- Помогите, помогите пожалуйста-а-а! – буквально заскулила та, которую я за плечи схватил.

- Материально? – машинально переспросил я.

Глава 11. Сергей

- Помогите, там Дашу и Ваню… они…. ии… - не смогла справиться с эмоциями голубоглазая девушка, обессилев от отчаяния, обмякнув в моих руках.

- Кто? Где? – уже чувствуя, что дело дрянь, спросил я.

- Там, - махнула рукой вторая девчонка, поднимаясь с помощью Махмуда, даже не обращая внимания на свои всклоченные волосы и частично порванную блузку.

- Там они, помогите, пожалуйста!

«[Дело дрянь]».

- Посмотрим? – одними губами спросил меня Махмуд.

Вздохнув, еще раз выругавшись про себя, я кивнул.

Перейдя улицу, мы забежали вглубь опустевшего уличного кафе, расположившегося на первом этаже, обнимая террасой угол дома.

Пригнувшись, повинуясь жестам девушки, мы укрылись за столами.

Только сейчас, первый раз остановившись за последние полчаса, наверное, когда мы второй раз от машины отошли, я затаил дыхание, прислушиваясь.

Опустевший как-то вдруг город, несомненно, жил. Вот только если сегодня утром город жил, и дышал звуками обычной жизни, то сейчас… палата для буйных душевнобольных тоже живет, и тоже дышит звуками – пришло мне вдруг на ум сравнение. Сейчас не было слышно фоном работающих двигателей сотен машин, гудков клаксонов, шумного гомона праздно шатающихся людей, криков продавцов, хлопанья дверей, да и просто обычного гула. Зато то тут, то там раздавались крики, рев, где-то трещали выстрелы, то и дело воздух рвали истошные возгласы.

И кто-то кричал совсем рядом, недалеко от нас.

Опущенный Махмудом баул глухо лязгнул банками. После этого я вспомнил, что надо дышать.

- Они там… - дрожащим голосом произнесла светленькая, изогнув руку, показывая в как будто за угол.

Ну да, как раз туда, откуда сейчас истошные резкие крики слышатся.

Аккуратно пробравшись мимо столиков, мы подкрались к заграждению кафешки за углом. Стоило выглянуть, как картина нам открылась очень уж неприглядная – около десятка человек, может больше, ногами били двоих лежащих. Те уже не шевелились, а просто сжались на земле, дергаясь от ударов.

- Помогите, помогите, пожалуйста! – заскулила опять светленькая, подбираясь ко мне.

Черт, я даже не услышал, как она тут появилась! – дернулся я от прикосновения к плечу.

- Да вы [с ума сошли], - не смог я сдержаться, - их там десяток, нас затопчут…

Девушка, хлопнув несколько раз глазами, просто начала беззвучно рыдать, спрятав лицо в ладонях.

- [Черт], вот [зачем] вы сюда пришли, а? – едва не зарычав от бессилия и злости, сквозь стиснутые губы произнес я.

- Нет! – вдруг истошно закричала вторая, взлохмаченная девушка, подскакивая.

- Стой, куда! – схватил ее находящийся рядом Махмуд.

Не удалось – многострадальная блузка затрещала, еще более разрываясь, а девушка бросилась вперед, выскакивая на улицу.

– Стойте, нет!

Да, контроль над собой она явно потеряла. Но было от чего – один из избивавших ее спутников притащил с обочины большую тумбу и как раз сейчас бросил ее на одно из скрючившихся тел.

Истошные визги перекрыл громкий звук лопнувшей, будто арбуз головы. У взлохмаченной девушки совсем сорвало крышу, и она сейчас бросалась на оскаленных в своей ярости мужчин. Один из них, отойдя от секундного замешательства, отмахнулся хлесткой оплеухой, от которой она покатилась по пыльному тротуару.

- [Что же ты сделала]! – в бессилии закричал я, невольно бросаясь следом. – [Тупая коза]!

Почти сразу я оказался рядом с ней и прыгнул ногами вперед в толпу. Один из арабов, получив удар в грудь, отлетел, двое кинулись на меня, но я откатился, поднимаясь.

- [Уходи]! – увернувшись от удара, я кулаком сломал кому-то нос. – Беги отсюда, дура! – почувствовал, как лопнули чьи-то губы под костяшками. И тут же мазнуло ужасом узнавания – лица арабов, которые избивали туристов, в гримасах ярости походили на ту безумную бабку, которая кинулась мне под колеса днем!

Я завертелся волчком, несвязно заорав, и чудом проскочил к девчонке, которая склонилась над бездыханным телом. Рванул ее за ворот, пытаясь поднять и откинуть в сторону, но она осталась на месте, а остатки блузки оказались у меня в руках. Тут же в меня вцепилось сразу несколько цепких рук, посыпались удары и меня повалил на землю. Перед глазами мелькнуло, и чей-то ботинок врезался мне в лицо. Губы и щеку обожгло, голова дернулась, а я попытался встать. Не давали – кто-то захватом держал мои ноги и пытался прокусить джинсы!

Еще один удар взорвал мне все в животе, так что я даже подпрыгнул в воздухе, выпустив из себя весь воздух. Глухо хакнув, я ничком приземлился на брусчатку мостовой, и тут же меня будто взбесившаяся колотушка обрушилась. Впрочем, град ударов прекратился почти сразу – вместе с диким ревом, от которого даже кусаку с моей ноги снес. А, не, не акустикой того скинуло – в руках бешено ворвавшегося в толпу и ревевшего Махмуда было высокое сиденье от стойки бара из кафе.

Узбек продолжал реветь, размахивая вокруг себя длинной табуреткой, которая то и дело встречалась с препятствиями в виде бешеных арабов. Те, кстати, в столкновении проигрывали – табуретка продолжала крутиться, а они разлетались по сторонам.

- Беги, дура! – морщась от боли, приподнялся я и рванул за руку девчонку, которая склонилась сейчас над безжизненным окровавленным телом. Она вскрикнула, но у меня на руках повис нападавший с окровавленным лицом – ее я отпустил, и она тут же вновь упала на колени рядом с трупом.

Крик Махмуда оборвался звучным и сочным хлопком – кто-то прыгнул ему в ноги, своим телом связывая его движения, кто-то как обезьяна напрыгнул ему на спину и узбек упал. Судя по звонкому звуку столкновения с мостовой, приземлился он качественно.

Меня тоже потянуло вниз, я почувствовал на руке чьи-то зубы и каждой клеточкой ощутил как чужие зубы вгрызаются в мое

предплечье.

От мысли о том, что меня сейчас загрызут, я бешено рванулся. Вовремя – убившая уже одну жертву тумба пролетела мимо. Но тут цепкие руки вцепились в мои руки, ноги, и я оказался на земле, придавленный сразу несколькими телами.

[Конец]. Это [конец], – мысленно всхлипнул я, после того как меня начали втаптывать ногами в землю.

Вот [зачем] я сюда пришел, а?

Как ни прижимал ноги к груди, кто-то запрыгнул на меня прямой ногой сверху и дыхание из меня выбило. В глазах потемнело, несколько ударов пришлось по рукам, и я просто закрыл глаза.

Все, долетался по курортам. Лучше бы на дачу в Пупышево съездил.

В момент, когда уже прощался с жизнью, понял, что никто меня больше не бьет. Хотя шум и звуки ударов по-прежнему звучат. И криков стало гораздо больше.

Захрипев, открыл глаза и осмотрелся – неудивительно, такая толпа вокруг.

- Хей, мэн, а ю олрайт? – участливо склонился надо мной молодой араб.

«У тебя глаза как у лошади» - мысленно сказал я ему.

Вслух произнести ничего не получилось, только кивнул. Араб тут же кивнул, и его озабоченное лицо с большими, покрытыми поволокой глазами исчезло из поля зрения.

- [Конченые] вы [твари]! – рядом Махмуд пытался подняться. Лицо его было все в крови, узбека ощутимо качало, руки его заметно дрожали. Рядом с ним валялась высокая табуретка, которой он небезуспешно некоторое время отмахивался.

Выручившие нас арабы, числом человек в двадцать, добивали бешеных. Именно добивали – наши спасители были вооружены дубинами и арматурой, на руке у каждого была белая повязка. И сейчас они просто месили безумцев, отходя от тел только тогда, когда те затихали навсегда.

Один из арабов между тем склонился над Махмудом, спрашивая что-то на своем, узбек с расширившимися глазами начал отвечать.

Рядом пискнуло, и мимо мелькнула светленькая головка – подбежавшая девушка, единственная оставшаяся в укрытии,

грохнулась на колени рядом с телами своих друзей.

- [Конченые] вы [твари], - повторил я слова Махмуда, глядя на безжизненные тела.

И парня, и девушку забили насмерть. Рядом с девушкой сейчас плакала светленькая, ноги парня обнимала темненькая. Ее тоже побили и поваляли – красная от загара кожа вся пыли, кровоподтеках и ссадинах, грязный бюстгальтер сбился набок и вниз, так что было видно совсем небольшую грудь.

- Вот, возьми, - появился рядом Махмуд, пытаясь надеть на нее свою рубашку. Девушка почти не обращала внимания – продолжала подвывать в истерике.

- А… а что он сказал? – грязно сплюнув кровавой юшкой, не с первого раза спросил я узбека, кивнув в сторону компании арабов с повязками.

- Сказал [беда], люди с ума сходят, - поднял руки девушки Махмуд, насильно надевая на нее рубашку. Сам узбек остался в майке, и сейчас было видно какие у него жилистые, перевитые жгутами мышц руки.

- Я вижу что [беда], и что с ума сходят, - еще раз сплюнул я, трогая языком шатающийся нижний зуб, - а по конкретней что? Из-за чего?

- [Черт] знает из-за чего, - пожал плечами Махмуд, - еще говорит, что нам [сваливать] надо. Больше [ничего] не говорит.

- [Плохо], - пожал я плечам и шагнул к светленькой. – Эй! Пойдем, мы им уже не поможем.

Девушка не ответила, лишь посмотрела на меня своими голубыми глазами, полными слез.

- А Даша? Куда ее?

Вот здорово, нам еще и трупы с собой таскать.

- Оставим пока здесь, из отеля вызовем скорую, их заберут, - произнес я.

Ну да, конечно. И скорую вызовем, и заберут.

Но не тащить же трупы с собой? К тому же я даже не знаю сейчас, где машина!

Махмуд, наконец, одел на темненькую рубашку и, оттеснив девушку в сторону, присел и с усилием приподнял мертвое тело парня,

только его яодвито-зеленые кроссовки в воздухе безжизненно качнулись.

Вздохнув, я присел рядом с мертвой девушкой и, поморщившись от боли, поднял ее на руки. Не успевшее остыть и окоченеть тело оказалось очень легким, почти невесомым.

Мертвую я положил рядом с деревом, у которого уже опустил парня Махмуд.

- Все, сваливаем, - сквозь зубы выдохнул узбек, глядя вслед уходящим арабам с повязками, один из которых помахал нам рукой.

Черт, я им даже спасибо не сказал.

- Где машина, помнишь? – обернулся я к узбеку.

- Иээээйй…

- Тоже не помню, - озадачился я.

- Может, на крышу залезем? – предложил Махмуд и показал на стену дома, в которой сейчас была открытая дверь.

- Да, давай, - кивнул я, присматриваясь, - только сумку заберем.

Пока Махмуд быстро сбегал за сумкой, я потащил обеих девчонок за собой, уговаривая их успокоиться. Хотя они и так без истерик, просто надо же было им хоть что-то говорить.

Протиснувшись в узкую дверь, мы оказались в тесном коридоре.

- Эй, есть кто дома? – крикнул Махмуд.

- Энибади хоум? – заорал я, как в ужастиках орут за секунду до голоса переводчика.

Дома вроде не было никого. Увидев в стороне лестницу, такую же тесную, как и весь домик, мы тесной группой двинулись на второй этаж. Шумели, надо сказать, как слоны в посудной лавке.

Только я сделал последний шаг по лестнице, осматриваясь – везде ковры, как из угла комнаты на меня что-то метнулось, и я почувствовал зубы на предплечье.

- [Ай]! – заорал я и от испуга, и от боли – укусил меня незнакомец прямо в то место, где кожа уже была пожевана.

- Отпусти ты! – крикнул я, в панике изо всех сил нанося удары нападавшему в темечко. Меня толкнуло в сторону, и появившийся рядом Махмуд откинул тело в сторону.

В воздух взлетело несколько капель крови – зубы чиркнули по голому мясу, а я взвыл от боли. Взвыл и нападавший, вылетая вместе с покосившейся рамой в окно.

«Да это тетка!» - увидел я на миг взметнувшиеся длинные волосы и перекошенное лицо.

- Не орите! – сразу после раздавшегося с улицы звучного шлепка рявкнул Махмуд на испуганных девушек. Только тут я осознал, что они не прекращая визжали от испуга. Хотя мне, если честно, было уже все равно – очень уж рука болела укушенная, так что от слабости коленки подгибались.

- Фу ты [черт], - выдохнул я, глядя искусанное предплечье и тут у меня ноги подогнулись от ужаса осознания. Пытаясь не поддаться панике, я присел в углу, стиснув зубы.

Пока Махмуд лазил на крышу осматриваться, светленькая быстро перевязывала мне руку. Когда она поднялась, осмотрел ее с ног до головы.

Симпатичная. Лицо как с картинки, фигурка блеск – худенькая, но грудь футболку распирает, а задница вообще огонь. Интересно, как ее зовут?

Хотя [все равно] уже, как ее зовут.

- Серега, мы совсем рядом! Вон тама дома недостроенные, где мы машину оста…

- Махмуд! – перебил я узбека.

- А-а?

Манера разговора у него, кстати, своеобразная. Гласные некоторые певуче произносит.

- Тебя кусали? – посмотрел я в блеснувшие в полутьме глаза.

- Аа… нет, - замотал головой узбек.

- Не [ври], - резко сказал я, - на тебя в куче один кинулся, я видел, как он тебя за ногу укусить пытался.

Махмуд шагнул ко мне и вытянул вперед правую ногу.

- Если и пытался, то не прокусил, - самодовольно сказал узбек, - зубами подавился, епта. А чего?

- Да [ничего], - поднимаясь, вздохнул я и пошел к лестнице.

- Серега, что с тобой? – судя по звуку, быстро шагнул за мной следом Махмуд.

В этот момент я встретился взглядом со светленькой. Сообразительная она, кстати - девушка тут же отшатнулась, влетев спиной в стену и пронзительно на меня глядя.

- Пока нормально все, - пожал я плечами, увидев немой вопрос в ее глазах.

- В смысле? – появился рядом Махмуд. Он еще не догадался.

- [Черт], они же не просто так такими стали! – взорвался я, так что узбек отшатнулся.

- А-аа а… и че? Серег, ну может они просто съели что не то, а? Серег, да ты думаешь, что… да все обойдется, Серег… - бормотал растерянно Махмуд, спускаясь за мной по лестнице.

Перед выходом на улицу я пожевал губами, смачно сплюнул и глянул в черные глаза спутника.

- Ты понимаешь, что со мной делать, если что?

- А…

- Понимаешь?! – не выдержав, рявкнул я.

- Да понимаю, понимаю, - погрустнел Махмуд.

- Не грусти, дружище, - попытался я его успокоить, - может эта херня воздушно-капельным путем передается.

- И чего тогда?

- А тогда вообще всем [конец].

Глава 12. Анжелика

05 октября, день

Порывы холодного ветра то и дело кидали в лицо мелкие противные капли дождя. Вместо неба, чуть выше – казалось, вытянутой руки, висела серая хмарь облаков. Вытянувшаяся колонна возмущенных, смущенных, озадаченных и просто злых, негромко гомонивших людей длинной гусеницей перетекала по мокрому полю, огибая аккуратное кирпичное здание диспетчерской – единственное яркое пятно в сером мире. То, что это диспетчерская, Анжелика догадалась по характерной форме стекол высокой обзорной комнаты, в которой все стены были прозрачными, наклоненными вперед.

Между тем, появляясь из густой пелены дождевых облаков, самолеты все шли и шли на посадку один за другим. Мимо с шумом, от которого заложило уши, пронесся очередной самолет, плюнув дымом из-под колес шасси при касании бетонки, и ведущий группу старший лейтенант зычным голосом дал команду перебегать взлетно-посадочную полосу. Ошалевшие от происходящего пассажиры пыхтели, кряхтели, бежали и сдержанно матерились. Матерились, но бежали. Плакали многочисленные дети.

До терминала пришлось шагать несколько километров. Анжелика лишь порадовалась, что на ногах у нее были джинсы и кроссовки. Вид дам, которым приходилось шагать по мокрой земле на каблуках, вызывал сочувствие.

То и дело Анжелика доставала телефон, проверяя сеть. Казалось, появись сейчас все лишь несколько палочек, и все вернется на круги своя, и окажется недоразумением это торопливое перебегание взлетно-посадочной полосы, и яркая стрелка, сбившая самолет, и непонятные слова военного о какой-то эпидемии. Но яркий экран телефона никак не превращался в окно в обычный и привычный мир – мобильной сети все не было.

Долгая прогулка, как ни удивительно, пошла Анжелике на пользу. Расходившись, она чувствовала себя гораздо лучше чем тогда, когда безвольно страдала в кресле самолета. И даже хмарь, морось и пронизывающий ветер уже не причиняли сильных неудобств

-состояние природы в стиле вечной недружелюбной осени было привычно ей, родившейся в Санкт-Петербурге. Лишь неправильность происходящего терзало сомнениями, но чувство беспокойство притуплялось надеждой, что все недоразумение вот-вот должно закончиться.

- Всем внимание! – остановившись перед самым терминалом аэропорта, поднял руку старший лейтенант Стародубцев. – Запись новоприбывших производится на стойках регистрации вылета! Паспортный контроль проходить не надо, сразу следуйте к стойкам регистрации!

Стоило только протиснуться вместе с толпой внутрь, как девушка увидела человек пять солдат, стоящих сразу у дверей, демонстративно положивших руки на висящие поперек груди автоматы.

- Куда?! – стоило только миновать входные двери, шагнул один из них к Анжелике, которая остановилась подождать маму, затерявшуюся в толпе узких проходов.

- Покурить! – недружелюбно ответил кто-то за спиной девушки.

Нет, не к Анжелике, оказывается, солдат шагнул.

- Выход на улицу запрещен, - спокойно произнес боец и подтолкнул мужчину в строгом костюме, который попытался протиснуться к выходу мимо Анжелики, обратно, вглубь зала.

- Да я только что вошел!

- Уважаемый, у меня приказ, - бесстрастно посмотрел боец в лицо мужчине.

- А где тогда курить? – поинтересовался тот возмущенно.

- В залах для курящих, - пожал плечами солдат и дернув подбородком вперед, неопределенно указывая направление.

Мужчина в костюме вздохнул и, возмущенно сглотнув раздражение и сдавленное ругательство, двинулся в сторону толпы, протискивающийся через проходы паспортного контроля. Окинув взглядом это столпотворение, Анжелика поняла, почему мужчина так неожиданно решил развернуться и вернуться на улицу перекурить.

- А здесь что, есть залы для курящих? – услышала она вдруг вопрос одного из солдат своему напарнику.

- Да [черт] знает, - пожал плечами тот боец, только что не пустивший мужчину на улицу. - Вот и проверит.

Солдаты говорили негромко, но у Анжелики был хороший слух.

Терминал встретил вернувшихся на Родину туристов шумом и гвалтом. Людей здесь было не просто много, а очень много. И везде были видны зеленые человечки с оружием.

У стоек регистрации Анжелика лишь вздохнула – длинные вереницы очередей заворачивались невероятными улитками. Со стороны стоек регистрации несся крик, ругань людей в очереди, возмущенные возгласы.

- Мама, это [конец], - резюмировала Анжелика.

- Лика, что за слова! – возмутилась мама.

Девушка даже внимания не обратила.

- Ты будешь стоять? – посмотрела она на маму.

- Конечно! Надо же зарегистрироваться! – казалось, мысль о том, что можно игнорировать слова военного и не стоять в очереди на регистрацию, повергла в шок маму, опытную волчицу бюрократических сражений. – Да и багаж получать только после регистрации!

Анжелика вздохнула. Кажется, мама еще не прочувствовала всей той задницы, которая происходит.

- Мам, ты постой, я пока схожу, попробую что-нибудь покушать найти. Так есть хочу, что живот сводит, - поморщилась девушка.

Ей действительно стало уже гораздо лучше, но слабость от отравления, побежденного таблетками, заменила сейчас слабость и режущее чувство голода.

- Вот доча, держи, - потянулась в свою необъятную сумку мама и к удивлению Анжелики достала немного заботливо собранной с собой еды.

- Знала бы, обед из самолета еще с собой взяла, - расстроенно покачала головой мама.

- А попить есть? Спасибо, мамочка, - чмокнула женщину в щеку Анжелика и, приняв у предусмотрительной мамы сверток и бутылку с водой, нагло пронесенную той сквозь безалаберный предполетный досмотр в египетском аэропорту, отправилась искать укромное местечко.

С поиском такого в переполненном терминале возникли проблемы. Побродив немного, Анжелика махнула рукой и пристроилась просто у стены между большой компанией шумных

мужчин с одной стороны, и большой семьей с плачущими детьми с другой.

Быстро перекусив, Анжелика поднялась и, отряхнув крошки с коленок, направилась к стойкам регистрации. Поддавшись искушению, она завернула в сторону кафе – очень хотелось чаю. Но, увидев огромную толпу у стойки, девушка от идеи отказалась. Не то что купить что-либо, к витрине то подойти вряд ли б получилось, чтобы даже ассортимент посмотреть.

Анжелика уже было разворачивалась обратно, как от стойки донесся несвязный рев, и толпа вдруг испуганно отшатнулась в стороны. Перелетев через стойку, на пол, вскрикнув, упала женщина продавец. Испуганно крича и пытаясь подняться, она заворочалась как жук, но вдруг к упавшей подлетел агрессивно настроенный мужчина.

- Ты что казала, а!!! – срываясь на визг, ударил он продавщицу, - ты что мразь!!! Как это нет!? Я тебя ….

Совсем рядом раздался резкий звук, будто толстая сухая ветка треснула. Голова мужчины дернулась, жидкие волосы рядом с блестящей от пота лысиной вдруг исчезли в красном ореоле, и Анжелика с ужасом увидела кусок черепной коробки, отлетевший в сторону. Агрессивный мужчина сложился и бочком ткнулся в пол - глухо чавкнула развороченная часть головы, скользнув и оставив за собой темный след.

Анжелика сморгнула, хотела отвести глаза, но не смогла. С болезненным любопытством она уставилась на сгусток будто бы светлого куриного фарша, с несколькими красными нитками, который лежал рядом с телом. И к этому сгустку уже подползали тягучие потеки густой бурой пленки из-под головы убитого, под которой уже вся поверхность пола была неожиданно ярко-красной.

Высунувшиеся на звук выстрела люди поспешно отходили, создавая пустое пространство вокруг кафе. А находившиеся внутри, наоборот, вжимались в стены помещения. Лишь вторая работница кафе выбежала из-за стойки и сейчас помогала своей коллеге подняться, не обращая внимания на лежащий неподалеку труп.

Анжелика почувствовала, что ее бросило в крупную дрожь, и сама невольно попятилась назад, не отрывая взгляда от лежащего тела. Остановилась она тогда, когда уткнулась спиной в препятствие и только после этого подняла глаза.

Выстреливший солдат уже опустил оружие и что-то негромко говорил в рацию. Прошло еще около полминуты, и вокруг застучали подошвы по полу – подбежало сразу несколько военных, а следом, почти одновременно появились настороженные уборщики аэропорта с большим пластиковым мешком.

- Докладывай! – резко произнес один из военных, в котором Анжелика узнала Баталова.

Девушка услышала лишь обрывки фраз, когда солдат сбивчиво, но коротко докладывал своему командиру. Видно было, что боец серьезно волнуется.

- Для тех, кто в танке, повторяю! В случае немотивированной агрессии будет открываться огонь на поражение! – зычным голосом повторил Баталов.

Вжикнула молния, и два азиата-уборщика принялись неаккуратно грузить тело на багажную тележку.

- Что вы за нелюди то? – вдруг послышался тихий, но сильный голос, - у него просто нервы не выдержали, а вы сразу стрелять.

Анжелика даже привстала на цыпочки, пытаясь высмотреть говорившую. У нее даже ком тошноты из горла исчез – возмущенной девушке очень захотелось сказать, что если кто-то решает из-за плохого настроения позволить себе пинать ногами буфетчицу, то вполне можно ему в голову стрелять.

В этот момент бледная и сухая женщина шагнула вперед, глядя на военного.

- Может быть ему…

- Не может, мль! – резко ее Баталов. Вдруг он вздохнул, сморгнул и почти нормальным голосом произнес, осматривая оставшихся рядом людей: - В случае распространения эпидемии здесь, в зоне карантина, последствия будут печальными для всех нас. Поэтому прощу всех сохранять спокойствие и быть предельно вежливыми, - последнюю фразыБаталов произнес даже без тени насмешки. Развернувшись, он пошагал прочь, за ним двинулось и несколько прибежавших с ним солдат.

Обогнув двух низкорослых тетечек, которые безэмоционально швабрами стирали густую кровь и мозги агрессивного мужчины, Анжелика бросилась вслед за Баталовым.

- Товарищ полковник! Товарищ полковник! – заметила девушка количество звезд на его погонах.

- Что?! – резко обернулся военный.

- Товарищ полковник, - быстро заговорила Анжелика, - если чрезвычайно положение, то частичная мобилизация идет? Возьмите меня к себе!

- Что? – прищурился полковник, - девочка, ты о чем?!

- Товарищ полковник, я на стойке регистрации могу работать, у вас там жопа, я видела, на выдаче в кухне могу, бумажки могу в штабе перекладывать! Что скажете, все могу, чего не могу, научусь! Возьмите меня, товарищ полковник!

Баталов хмыкнул только, покачав головой и разворачиваясь.

- Товарищ полковник, у меня папа военный и брат курсант, я всю вашу кухню знаю, лишней не буду! – сделала последнюю попытку в спину военному Анжелика.

Баталов приостановился, обернулся и посмотрел на девушку, склонив голову.

- Четвертый этаж, бизнес-салон. Послезавтра подойдешь, скажешь, что от Баталова, я предупрежу, - кивнул полковник и, развернувшись, пошагал прочь. – Только зарегистрироваться не забудь, - бросил военный, уже не оборачиваясь.

- Пипец, а откуда он знает, что я еще не зарегистрировалась? – негромко, обращаясь к самой себе, спросила Анжелика.

- Бэйджика потому что нету, - услышав слова девушки, проходя мимо со своей шваброй произнесла уборщица, и похлопала по ламинированной табличке у себя на груди, - всем вешают теперь!

- Спасибо, - кивнула девушка пожилой женщине и поспешила вниз, к очереди на регистрацию.

Лика работала в Почте России. И, несмотря на то, что не понаслышке знала о частенько полнейшем маразме организации процессов, невероятной неповоротливости, безалаберности и даже противоречивости работы государственных организаций, она в свои двадцать три года уже нюхом чувствовала, что когда в мире наступает [катастрофа], лучше быть внутри системы.

Пусть даже и еду в окошке кухни выдавать. Или бумажки перекладывать.

Уж не шваброй-то махать, это есть кому – подумала девушка, спускаясь по лестнице и лавируя между возмущенно, удивленно, обреченно переговаривающимися людьми.

Вот только почему он сказал не завтра, а именно послезавтра приходить?

Глава 13. Виктор и Маша

05 октября, день

Руки Виктора не просто подрагивали, а бились в крупной дрожи. Он чувствовал, как под кожей противной трясучкой исходят мышцы, и постоянно что-то делал, чтобы упокоить дрожь – теребил полы рубашки, вытирал мокрые ладони об штаны, шмыгая, тер костяшками нос, периодически начинал щелкать пальцами.

- Вик, прекрати! – громким шепотом ощерилась на спутника Маша, которую раздражало щелканье. Девушка сидела, подогнув ноги и разложив на коленях ноутбук, пытаясь слиться с вайфаем международного аэропорта.

Парень хотел было ответить, но сдержался – и так уже сколько друг-другу наговорили. Не время сейчас. Вот приземлится самолет, тогда он точно этой тупой склочной дуре выскажет все, что о ней думает. Потом, не сейчас.

И совсем скоро - уже регистрация пройдена, осталось только одно – улететь. Улететь из Африки, и домой, домой! Скорей домой, из этого ада.

Виктор осмотрелся – зал шумел, почти как обычно. Но именно почти – в гомоне, движениях многих чувствовалась озабоченность. Но магазины, кафетерии работали, мелькали загорелые лица, и даже редко-редко можно было заметить чью-то улыбку.

«Господи, господи, помоги пожалуйста!» - взмолившись, Вик посмотрел вверх.

Потолок зала ничего ему не ответил, и он опустил глаза, тут же столкнувшись взглядом с одним из проходящих мимо полицейских. Стараясь сохранять невозмутимость, Виктор, с трудом разрывая щупальца опутавшего его страха, как можно спокойнее отвел глаз от стража порядка и на деревянных, плохо слушающихся ногах подошел и присел рядом с Машей.

- Вон, смотри, уже и на пикабу появилось в горячем! – ткнула на экран девушка, потеребив Виктора за плечо.

- Где? – сглотнул тягучую слюну парень. Ему было очень страшно – что их сейчас остановят, задержат до выяснения, снимут с рейса,

отправят в тюрьму, на карантин, в больницу…

Но самый сильный страх Виктор пока сдерживал. Ему очень хотелось верить в то, что они не заражены. И хотя никаких симптомов пока не было (за исключением глубокого желания набить [лицо] Маше по прибытии домой), но мысль о том, что он мог подхватить вирус, заставляла тянуться холодом низ живота.

- Ч-черт, ну грузись же ты! – сморщилась между тем девушка, глядя на экран ноутбука.

Виктор посидел немного, подергивая ногой, сдерживая навалившееся вдруг сильное желание помочиться, а после резко встал.

- Я в сортир - буркнул он в ответ на вопросительный взгляд Маши и двинулся по длинному залу ожидания. Влетев в туалет подальше от гомонящей толпы, он прошел мимо длинного ряда писсуаров и заскочил в кабинку. И только тут внутренняя пружина разжалась, и парень чуть было не сполз на светлый кафельный пол.

Переведя дыхание, даже не обращая на дух общественного туалета – забитый освежителями и ежечасной уборкой помещения тяжелый запах, Виктор трясущимися руками начал расстегивать ширинку.

- Аах, - почти всхлипнул он с наслаждением, когда все получилось.

Вдруг в туалете грохнуло дверью, и помещение будто наполнилось зычным гомоном туристов, возвращающихся с отдыха. Голоса были громкие, сочные - Виктор как вживую представил этих мужиков – больших, красных от загара, пузатых. И только сейчас понял, что прекратил процесс – паховые мышцы невольно сжались от внезапного испуга.

«Быдло» – поморщился парень, и вновь брызнул струйкой на унитаз.

Тут снова грохнуло, уже совсем рядом. Причем так, что стенки кабинки даже вздрогнули.

Мышцы Виктора снова сжались от испуга, а рядом, буквально в метре, грузно заворочалось огромное тело, громко сипя тяжелым дыханием и густым матом.

- Гера, че, посрать?!

- Ага! – рванул воздух ответ Геры, который сейчас, судя по противному скрежету и вибрации стен от прикосновений, пытался

встать ногами на унитаз.

- [Епта], может мне тоже посрать? [Нехорошее] африканское говно в Африке оставить?

- Говно [замечательно], не нада! Мэйд ин ультра-олл-инклюзив, [епть]!

- Ха-ха-ха, [действительно], в натуре! Не, я такое [замечательное] говно лучше домой привезу, обрадую унитаз…

- Ха-ха-ха…

Воздух вдруг разорвал очень громкий, долгий и мерзкий звук вырвавшихся кишечных газов.

Виктор поморщился, задерживая дыхание, и попытался все-таки закончить то, зачем пришел.

- Пошло говно родимое! Иииии…. Раз! – снова взорвал тишину мерзкий звук и за стенкой что-то начало глухо стучать и булькать.

- Гера, ну ты даешь!!! – вперемежку с хохотом встретили звуковое сопровождение его друзья.

- Иии… два! – снова гаркнуло рядом, заставив Виктора сморщиться, но тут вдруг вся кабинка вздрогнула, и раздался громкий и резкий звук падающего тела.

- Ух ты… - донеслось оттуда сдавленно.

- Гера, ты [упал] там что ль?

- Ууу [черт]… - просипел Гера, - [Неудачно как]…

Друзья Геры загоготали.

- Гера, ты как там? Говном не замарался?

- Ууу… [больно-то как]…

- Яйцами ударился? Не разбил? – снова взрыв гогота.

- [Почему] вы ржете, ублюдки? – в голосе Геры послышалась злость.

- Гер, ты в порядке?

- [Друзья], я спросил, [почему] вы ржете?! – голос Геры набрал силу, задрожав от сдерживаемого напряжения.

- Гер да ты что? – спросил кто-то из друзей, - Гер, да успокойся ты…

- [Пассивные гомосексуалисты]! – стенку кабинки сотрясло от удара кулаком.

- Э-э, Гер, ты за словами то следи! – повысил голос и один из друзей.

- Гера, это все москали виноваты! – почти одновременно произнес второй успокаивающим тоном, - я те точно говорю!

- [Сейчас я с вами разберусь]! – еще раз кабинка вздрогнула от удара кулаком. А потом снова и снова, но не так сильно, глуше – Гера бил ногой, но судя по звукам и пыхтенью, ему мешали штаны, злоба и ограниченность пространства.

- Гера я тебе говорю, это [нехорошие] москали все виноваты! – снова повторил голос, - давай кому-нибудь [по лицу] дадим, и не будем ссориться!

Из-за стены между тем донеслось уже животное рычание.

Виктору было так страшно, что он уже даже не обращал внимания на распространившийся в воздухе зловонный запах.

- Вон как раз один есть, - гоготнул вдруг голос кого-то из друзей, - смотри, рядом с тобой уже давно в кабинке стоит!

У Виктора при этих словах внутри все опустилось, закрутилось спиралью и заледенело. Он сжался, судорожно начав застегивать ширинку, дергая заевшую молнию.

- Э, слышь? Ты не москаль?

- А… ай м сорри, ай донт андестенд, - дрожащим голосом ответил Виктор, когда по его двери несколько раз ударили ладонью.

- Что ты там [епть] лопочешь?

Виктор закончил с ширинкой и осторожно открыл дверь, столкнувшись взглядом с огромным и пузатым мужиком. Почти такой же типаж, как он себе и представлял, только веселая панамка с морячком никак не вязалась с остальной широкой внешностью.

- [Что] смотришь? - дернул массивным подбородком мужик, - русский?

- Ноу, ноу, - замотал головой Виктор, - нот рашен! Но сэр, ноу!

Мотая головой и приподняв руки, парень медленно попятился к выходу.

- [Ну и вали] отсюда, - плюнул словами мужик, надув крупные губы и обернулся к кабинке, - Гера, ты там чего ревешь, а? Гера, слышишь?

Под смех третьего мужика торопливо вывалившись из туалета, Виктор перевел дыхание и быстрым шагом, почти бегом, двинулся обратно к Маше, стараясь привести в порядок мысли и чувства.

- Вот Вик, смотри! – как только он подошел, протянула ему ноутбук Мария, - это [беда], реально!

Виктор, даже не обратив внимания на то, что Маша выругалась – хотя матом она никогда не ругалась, принял ноутбук и уселся на колени, глядя в длинную простыню текста.

- Сейчас я приду, - поднялась Маша.

- Ты куда? – с полуоткрытым ртом, глядя и на девушку и на монитор, спросил парень.

- В туалет, - негромко произнесла Маша и развернувшись, быстро пошагала в ту сторону, откуда только что вернулся ее спутник.

- А… э… - дернулся было вслед Виктор, но девушка уже далеко ушла.

«Да и ладно - махнул рукой парень – быдланы в мужском, не в женском».

Успокоив себя таким образом– очень уж ему не хотелось бежать следом за Машей туда, где были такие страшные агрессивные мужчины, Виктор снова повернулся к монитору. Но по мере того, как он читал посты из ленты «горячего», у него от страха снова начало сводить мышцы.

Процокав каблучками по полу, Маша быстро дошла до женского туалета. Когда проходила мимо мужского, из-за его двери едва слышно доносились сдавленные возгласы и глухие удары, как будто кто-то тяжести по квартире агрессивно двигал.

Выйдя из кабинки, Маша подошла к раковине и начала тщательно мыть руки. Они совсем не были грязными, просто девушку успокаивал звук льющейся воды. Сзади щелкнул замок, и рядом с Машей встала высокая скуластая скандинавка, приветливо улыбнувшись. Маша улыбнулась в ответ.

Незнакомка, быстро помыв руки, развернулась и пошагала к выходу. Маша проводила ее взглядом и вернулась к своему отражению.

Красивая. Осунувшаяся и усталая - но это ничего, стоит только вернуться домой, отдохнуть от отдыха и лицо снова станет красивым, округлым, а на щеках появиться румянец и исчезнут эти круги под глазами.

- Hey, man, what are you doing? – вдруг взорвалась возмущенным возгласом светлая незнакомка от двери.

Быстро посмотрев в ту сторону, Маша увидела, что в туалет завалился здоровый и толстый мужик с искривленным страшной гримасой лицом. Быстро сделав шаг вперед, он захлопнул за собой дверь, и тут же его рука молнией метнулась к скандинавке.

- Are you crazy?! Holy sheet, this… - прервалась светленькая на полуслове - от резкого удара ее голова дернулась, тут же раздался глухой звук встречи затылка со стеной, и возмущенная девушка, потеряв сознание, будто сложилась, опав на пол безвольным болванчиком, смешно раскинув руки и ноги.

- Ой! – выдохнула Маша и задом попятилась в сторону кабинок. Когда нападавший глянул на нее, девушка от испуга едва не подпрыгнула и метнулась в кабинку. Лихорадочно захлопнув дверь, Маша дрожащими руками закрылась, щелкнув замком.

Она не столько услышала, сколько почувствовала, как страшный незнакомец приближается и только сейчас закричала, завизжала что было сил. Девичий визг разнесся в пространстве, заполнив все помещение туалета, и сквозь прикрытую дверь вырвался наружу.

Маша кричала, в ужасе прижав руки к щекам. Это немного смягчило удар – дверь, которая должна бы по идее открываться наружу, буквально метнулась внутрь, сшибив девушку с ног и бросив ее спиной на унитаз. Заскрипел свороченный набок сливной бачок, падая с противным звуком – ударившись об него головой, Маша на несколько мгновений выключилась из реальности.

Нападавший с силой рванул дверь на себя, срывая ее с петель, отбрасывая в сторону, и бросился на девушку. Схватив за волосы, он потянул ее к себе; от рывка Маша пришла в себя и вновь закричала – очень уж ей было больно.

Через секунду Маша кричала от ужаса – она почувствовала, как незнакомец рванул на ней юбку, задирая. Резким движением нападавший разорвал на себя нижнее белье, затрещала рвущаяся, впивающаяся под натяжением в кожу ткань, а Маша закричала от боли. Крик боли перешел в визг от ужаса, но тут туша навалилась на девушку, вышибив из нее весь воздух. Унитаз уперся ей в живот, голова оказалась внизу, рядом с разбитым сливным бачком и сзади, в промежности, она почувствовала настойчивое тыканье.

В ухо девушки сопел и рычал распластавшийся на ней мужчина, пытаясь изнасиловать, но получалось плохо – Маша из последних сил

сжала ноги, сопротивляясь.

Нападавший возмущенно зарычал, и Маша почувствовала, что туша с нее приподнялась и снова завизжала. Всего на пару мгновений – сильный удар в бок вмял девушку вниз, вбивая в унитаз. Запустив в волосы руку, нападавший принялся бить девушку головой о стену. Легкое перекрытие не выдержало, и насильник впечатал Машу лицом в унитаз. На белый кафель брызнула кровь из разбитой губы, а нападавший приподнял девушку и с силой швырнул ее вниз. Утробно заскулив от боли и унижения, девушка почувствовала на ягодицах сильные, впивающиеся, едва не рвущие кожу нежную пальцы - легонькая девушка вновь приподнялась в воздух – насильник приподнял ее, подстраивая под себя. Из последних сил Маша вся сжалась, препятствуя проникновению, чувствуя, что на глаза падает темная пелена. Но вдруг, будто издалека, раздались крики, гомон и держащие девушку руки разжались.

Маша упала вниз, скользнула по унитазу, упала на пол, больно ударившись плечом в кафель пола, но тут же забарахталась и начала отталкиваться ногами, переползая под смятой загородкой в другую кабинку.

Помещение наполнили громкие, уверенные возгласы и частные, глухие звуки ударов. Через несколько секунд грузная туша рухнула на пол и звучно тренькнули пластиковые наручники, стягивая оглушенному дубинками насильнику руки и ноги.

* * *

Сжавшись на сиденье, Маша обхватила ноги руками и спрятала разбитое лицо в коленях. Прячась от окружающего мира, она тихонько плакала от еще не прошедшего испуга и боли.

- Маша, поднимайся, посадку объявили, слышишь? – легонько тронул девушку за плечо подошедший Виктор.

Девушка от прикосновения невольно дернулась, но справившись с собой, поднялась. Опустив лицо, она вытерла слезы и несколько раз вздохнула, пытаясь прийти в себя.

- Пойдем, пойдем быстрее, - приобняв, потащил ее за собой Виктор.

- Подожди! – поморщившись, негромко и не очень четко из-за распухших губ произнесла Маша, - ты понимаешь, нет? У меня болит все!

- Машенька, давай быстрей, солнышко, ты же читала, что в интернете написано, нам надо быстрее отсюда улететь. А если аэропорты закроют?

Маша кинула злой взгляд на спутника, но кивнула и побрела вслед за ним. К стойке у посадочных ворот стояло сразу несколько человек в форме российской авиакомпании. Выглядели они очень встревоженными, поторапливая всех. Маша с Виктором подошли одними из последних, и парень по этому поводу очень нервничал.

Уже на стойке регистрации, перед посадочным рукавом, девушка бросила взгляд в сторону и замерла, будто пронзенная электрическим разрядом.

- Витя!

- Маш, не называй меня так, ты же знаешь…

- Витя, его уводят! – показала пальцем девушка, не обращая внимания на слова.

- Кого? – недовольно сморщился Виктор и посмотрел в ту сторону, куда указывала Маша.

Несколько секунд парень не мог понять, кого же все таки уводят, но после увидел нескольких полицейских в черном, которые подвели замотанного и скрюченного мужика к соседним посадочным воротам.

- Витя! Он сейчас улетит!

- Машенька, давай уже в самолет…

- Витя, ты справку взял в полиции?

- Нет, но…

- Ты знаешь, как его зовут?

- Нет, Маша…

- Он меня изнасиловал, Витя!

- Машенька, солнце, пойдем в самолет. Он тебя не изнасиловал, ты же сама сказала что…

- Хорошо, не изнасиловал! – повысила голос девушка. – Он меня избил, разбил моей головой унитаз, а после тыкал членом мне в задницу, только вставить не смог! – Маша уже кричала.

Люди вокруг начали оборачиваться, Виктор же, чувствуя стыд и раздражение, шагнул к девушке, пытаясь взять ее за предплечье.

- Руки убери от меня! – истерично крикнула забывшая о боли Маша, делая шаг назад.

- Девочка, девочка, тише, - вдруг как-то рядом с ней оказалась женщина в форме стюардессы и что-то тихо заговорила, приблизившись к Маше. Та несколько раз кивнула, после чего бортпроводница ее обняла и продолжила тихо говорить ей почти в ухо, подведя Машу к стойке регистрации.

Обнявшая девушку стюардесса зыркнула на Виктора и показала ему глазами на стойку. Тот быстро шагнул туда, но на его билеты даже не посмотрели, лишь один из присутствующих бортпроводников сделал характерный жест, чтобы он поторапливался.

- Сколько еще? – нервно спросил один из оставшихся у входа в рукав бортпроводников.

Виктор, услышав нешуточное напряжение в голосе, сделал еще два шага и присел, якобы шнурки завязывая.

- Трое.

- Так может [черт] с ними? Полетели?

- Кэп сказал еще десять минут и все…

Виктор хотел еще послушать, но тут от самолета вернулась бортпроводница, до этого проводившая в салон Машу и жестом потребовала от Виктора проследовать на свое место.

Прошагав по ребристому полу посадочного рукава, Виктор оказался в салоне. Большинство пассажиров, несмотря на загорелый и здоровый вид, сидели притихшие и озабоченные. Через некоторое время в салон ввалились запоздавшие – две грузные дамы и мужик навеселе с раздутыми пакетами из дьюти-фри. Взволнованные стюардессы сразу забегали по салону туда-сюда, а когда вскоре самолет все же покатился назад, никто не спешил проводить инструктаж перед взлетом.

Самолет не взлетал долго. Очень долго. Стояли, как будто ждали чего-то. Но вдруг ускорился как-то резко, лихо вывернул на полосу и двигатели заревели, разгоняя машину. Когда, наконец, застучали колеса по стыкам взлетно-посадочной полосы и самолет приподнял нос и почти сразу лег в пологий разворот, Виктор зажмурился и вздохнул с облегчением.

Рядом, сжавшись на сиденье, плакала Маша.

- Уважаемые пассажиры, с вами говорит капитан, - послышался голос из динамиков, когда самолет набрал высоту, - поздравляю вас, мы взлетели. В салоне рядом с вами должно быть трое

[несознательных людей], которые задержались в магазинах свободной торговли, и из-за них мы чуть было навсегда не остались на гостеприимной земле Северной Африки, в которой сейчас как вы знаете, началась эпидемия неизвестной болезни.

На территории Российской Федерации указом президента объявлено чрезвычайное положение, и по прилету мы с вами все будем помещены в карантин. Но искренне надеюсь, у всех все будет хорошо, чего и вам желаю.

Капитан замолчал, некоторое время стояла тишина, но через некоторое время начался робкий, тихий гомон обсуждения, кто-то уже кидал косые взгляды на троих пассажиров, кто-то из конца салона зычно предложил использовать рукоприкладство.

- Ну… - послушался вдруг снова голос капитана. – Выдохните, мальчишки и девчонки, мы домой летим…

Глава 14. Сергей

05 октября, вечер

Выбрались из города на удивление благополучно.

Темнело, но уличного освещения не было, и ехали мы медленно. Осторожничали. Дорожное движение в предместьях города присутствовало, притом довольно оживленное. То и дело проносились машины с мигающими проблесковыми маячками, но не останавливались. Даже мимо лежащих на дороге трупов проезжали, а одно тело так и вовсе переехали.

А вот нижняя дорога вдоль моря, когда на нее выехали, была довольно пустынна. Здесь тоже не горели фонари, не светились витрины ни одной из многочисленных сувенирных лавок или магазинчиков. Здесь я все больше жался к обочине, так как несколько раз из-за поворотов вылетали машины, с визгом резины проносясь мимо.

Один из отелей горел.

Зарево мы увидели довольно далеко, а когда подъехали, я сбавил скорость, осматриваясь.

Большое, вытянувшееся по второй линии здание весело полыхало: огонь лизал белые стены, закрашивая их копотью, и зрелище напоминало Белый Дом в девяносто третьем. Только огня было значительно больше. У ворот отеля собралась немаленькая толпа, озаряемая всполохами пламени.

Местные.

- [Черт], - выдохнул Махмуд рядом, - давай Серег, по встречке объезжай. Иэй, наклонись, а? – обернулся он назад.

- Зачем? – недоуменно выдохнула светленькая на заднем сиденье.

- Голову [быстро] спрячь!

- Ух ты, - удивился я, глянув на Махмуда.

Обычно добрый, тихий, вежливый. А как в убеждение умеет, оказывается.

- [Черт-черт-черт], - сдавленно и напряженно повторял Махмуд, пока я объезжал группки арабов, шумно переговаривающих и наблюдающих за полыхающим отелем.

- [Ай шайтан]! – еще раз выдохнул Махмуд протяжно и с полустоном, когда несколько человек шагнули в нашу сторону.

- Двери блокируйте, - негромко произнес я, чуть повернув голову назад, обращаясь к девушкам.

Нога будто вросла в пол, так сильно я выжал сцепление. На нейтральную скорость не скидывал, рука лежала на склоненном вперед рычаге коробки – первая передача включена.

Один из направившихся к нам арабов что-то сказал, несколько подошло к капоту машины, будто путь перегораживая. Махмуд вновь выругался, негромко, но очень грязно.

- Аллечто-то там? – спросил меня один из арабов, подходя.

- Братан, [ничего] не понимаю, - покачал я головой, - спик инглиш?

Что-то не понравилось мне, как подошедший усмехнулся.

- Серега, это жопа, - пробормотал рядом Махмуд.

- Рашен? – поинтересовался я у подошедшего.

Араб снова усмехнулся, и только сейчас я обратил внимание, что у него в руках небольшая бейсбольная бита. И в метании призрачных теней от горящего неподалеку отеля было видно, что бита в чем-то вязком и темном. Явно не малиновое варенье.

В тот момент, когда один из арабов, обступивших машину, дернул ручку пассажирской двери, я бросил педаль сцепления, одновременно топая по педали газа.

- Ааа! – громко заорал я, а Симбол, куце и быстро взвизгнув резиной по асфальту, прыгнул вперед, подминая под себя нескольких человек. На мгновенье капот задрался вверх, и меня как холодной водой окатило – а ну как сейчас на задавленных телах машина вывесится и не поедет? Вот нас тут оприходуют то, а!

Брызнуло осколками стекло – я еле успел отдернуть голову, кто-то надрывно закричал от боли внизу, еще несколько ударов прилетело по кузову, завизжали сзади девчонки. Перепрыгнув через тела, машина дернулась и полетела вперед. Раздался еще один удар – кто-то не успел отбежать в сторону, и лобовое стекло глубоко прогнулось внутрь, покрывшись паутиной трещин. Я продолжал жать на педаль, и круто дернул рулем, так что тело тяжело улетело в сторону.

- Махмуд! Не вижу [ничего]! – я уже переключился на третью передачу и еще сильнее разгонял машину ориентируясь по обочинам и

мутным очертаниям впереди. . Лобовое стекло превратилось в белую скатерть трещин, и я высунул голову в разбитое боковое. Позади захлопали выстрелы, слышались пронзительные крики боли и ярости. Многочисленные фигуры перед нами шустро разбегались в стороны.

- Махмуд!!! – снова крикнул я, - стекло! Выбей [его наконец]!

Узбек понял, и быстро развернувшись – он смотрел назад, изогнулся интегралом на сиденье и буквально выстрелил ногами вверх. Полотно лобового стекла от удара вылетело, но стало еще хуже – оторвался край с пассажирской стороны, а с моей нет.

Ругаясь на своем, Махмуд вновь замахал ногами, его ботинки мелькнули прямо рядом с моим лицом, один раз больно заехав мне по уху, и вдруг стекло птицей взлетело вверх, чиркнув по крыше.

- [Черт]!!! – заорали мы с узбеком одновременно, когда Симбол капотом боднул нерасторопного араба. Хорошо тело в салон не влетело – хрустнула боковая стойка (или кости?), и сбитый отлетел в сторону.

- [Давай]! Альбина, [давай]! Забудь про макияж! – чтобы совладать со страхом, заорал я слова школьного гимна, бешено крутя руль, уходя от столкновения с придорожными деревьями.

Вылетев под громкий удар амортизаторов на небольшой поребрик, я с диким криком вновь вывернул руль, теперь уходя от столкновения с каменным забором отеля, и даже наклонился, помогая Симболу повернуть. Бок машины прочертил по декоративной кладке. Ревущая двигателем машина как будто нехотя оторвалась от забора и, скулой задев мусорный бачок, вылетела на дорогу. От громкого хлопка вместе со скрежетом, когда Симбол приземлился на брюхо, плюнув искрами, у меня опустился ком паники внутри – казалось все, приехали. Но двигатель продолжал реветь, колеса крутились, а Рено ехал. Мелькали перед глазами бешеной каруселью изгибы дороги – я только успевал руль крутить.

- Серега они за нами едут! – заорал вдруг Махмуд.

Я даже обернулся на мгновенье, но никого не увидел.

- Две машины за нами выезжало! – обернувшись ко мне, крикнул Махмуд. Серная дырка его рта был совсем рядом со мной – машина в очередной раз накренилось, и узбек еле удержался, чтобы на меня не свалиться.

- Жми, Серега, жми! – орал Махмуд, наконец, уцепившись одной за ручку над боковым стеклом, второй за свою дверь.

Прижавшись вниз, едва не ложась грудью на руль, я жал. И так не видно ни черта – теперь всего одна фара светит, так еще и стекла нет, встречный ветер лицо треплет, заставляя щуриться.

Девчонки на заднем сиденье визжали и кувыркались – пристегиваться надо было. Кинул мельком взгляд – показалось, что их там узлом завязало.

Дорога резко вильнула раз, другой, на одном из поворотов завизжала резина, захрустела подвеска – Симбол встал на два колеса, но тут же грохнулся снова на все четыре. Машина закачалась, я еще сильнее топнул на педаль, выводя автомобиль из заноса.

Помогла пальма, которую боком облизал под скрежет сминаемого металла. Кое-как выпрямив машину, продолжал безумную гонку. Пролетев очередной поворот я, повинуясь наитию, поднявшись даже с сиденья, обеими ногами уперся в пол – одной ногой наступив на педаль сцепления, второй на тормоз. Завизжав, Симбол проехался по дороге, чертя резиной и замедлив сумасшедший бег, но тут же снова двигатель нещадно взревел – выкрутив руль, я бросил машину в сторону, в приоткрытые ворота одного из отелей.

- Тут дороги нет! – заорал пронзительно Махмуд, когда ветки от кустов прилетели в салон.

А то я не вижу, [действительно]!

Пролетев через длинную лужайку, и проложив просеку по декоративным кустам, мы выехали у фасада отеля. Тут уж я не успел затормозить – сбив несколько столиков и зонтов, Симбол на миг завис в воздухе, и глухо хлопнулся пузом в воду бассейна.

Хорошо здесь не глубоко.

Высунув руки, я прижал ладони к крыше. Потные и влажные ладони скользили по металлу, но сумел выбрался из машины еще до того, как Симбол колесами дна бассейна коснулся.

Матерясь и оскальзываясь, я выбрался на крышу и начал всматриваться в сторону ворот. Как раз в этот момент с той стороны несколько раз завывающе пронеслись звуки ревущих двигателей. Но машины пролетели и понеслись дальше, по дороге!

Неужто пронесло?

Снизу все булькало – вода постепенно заполняла салон машины, из него сейчас глухо раздавался испуганные визги девчонок.

Спрыгнув в воду, я нырнул и, распахнув дверь, помог выбраться из машины темненькой. Вынырнув, девушка протяжно закашлялась, а когда я вытащил ее на бортик, упала вниз и оперевшись на локти, принялась блевать.

Вот ведь, вроде и неглубоко нырнули. Хотя у меня окно открыто было, я сразу выбрался, а эти – пока сообразили, пока блокираторы подняли, двери было уже не открыть – тяжесть воды мешала. Да и паника тоже – пока поймешь что делать – темнота, удар, вода, [чистилище]. Еще и узбек на своем узбекском русским матом ревет.

Светленькая, которую Махмуд приволок, не блевала, но дышала с трудом – тоже не сразу выбралась, воды наглоталась. Махмуд нырнул еще раз, открыл багажник и достал изрядно потяжелевшие сумки со едой.

Кинув последний взгляд на избитый Симбол, который продолжал светить единственной фарой под водой, я кивком попрощался с машиной и двинулся за спутниками, которые оставляя за собой широкие мокрые следы, уже двигались в сторону шумевшего прибоя.

На крыльце здания появилось несколько человек, но к нам никто не подошел. Да и мы тоже знакомиться ни с кем сейчас желанием не горели. Миновав столики бара у большого бассейна, за которыми сидело с пивом несколько человек, вышли к пляжу.

Пока шли по берегу, вымотался вообще в край. И у меня еще сумка меньше, чем у Махмуда – он так и пер здоровенный баул.

После расспросов девушек выяснилось, что они из отеля, который находится недалеко от нашего. Но после недолгого раздумья обе легко согласились с тем, что сегодня им лучше переночевать у нас в отеле.

Когда вдали показались знакомые очертания пляжа – соломенного цвета зонтики с синей окантовкой, байдарки на песке, широкая лесенка спуска к пляжу, я облегченно вздохнул. Ремень сумки последние минут двадцать вот-вот собирался перерезать меня напополам, а ноги буквально отваливались от усталости.

- Ничего себе! – прокомментировал Махмуд, когда мы поднялись к бассейну. Да и я удивился – в здании рецепшена, совмещенном с рестораном, горел свет – на его фоне были видны импровизированные укрепления из мебели и явно караулящие здание люди.

- Стоять! Кто такие!? – раздался голос, едва мы приблизились к бассейну, и из тени к нам вышло несколько человек с дубинами.

- Свои, - узнав одного из спутников Влада, буркнул я.

Все, можно выдохнуть. Дошли.

На меня накатилась такая усталость, что я дальнейшее я воспринимал довольно смутно. Поздоровавшись с Владом, который демонстрировал вокруг бурную деятельность, я позволил себя обнять, поблагодарить, а потом, сославшись на усталость, поднялся из-за стола куда меня усадили и собрался в свой номер.

- Серега, стой! – шагнул ко мне Влад, придерживая за предплечье, - мы в третьем корпусе все кооперируемся, он тут рядом! Давай, бурги утром уехали, новых не завезли, так что места есть…

- Влад…

- Человека по четыре в номере, но это лучше, чем…

- Влад, слушай…

- Вещи соберешь и давай…

- Влад, [послушай же наконец]!

Казалось, его надбровные дуги за сегодняшний день стали выпирать еще больше.

- Влад, я пойду в свой номер, - негромко, так чтобы люди вокруг не слышали, произнес я. – Махмуд тебе расскажет позже, почему. Да? – обернулся я к узбеку, стоящему рядом.

- Угу, - едва слышно буркнул тот и опустил глаза.

Я развернулся, и двинулся прочь, но тут же почувствовал, как кто-то дергает за руку. Едва удержавшись от резких действий и слов, я обернулся, столкнувшись взглядом со светленькой девушкой. Пока мы шли к нашему отелю, они плелись позади, и переживая о ближайшем будущем, чувствуя как пульсирует кровь в глубокой прокусанной ране, я уж и почти забыл о девчонках.

- Сергей, спасибо тебе, - большие, удивительного оттенка лазури глаза – влажные, наполненные слезами, были совсем рядом. В них я постарался не смотреть, разглядывая веснушки на носу и щеках девушки. Внутри колыхнулся тяжелый ком раздражения, даже злобы. Ведь если бы не эта компания, меня бы никто не покусал.

- Меня Наташа зовут, и…

- Да мне насрать, как тебя зовут, - вырвал я свою руку, отступая на шаг. Слезы побежали по веснушчатым щекам, Наташа эта дернулась, как от удара, но шагнула вперед.

- Сергей, прости нас. Выздоравливай, пожалуйста, - сдавленным голосом сказала она мне в спину.

С большим трудом удержавшись, чтобы не втащить ей прямым в нос, я пошагал к отелю. Тяжелое раздражение в груди уже трансформировалось в глухую злобу, даже ненависть ко всему миру.

Пока дошел до темного корпуса, немного успокоился, и отступившая на фоне вспышки возбужденного состояния вернулась липкой слабостью усталость, вновь потянуло болью в ранах и ушибах.

Осторожно поднявшись по темной лестнице, дошел до своего номера. Черт, как же давно было сегодняшнее беззаботное утро! Когда солнышко приветливо ласкало меня сквозь щели в не задернутых шторах, а все вокруг было привычно доброжелательно. Всего-то часов пятнадцать, а мир вокруг изменился кардинально.

Электричества в номере не было. Зато до сих пор была вода, чем я и не преминул воспользоваться. Принимая душ, смывал с себя заскорузлую кровь и грязь, открыв нараспашку балкон и дверь, чтобы хоть немного света было.

Выйдя из душа, поменял съехавшую, наложенную Наташей повязку, стараясь не смотреть на явно выделяющиеся следы зубов на предплечье. Мыслей почти не было, злость ушла, осталась только тяжкая тревога. Вернулся в душевую, и когда чистил зубы, негромкий стук в дверь заставил меня дернуться, так что едва не кувырнулся в скользком кафельном полу.

- Кто? - выключив воду, глухо спросил я, пытаясь справиться с волнением.

- Свои, - ответил негромкий голос из коридора. – Открывай, тут темно и страшно! – через несколько мгновений донеслось недовольно.

Обмотавшись полотенцем, я прошлепал босыми ногами по кафелю и открыл дверь.

- Привет, - тут же скользнула в дверь Катя.

- Привет, - негромко ответил я.

Сказал и понял, что за сегодняшний день я так вымотался, что очень, очень хочется спать. Даже ртом шевелить, разговаривая, сложно, а уж поддерживать разговор и делиться новостями с молодой мамой совершенно не хотелось. Усталый мозг принялся подбирать варианты фраз, которые отправят Катю домой, но беседовать она и не собиралась. Быстро закрыв дверь, вскользь поцеловала меня – мазнув

влажно мне по лицу, шее и груди, она резко присела на колени. Ее ладони скользнули мне по плечам и вниз, по животу, бедрам. Невесомо упало на пол полотенце, а я уже почувствовал ее горячие губы.

Даже не дожидаясь, пока я возбужусь, девушка начала активно работать языком. Опустив взгляд вниз, я неожиданно столкнулся с ее блестевшими в темноте глазами.

Вот это нормально – первый раз в жизни мне делают минет и беззастенчиво смотрят в глаза при этом. Несколько секунд, и я уже не чувствовал усталость и ломоту во всем теле, а чуть позже и на боль перестал внимание обращать.

Волосы у Кати по-прежнему были стянуты в тугой хвост, основание которого я рукой и ухватил, понемногу надавливая на голову. И тут девушка вообще повергла меня в шок – оторвав от моего бедра руку, она обхватила мою ладонь у себя на голове и начала сильно давить, насаживаясь глубже. И еще глубже. При этом Катя начала постанывать, изредка прерываясь кряхтеньем и утробными хрипами.

И все это не отрывая взгляда от моих глаз.

Раздался громкий чмок, когда она резко отдернула голову, первый судорожный вздох и после девушка начала глубоко дышать. Несмотря на темноту, я рассмотрел блестящую в лунных лучах нитку слюны у нее на подбородке.

За пару мгновений отдышавшись, Катя вдруг дернулась, и с силой ударилась мне лицом в лобок, снова насаживаясь до упора. Обхватив руками мои ягодицы, она напирала все сильнее и сильнее, утробно постанывая. Не в силах сдерживаться, я схватил двигавшуюся туда-сюда голову девушки руками, что было сил насадил на себя. Когда Катя захрипела и забилась от недостатка воздуха, я отпустил ее, но отпрянула она едва на секунду – снова влажный громкий «чмок», судорожный вдох и тут она наскочила бешено, принявшись просто [любить] меня своим ртом.

Только сейчас глаза она закрыла.

Помогая ей руками, я настолько впал в астрал, что даже не волновался о сохранности ее лица – настолько сильными были удары. Снизу по-прежнему доносились утробные стоны, и резкий вскрик, когда она вновь решилась заглотить на всю длину, а я в порыве страсти рванул ее от себя за уши.

Чувствуя горячее объятия ее горла, я прикрыл глаза и, запрокинув голову, понял, что означает выражение «Небо в алмазах».

Еще через пару минут, когда стонавшая Катя по-прежнему с силой упиралась в меня лицом, я узнал новую грань выражения «Высосать душу».

Мои ноги подкосились, и с трудом удержавшись, чтобы не сползти на пол, я даже отнял одну руку от головы девушки, оперевшись о стену.

- Фу… - выдохнул я, пытаясь пошевелить ногами так, чтобы карточным домиком не сложиться при этом.

- Понравилось? – негромко, но игриво спросила Катя.

- Слушай, как у тебя муж с такой женой в танчики то играет? – едва приоткрыв один глаз и с трудом удерживаясь на ногах, поинтересовался я.

- С какой такой женой? – с непередаваемой интонацией спросила Катя - тут же я почувствовал ее юркий язык внизу и влажные объятия губ.

- Я за такое не только танчики бы удалил, но и компьютер бы в окно выкинул… - посмотрел я вниз, в блестящие глаза, погладив девушку по волосам. В этот момент Катя отдернула голову, снова звонко чмокнув губами.

- Если я такой минет мужу сделаю, - легко поднявшись, утерла девушка рот тыльной стороной ладони, - он меня вопросами [замучает], где так научилась.

Она потянула она меня за собой и, остановившись у кровати, быстро стянув через голову легкой платье, как кошка скользнула на покрывало, и грациозно прогнулась, поворачиваясь ко мне задом.

- Я же у него девочка приличная, при слове «хуй» краснею, - произнесла она, обернувшись, в ожидании обхватывая руками подушку.

Преодолевая вновь сковавшую меня истому, я с трудом шагнул к ней, пристраиваясь. Она выжидательно поводила бедрами и негромко застонала, когда я провел рукой ей по позвоночнику. Спина ее тут же выгнулась, живот почти прижался к кровати, а ягодицы приподнялись еще выше.

- Скажи, что на банане тренировалась, - усмехнулся я.

- Давай же… быстрее… - протянула Катя, не обращая внимания на мои слова.

Отодвинув в сторону тонкую ниточку трусов, которые Катя не сняла, я раздвинул ей ягодицы.

- Только не в попку, у меня все болит после вчерашнего, - опомнившись, почти нормальным голосом сказала Катя, вновь обернувшись, но я сильнее сжал руки, чуть приподнимая ее зад, и она спрятала лицо в подушке. Поначалу я двигался не торопясь, чувствуя, как Катя подается навстречу. Но в груди неожиданно вновь появилась глухое раздражение, очень быстро превратившись в неясную злобу на весь мир. Я рванулся вперед так, что Катю даже откинуло вперед под звонкий шлепок. Вскрикнув, девушка приподнялась на руках, но тут новый удар бросил ее вперед. Закипевшая во мне злоба сконцентрировалась вся на девушке – руки сжались на ее ягодицах так сильно, что она вскрикнула.

Я как с цепи сорвался – не до конца осознавая, что делаю, яростно двигался, с каждым стоном и всхлипом девушки сжимая руки на ее ягодицах все сильнее. Закрыв глаза, я едва не зарычал – хотелось сделать ей больно, смять, растоптать, разорвать…

Катя уже кричала в голос, безуспешно пытаясь закрыть лицо подушкой. Не получалось – девушку трясло и кидало как тряпичную куклу, а ее стоны прерывали ритмичные удары наших тел.

Зажмурившись, понимая, что происходит что-то не то, я сжал зубы, услышав их скрежет. Открыв глаза, попытался справиться с собой, убрав ладони с ягодиц девушки, где остались красные полоски отпечатков, но не в силах держать руки свободными, схватил Катю за плечи.

Она сейчас пыталась бессвязно что-то сказать. Наклонившись, я зажал ей рот рукой, чувствуя, как поддаются под ладонью губы, как натыкаются пальцы на скользкие влажные зубы. Я с силой потянул голову Кати к себе, где-то далеко понимая, что делаю Кате больно. Девушка застонала, второй рукой я обхватил ее за шею. Мне захотелось вцепиться в такую нежную кожу, снять ее с плеч, как одежду. Испугавшись своих мыслей, я попытался отпрянуть.

- Нет, нет, нет! – сдавленно застонала девушка вперемежку со всхлипами, подаваясь ко мне. Не в силах справиться с собой, я все же

отпрянул, но Катя вдруг изогнулась, бросившись на меня как кошка. Завалив на спину и запрыгнув сверху, она начала прыгать на мне.

Сжав ее груди, вновь вызвав болезненный вскрик, я почти сразу схватил девушку за шею и принялся ее душить, надавливая все сильнее. Замычав, Катя безуспешно постаралась освободиться. Из последних сил она изогнулась, захрипев, руки ее бессильно скользнули по моим, и тут она конвульсивно задергалась в очередном оргазме.

В этот момент ко мне как сознание вернулось – оторвав руки от шеи крупно дрожащей девушки, я грубо скинул ее с себя, отпрянув. Катя завалилась ничком на кровать, зарывшись лицом в смятую простыню, ноги девушки при этом продолжали конвульсивно дергаться.

Вскочив с кровати, я отпрыгнул к стене и вжался в нее спиной, пытаясь понять и осознать то, что сейчас произошло. Чувствуя, что сам начинаю дрожать, я сполз по стене все ниже, обхватив голову руками. На Катю не смотрел – боялся того, что сейчас сделал, ведь…

Трясло меня вовсе не оттого сейчас, что я убил ее. Колотило меня от осознания того, что я не смог себя контролировать. Совсем.

- О… [вот это да]… - выдохнула вдруг Катя. Она протяжно застонала, пытаясь перекатиться на живот. Побарахтавшись немного, как перевернутый на спину жук, она заплела ноги ножницами и осталась лежать на боку.

- Охохо… - дрожащим голосом произнесла Катя, и присмотревшись, я увидел, как ее ноги продолжает мелко потрясывать.

- Ты в порядке? – оторвавшись от стены, подошел я к кровати и склонился над девушкой.

- чти… как хорошо…

Выдохнув, я сглотнул невольно. Поднял ладони на уровень глаз, приблизив их к лицу. Сфокусировав взгляд, увидел как подрагивают пальцы.

- Ты только предупреждай, если снова с удушением будет, - с трудом переворачиваясь на живот и пытаясь свести вместе ноги, произнесла Катя. Протяжно вздохнув, она попыталась принять более удобное положение, но бросила эти попытки, так и оставшись лежать с широко раскинутыми ногами.

Машинально кивнув, я пошел в ванную смывать с себя пот. Укушенная рука ныла и пульсировала болью.

Глава 15. Сергей

05 октября, ночь

Выйдя из номера вместе с Катей, мы двинулись по темному коридору, подсвечивая себе мобильными телефонами. Остановившись у лестницы, я некоторое время опасливо вглядывался вниз. Корпус будто вымер – ни звука, ни шороха.

Я первым спускался по ступенькам, медленно и осторожно шагая. Когда проходили мимо черного зева входа на коридор первого этажа, прикрыл собой девушку, но оттуда никто вроде не кинулся. Последнюю лесенку, ступенек в пять, бегом миновали, но тут же я поднял руку, мягко останавливая спутницу. Она недойменно поглядывала на мои танцы с бубном, но пока не комментировала.

- Пять сек, - прежде чем высунуть голову на улицу, шепнул я Кате.

- Ты чего? – спросила она. Негромко спросила, но в ночной тишине показались взрывом бомбы. Поморщившись, я приложил палец к губам, шикнув для наглядности, и столкнулся с недоумевающим взглядом.

Я лишь головой покачал; мы сейчас с ней немного в разных реальностях. Я в той, где эпидемия неведанного бешенства, где сошедшие с ума люди убивают себе подобных, где закончился закон, действуют банды мародеров и уже началось выживание. Катя же систему координат еще не поменяла, и ночная прогулка по территории ее совершенно не пугает, а мои предосторожности выглядят странными. И это для меня мы спускались медленно из-за опаски, для нее же наверняка из-за осторожности, чтобы во тьме, с трудом разгоняемой светом экрана мобильного, не навернуться на ступеньках. Она ведь не видела ничего из того, чего я насмотрелся за минувшие сутки. Ну, революция в стране, по ее мнению, что тут такого? Мы в девяностых жили, что нам бояться. Так что остается только наслаждаться последними мгновениями отдыха, пока не прилетели спасатели и всех не спасли, увезя домой, в осень и к мужу.

Эти мысли мелькнули у меня за какое-то мгновенье и, приставив палец к губам, я еще раз шикнув, все же выглянул. Около минуты осматривался по сторонам.

Темно. Не видно почти ничего. А то, что видно, еще более темными пятнами в темноте ночи темнеет, и там вовсе ничего не видно.

Плохо когда электричества нет. Придумало человечество электричество, и вот, ночь принадлежит нам. Придумал какой-то умник бациллу новую, и вот. Ни электричества теперь, ни власти над ночью.

- Сереж, ну ты чего? – негромко поинтересовалась Катя.

«Хм, а почему я так уверен, что эту бациллу кто-то придумал, а не она сама пришла? – спросил сам себя. А черт знает, почему то просто уверен».

Я снова жестом попросил ее себя вести потише. Взял за руку, и мы пошагали по мощеной тропинке. Катя все пыталась ловить мой взгляд, но я больше по сторонам смотрел. Воображение как обычно, подкидывало сюрпризы, и близлежащие кусты и пальмы вдоль тропинки превращались невесть что, и только подойдя ближе, становилось ясно, что никто здесь не притаился.

Когда дошли до трехэтажного здания, где в нескольких окнах виднелись слабые отсветы, я вздохнул с облегчением. До самой двери провожать Катю не стал, остановился, метров десять не доходя до крыльца.

- Пока-пока, - погладил я ее по волосам. Катя была настроена пообниматься, как же – романтика, звездная южная ночь, цикады трещат, но я к нескрываемому неудовольствию высвободился из объятий и мягко подтолкнул девушку в сторону входа.

Катя обиделась, даже в темноте видно. Но все же сдержалась, и опять шагнула ко мне.

- Понравилось? – игриво спросила она, касаясь губами моего уха. - Давай, с колхозницами не путайся, завтра повторим, - шепнула она на прощанье и ее язычок игриво нырнул в мое ухо на мгновенье. Тут же девушка развернулась и не прощаясь, пошла заметно поигрывая бедрами. Да, задница у нее конечно на все «десять» по пятибалльной шкале, даже в таком состоянии как сейчас невольно взглядом задержался.

«А вдруг пронесет? - мелькнула надеждой у меня мелкая мыслишка, - и завтра опять все будет хорошо, а душил я ее…. Ну, с кем не бывает, просто на фоне переживаний и стресса…»

Так, стоп-стоп-стоп.

Шагнув в сторону, прислонившись плечом к широкой пальме, я дождался, пока Катя ступит на крыльцо. Оттуда она оглянулась, и послала в мою сторону воздушный поцелуй.

Мда, я почему-то думал, что с пальмой слился, а моя белая футболка была иного мнения.

- Ух ты! Катерина, ты откуда? – почти сразу же раздался прокуренный голос, почти не приглушенный расстоянием.

- Бабушке пирожки носила, - услышал я насмешливый ответ девушки. После она перекинулась еще парой фраз с караульным на входе, но теперь звуки беседы уже скрадывали стены здания.

Отлипнув от пальмы, я развернулся и пошагал к себе. Мир вокруг сейчас сжался, я шел будто бы в некоем куполе, воспринимая только то, что рядом. Темные тени пальм, мрачные громады возвышающихся рядом корпусов. Мелкие камешки то и дело похрустывали под подошвами, заставляя чаще озираться по сторонам. Свернув с широкой дорожки налево, к своему корпусу, я вдруг застыл, присматриваясь к дальнему крыльцу.

Показалось. Или не показалось?

Это игра воображения. Или действительно тень в проем метнулась?

Постояв немного, я почувствовал, как по плечам холодит прикосновение чужого взгляда. Враждебного. Резко развернувшись, я осмотрел темнеющие кусты неподалеку, но никого, и ничего сейчас там видно не было.

Медленно-медленно я пошел к крыльцу. Подходил не прямо – за несколько метров сошел на подстриженный газон и приблизился к проему входа приставным шагом. Бочком.

Головой вертел теперь чаще – арка проема была совсем рядом, и вот-вот из нее, казалось, готов кто-то выскочить. Казалось, воздух полнится чужой агрессией. Может стоило остаться в корпусе с Катей?

Достав телефон, я включил его, закрывая экран ладонью, и быстро шагнув, выставил вперед, освещая коридор. Мелькнула тень, сердце ухнуло в пятки, я чуть было не отпрыгнул, но вовремя понял, что это тени от перил в призрачном синем свете по стенам скользнули.

Сзади, неподалеку, треснула ветка кустов, и от этого звука у меня вся спина будто льдом покрылась. Быстро светя телефоном по разным

сторонам, я легко побежал вверх по лестнице, стараясь не сорваться в панику. Липкий страх уже обнимал меня со всех сторон, он смотрел из темного проема наверху, давил по сторонам со стен, где мелькали решетчатые тени, царапал спину ожиданием звука шагов снизу. Ведь если из кустов кто-то выбежал, он сейчас должен уже будет в здание войти!

Блять, вот [зачем] я сюда пришел?

Мягко запрыгнув на последнюю ступеньку, я выпростал руку вперед, освещая коридор, но тут свет погас, оставив меня в кромешной темноте. Мой скрюченный от страха палец нащупал кнопку блокировки, и сразу несколько раз я судорожно нажал на нее. Зря – экран на мгновенье озарил все вокруг и погас, оставив меня снова в полном мраке.

Оставив только черное лицо перед глазами, мелькнувшее на какие-то доли секунды. По всему телу прошла судорога мурашек, я снова нажал на кнопку и едва в штаны не навалил – черное лицо было картинкой на стене, которая прижимала палец к губам в просящем быть потише жесте.

«Silents please» - гласила подпись под черным лицом.

Задержал дыхание, и тут же на меня навалился целый сонм звуков - здание не пустовало – где-то капала вода, слышался далекий бессвязный гомон. А снизу кто-то забежал за мной следом.

Только в тишине мрака можно так хорошо расслышать все, что происходит вокруг.

Сорвавшись с места, я влетел в коридор, махнув телефоном по сторонам. Не увидел ничего – только тени мелькнувшие, в которых хоть мог взвод зомби поместиться.

Уже не заботясь о тишине, я пробежал несколько метров, резко затормозил у своей двери и начал судорожно доставать ключ из кармана. Пряжка зацепилась за ткань кармана, я резко рванул. По ушам громом ударил звук упавшего металлической бирки с выгравированным номером комнаты, а я в этот момент судорожно пытался нашарить ключом замочную скважину.

Телефон опять погас, и в темноте остался только я и ключ, который все никак не хотел попадать в замок. Ну и тот, кто бежал следом по лестнице, конечно.

С сытным звуком металла ключ, наконец, попал в скважину и я одним движением открыл замок и ввалился в комнату, захлопывая за собой дверь. От хлопка, казалось, весь дом вздрогнул, а я привалился плечом к стене и несколько секунд прислушивался, стараясь сдержать дыхание и унять колотившееся в горле сердце.

Здание по-прежнему шелестело звуками. Но рядом все было тихо.

Сглотнув, снова понимая, что еще немного, и поддамся панике, я осветил в ванную комнату. Притом светил так, чтобы и ручка входной двери была видна.

В ванной было пусто. Ручку тоже никто не дергал.

Несколько минут я стоял, напряженно в нее всматриваясь, и вслушиваясь, но ни звука, ни шороха не раздавалось из коридора.

«По стене ползет паук. Пригляделся, это глюк.»

Так может, мне показалось? И никто за мной не гнался?

Более-менее успокоив дыхание, дождавшись пока сердце перестанет в груди бешено заходиться, я прошел в комнату, осветил телефоном все углы, даже в шкаф заглянул.

Никого.

Быстро посветил на дверь - ручка по-прежнему недвижима. Развернувшись, я аккуратно снял с комода телевизор, неаккуратно выдернув из розетки провода и, стараясь делать это потише, подпер тумбочкой дверь, поставив ее боком, прислонив к ней открытую дверь ванны. Все, теперь дверь только с коробкой тараном выносить. Понемногу успокаиваясь, я поправил смятое белье на кровати и улегся на нее прямо в одежде.

Сна ни в одном глазу; ныла рука, атаковали разные мысли, жалость к себе и расстройство, что так получилось. Повалявшись с четверть часа, устав больше, чем если бы просто ходил, поднялся Проверив, что тумбочка на месте, а в ванной никого нет, пошел на балкон, окунувшись в объятия теплой ночи.

Стоило только положить руки на перила и чуть расслабиться, купол, который меня будто накрыл в тот момент, когда мы с Катей расстались, исчез. И если последние полчаса я воспринимал происходящее только рядом с собой, акцентируя внимания лишь на том, что совсем близко, то сейчас будто панорамно вокруг посмотрел. Стране было [плохо], это точно. Если вчера ночью с балкона открывался вид на подсвеченное огнями побережье, а справа сверкало

дискотекой высокое здание соседнего отеля, то сегодня все окутывал мрак. Почти все – вдалеке горело несколько отелей, дальше, у самого горизонта, тоже зарево виднелось. То и дело доносились далекие, приглушенные расстоянием крики, даже выстрелы, вроде.

Неожиданно четко, каждой клеточкой кожи я вдруг почувствовал рядом чужое присутствие. Совсем как тогда, у входа в корпус. Только сейчас чужая злоба ощущалась комком опасности совсем рядом. Развернувшись, я шагнул к стеклянной двери в номер и, повернувшись боком, прислушался. Вроде тихо, никто не ломится.

Затаив дыхание, сделал пару шагов вперед, и аккуратно взявшись за ограждения балкона, я глянул вверх, после осмотрел темную землю под окнами, а также щерящийся мраком темных номеров соседний корпус напротив.

Вознамерившись глянуть на соседний балкон, я подошел к перегородке и лишь в последний момент успел отдернуть голову. Мелькнули крючковатые пальцы, и из-за перегородки показалось искривленное гримасой когда-то красивое лицо.

Затаившаяся на соседнем балконе бешеная подпрыгнула, вцепившись в стену перегородки, и попыталась перебраться ко мне. Прыжком она оказалась на моем балконе, но одна из ее маленьких ступней соскользнула, и она упада на ограждение, как велосипедист на раму. Стараясь удержать равновесие, бешеная взмахнула руками - она была полностью голой, на груди и животе у нее виднелись глубокие раны. Не удержавшись, она начала заваливаться вниз, боком, но у нее получилось удержать равновесие. Зато получилось схватиться руками – теперь она висела, держась за ограждение руками. Оторвав взгляд от ее длинных ногтей я кичливым маникюром – несколько были сломаны с мясом, я вышел из оцепенения, и прыгнул вперед. Схватив за шикарные волосы, я дернул ее голову вверх и, уходя от метнувшихся к глазам цепких пальцев, тут же потянул на себя. Волосы были красивые, длинные и крепкие – выдержали рывок, сработав как рычаг. Хрустнули шейные позвонки, и я тут же отпустил светлую гриву локонов, и тело глухо ударилось о землю.

Отряхнув руки от волос, я с опаской глянул вниз. На газоне белело неестественно раскинувшее руки тело девушки. Молодая девушка была, красивая. Француженка по-моему, у нее муж еще высокий, с серьезным лицом и с грушевидным пузом. Преодолевая

страх, я заглянул на тот балкон, с которого она на меня кинулась. Ни мужа с пузом-грушей, ни забавно картавящих детишек там не наблюдалось. Хотя у них трое было.

[Черт].

На втором соседнем балконе тоже никого не было.

Решив больше не отсвечивать, зашел в номер. Хорошо кроватей две штуки – меня поселили не в сингл, а в обычный стандарт. Так что одна из кроватей, как и разобранный шкаф, образовали баррикаду у балкона.

Заснуть пытался долго. Первый час не то, что заснуть, успокоиться не получалось.

Ворочался, ходил по номеру. В тот момент, когда уже было отчаялся, неожиданно даже для себя провалился в сон, сидя в кресле.

Глава 16. Махмуд

06 октября, раннее утро

В четыре утра, как и договаривались, Махмуда разбудил Влад. Узбек проснулся почти сразу, проморгался и, умывшись водой из тазика, взял переданную ему клюшку для гольфа и вместе еще с несколькими парнями двинулся на дежурство.

Трое, сменив находящихся внизу, у входа корпуса караульных, остались там, а Махмуд с Ломом и еще одним парнем, которого узбек не знал, быстро двинулись к зданию рецепшн.

Сменившиеся караульные отсюда уходить не стали – трое парней швейцарцев, взявшие на себя предыдущие часа бодрствования, просто передав смену, завалились спать на кожаных диванчиках зоны отдыха в темном уголке.

Лом ушел к бару, незнакомый парень присел на кресло у ворот, Махмуд занял второе. Вчера вечером решили охранять не только корпус, где собрались русские, но и это здание – здесь был ресторан и склад с запасами продуктов. Но Влад вечером сильно опасался по поводу того, что на склад могут заявиться сотрудники отеля, поэтому решили так: если начинается небольшая буза, охранники рецепшен зовут помощь, если назревает серьезный конфликт, то просто по-тихому сваливают.

Ночь тянулось медленно и печально. Махмуд понемногу клевал носом, то и дело встряхиваясь. Периодически он вставал с кресла и чуть дотрагивался до колена незнакомому парню, имя которого так и не удосужился спросить. Тот при этом просыпался, поднимал узкое сильно небритое лицо и благодарно кивал.

Когда, казалось, прошла уже вечность, Махмуд встал, разминая ноги, прошелся к стойке регистрации, над которой висели часы.

- Щито? – не удержался он от возгласа, когда увидел, что с момента прихода сюда прошло едва четверть часа. Нахмурившись, Махмуд прошел через все помещение, прошел мимо входа в ресторан и остановился рядом со стеклянной стеной, рядом с дверьми которой, на улице, сидел в пластиковом кресле Лом, потягивая что-то из стакана.

- Тихо все, - произнес он, встретившись взглядом с Махмудом.

Кивнув, узбек собрался было уходить, но тут неподалеку, за сценой, будто тень мелькнула. Махмуд присмотрелся, прищуриваясь, но ничего не увидел. Склонив голову, он медленно-медленно двинулся вперед, держа в чуть отведенной назад руке клюшку для гольфа.

- Ты чего? – сделал небольшой глоток из стакана Лом.

- Да ничего вроде, - негромко ответил Махмуд, - продолжая медленно, мягкими шагами двигаться вперед.

- Зови, если что, - хмыкнул Лом, поерзав на стуле.

- Угу, - кивнул Махмуд.

Дойдя до большой сцены, старая не смотреть на изображение фона – очень уж ему та девушка в купальнике нарисованная нравилась, Махмуд приостановился, всматриваясь в темноту.

- Как у негра в жопе, - пробормотал себе под нос Махмуд, разворачиваясь и пошагав обратно. Сзади раздался шорох, и узбек инстинктивно прыгнул вперед. Цепкие пальцы скользнули ему по спине, схватили рубашку и послышался треск ткани, готовой рваться. Махмуд извернулся, попытался отпрыгнуть, одновременно ударив клюшкой с разворотом.

Тяжелая металлическая клюшка со свистом разрезала воздух, но богатырский удар Махмуда пропал втуне – оружие просто описало полукруг, никого не задев. И почти сразу же парень почувствовал, что ему в ногу агрессивно впились чьи-то зубы.

- Ай [чьерт]! – заорал Махмуд, дергая ногой.

Нападавший был небольшой, хлипкий мужичок – от движения Махмуда он как кукла подскочил и перекатился с треском – у него в зубах остался клок штанов Махмуда. Приземлившись на землю, нападавший вскочил на четвереньки и вновь бросился в атаку.

- Эй, [собаки самка]! – снова в панике вскрикнул Махмуд, взмахнув клюшкой. Оружие свистнуло, и раздался треск пробитого черепа.

Матерясь, Махмуд отпихнул от себя тело и отбежал к Лому, который держал в руке длинную деревянную палку.

- [Что происходит]?

- И-эй, бешеный какой-то, - пытаясь сохранить невозмутимость, произнес узбек.

- Ты в порядке? – с озабоченностью спросил Лом. В тот момент, когда на Махмуда из темноты кто-то прыгнул, он смотрел в другую сторону, а вся схватка заняла не больше трех секунд, так что Лом мало что понял из произошедшего.

- Да, нормально, - произнес Махмуд, пытаясь восстановить дыхание, сам же в это время внутренне обмирая от осознания того, что только что произошло. Все звуки будто бы отсекло в сторону, в голове пульсировала кровь в такт ударам сердца, ощущаемых каждой клеточкой тела.

- Он тебя не укусил? – будто громкости прибавили звукам окружающего мира, и Махмуд увидел перед собой озабоченное лицо Лома.

- А?!

Лом вдруг отвлекся на громкий шум с другой стороны здания.

- Это еще что такое? Пойдем быстрее, - произнес Лом и побежал к стеклянным дверям.

- Ага, - как болванчик повторил Махмуд и замер, глядя на спину развернувшегося собеседника.

- Ага, - ошарашенно повторил Махмуд. Теперь он и сам слышал какие-то голоса с противоположной стороны здания. Стараясь не думать о ране неа ноге, он перехватил поудобней и забежал в проем двери следом за Ломом. Здесь, в холле, уже гомонили швейцарцы, собравшиеся перед широкими дверьми главного выхода.

Подбежав, Махмуд увидел здесь группу молодежи, около десяти человек, которые что-то гомонили. В руках у некоторых было оружие – дубинки, биты, сумрачно мелькал металл ножей.

- Идите [далеко] отсюда, здесь вас не ждали, не понимаю [никого] дома никого нет, - на одной ноте громко говорил парень, имени которого Махмуд не знал. Арабы тоже голосили в ответ, кто-то подпрыгивал на месте, кто-то тыкал в единственного сейчас защитника двери пальцем.

- [Зачем] вы сюда пришли, уходите давайте, мы здесь номера оплатили, и-эй! – тоже заорал Махмуд, вставая с парнем плечом к плечу. Тут воздух взорвал рык Лома, который тоже что-то матерно кричал, закаркали на своем швейцары, тоже выходя на улицу и демонстрируя своим видом решимость отстаивать свои интересы и держа подручное оружие на виду.

Около минуты две группы материли друг друга, каждый на своем языке, но никто не решался нанести первый удар. Защитники понимали, что после этого конфликт мирно уладить не получится, незваные гости же видели, что оппоненты серьезно настроены, и просто так, под моральным напором не отступят.

Закончилось все буднично – со стороны корпуса появился десяток человек во главе с Владом, и арабы, притихнув, но угрожающе поорав что-то, ретировались.

Пока Лом с Владом обсуждали произошедшее, Махмуд отошел в сторонку и убедившись, что его никто не видит, рассмотрел прореху в штанине. Выпрямившись, он только шумно вдохнул через стиснутые зубы, зажмурившись и застонав от отчаяния.

Глава 17. Сергей

06 октября, утро

Открыв на секунду глаза, сразу же закрыл – темно еще. Но утро, точно – не темнота за окном, серебристое предрассветное марево. Впрочем, после того как ушел сон, вернулись неприятные ощущения. Потянувшись, избавляясь тянущей боли в забитых мышцах, кое-как поднялся. После вчерашних приключений болело все тело, а под повязкой на руке пульсировало совсем уж по-плохому.

Сунулся было в душ, но воды уже не было. Пришлось удовольствоваться лишь чистым исподним.

Перед тем как выйти из номера, присел на кровать, пытаясь осмыслить произошедшее за вчерашний день. Да и вообще осмыслить.

В стране жопа, во всей Африке, судя по всему тоже. Может быть и в мире.

Персонально со мной еще большая жопа. Если вчера я не прикончил Катерину, то это только по стечению обстоятельств. Вовремя отпустило.

Судя по всему, будущее мое – перекошенная гримасой бешенства лицо и стойкое желание кого-нибудь убить. А убивать мне не хочется никого. Почти никого. Умирать тоже не хочется. Но, похоже, придется.

Вот и слетал на отдых, [черт].

Едва не сплюнув от досады, направился к выходу. Поднатужившись, поднял тумбочку и отнес ее на несколько шагов, так что бы по полу не скрежетать. Мало ли кто за дверью.

Постоял сначала немного, прислушиваясь. Упс, а это что? Неужели шорох?

Может с балкона выпрыгнуть? Тут второй этаж всего?

Глупо устыдившись, представив как с балкона буду слезать, вздохнул пару раз, разгоняя кровь, и рванул дверную ручку, резко толкая ее от себя. Раздался глухой удар, и дверь, ударившись обо что-то, отпружинила ко мне.

- Ай! – раздался из коридора девичий взвизг и звук сложившегося тела. Быстро шагнув вперед, придерживая дверь, я с удивлением увидел распластавшуюся на полу Вику.

Девушка, получив удар дверью в лоб, лежала на полу, неловко и широко раскинув ноги. Взгляд ее плавал, пальцы бессильно чертили по стене, и я помог ей подняться.

На лбу у Вики уже появилось яркое красное пятно.

- Привет, - взял я девушку за плечо, усадив на подоконник, - ты в порядке?

Конечно в порядке, до сих пор глаза в кучу не собрать.

- Ой, больно, - пискнула Вика, зажмуриваясь и с опаской боли трогая ладонью лоб.

- Ты зачем мою дверь таранила?

Вика лишь простонала, пытаясь проморгаться и прислушиваясь к ощущениям.

- Извиниться не хочешь? – едва не шепотом спросила она.

- Извини, - пожал я плечами.

Мне не сложно.

- Сереж, у тебя же есть машина?

Отвечать я не стал.

- Марина как уехала в Сахару, так и не вернулась, - не дождавшись ответа, всхлипнула Вика, по-прежнему не открывая глаз и за лоб держась, пытаясь прийти в чувство.

- Двухдневная же экскурсия, - пожал я плечами.

- Какая экскурсия, Сережа! – глаза она открыла.

И, судя по всему, сильно расстроилась – глаза на мокром месте, губки надула. Ну да, с подругой вряд ли все в порядке – если оптимистично даже, сама дверью в голову отхватила, есть с чего губки надувать…

Так.

Я вздохнул и потряс головой – откуда во мне этот цинизм?

- Давно они уехали?

- Вчера, рано утром, - громко шмыгнула носом Вика. Видно, еле сдерживается, чтобы не заплакать.

- Вик, я тоже вчера рано утром уехал, в ту же сторону, - пожал я плечами, - меня на полдороге остановили и развернули.

- Кто остановил?

- Полиция. Ладно, пойдем – позавтракать надо, а там видно будет.

Когда, придерживая девушку, спускался по лесенке, догнала мысль – какой к черту завтрак? Если персонал отеля разбежался еще

вчера?

Стеклянный фасад здания рецепшена щербато щурился. Пройдясь по пальмовой аллее, подойдя ближе, я увидел, что многие стекла разбиты.

- Вчера же еще не было? – удивился я, бросив короткий взгляд на спутницу.

- Влад сказал, ночью человек десять пришли, молодежь местная, - пояснила Вика, - начали шуметь, но наши подошли, они и свалили. Потом стекла побил из темноты кто-то, они же скорее всего.

- Влад сказал?

- Ну да. Мы же все вместе в третьем корпусе – тут и еда есть, и…

- Еда?

- Ну да, тут на складе очень много круп разных, консервов оказалось, - глянула на меня Вика.

- [Вот ведь]! – едва слышно шепнул я, вспомнив как вчера с мокрой, отяжелевшей сумкой продуктов по пляжу брел.

Вдоль всей разбитой панорамной стены внутри здания рецепшн была выстроена баррикада. Сюда стащили диванчики и столы со всего бара, водрузив приличную стены, конструкция которой, переплетаясь, удерживала саму себя.

У самого входа дежурил нетипичный немец, который швейцарец. Самый щуплый из них, худой но уже с бакенбардами.

- Серега, привет, - шагнул ко мне кто-то из русских, внимательно вглядываясь. Лицо знакомое, но кто такой, не знаю.

- Завтрак там, собрание в конференц-зале через полчасика примерно, - показал незнакомый караульный мне направления. Вика, тебя Влад искал, - это он уже девушке.

Пройдя мимо стойки рецепшена, я с удивлением увидел за ней дремлющую тетку с книжкой на коленях. Присмотрелся – так и есть, та самая хабалистая дама с говором, которая вчера здесь больше всех возмущалась. Надо же, подсидела молодую арабку.

Завтрак изобилием не баловал – миска гречневой каши, стакан сока и черствая булочка.

Но это был завтрак, притом народа на рецепшене было прилично, несмотря на очень раннее утро. Быстро проглотив свою порцию, я поднялся.

- Пойду искупаюсь, - посмотрел я на Катю, поднимаясь.

- А… - привстала вслед за мной девушка.

- Тебя Влад искал. Подходите на пляж, или сюда чуть позже, и все решим.

Не могу сидеть на месте, слишком много напряжения внутри.

Пока шел к пляжу, прислушивался к себе. А может, пронесло?

Может действительно они сожрали что не то?

Вроде самочувствие – не считая боли от побоев, вполне. Голова не кружиться, убить никого не хочется.

Может вчера у меня башню снесло просто от того что у меня душу Катя высосала? Просто сказалось нервное потрясение, и всего-то лишь я обычный асоциальный член общества, а не жертва эпидемии бешенства?

Спускаясь по лестнице, с удивлением увидел, что из крана для ног в пляжном душе льется вода. Закрыв кран, скинул кроссовки и пошел по песку, осматриваясь.

Офигительно – черте знает что твориться, а на пляже уже народа прилично – человек тридцать. Несколько пенсионеров, вон две семьи с детьми, несколько девушек загорают. Держатся кучно, русская речь доноситься.

Ну да, конец света или нет, путевка то оплачена, море рядом. [И чего бы] не загорать?

Переодевшись в купальные шорты, предусмотрительно захваченные с собой, я подошел к воде. И остановился.

Ласково шелестели волны по песку, накатываясь на пологий скос, море гудело, дыша на меня свежим бризом.

В воду мне не хотелось. Совсем. С трудом сделав еще шаг, я наступил на мокрый песок и едва не отдернул ногу – мокрая поверхность ожгла ступню как огнем.

- Да ну нафиг, - передернув плечами, пробормотал я и сделал еще шаг вперед. В этот момент как раз накатила волна, и мои ноги погрузились вниз, в объятия мягкого песка.

Огромного труда стоило не отпрыгнуть. Все тело протянуло отголоском судороги, по коже головы прошлось колючими мурашками, а горло сдавило спазмом.

- Что за… - сморщился и, преодолевая сопротивление своего тела, пошел вперед. Сделав пару шагов, я ускорился и прыгнул в волну. При касании меня будто перекрутило всего, из горла рванулся крик, но

вдруг моментально весь дискомфорт как рукой сняло. Поднявшись на ноги, стоя по пояс в воде, я поежился, избавляясь от дрожи и пытаясь понять, что произошло.

Загребая руками воду, сделал пару шагов и вновь нырнул в волну. Нырнул, а после долго плыл, активно работая руками и ногами, пытаясь действием отогнать пугающие мысли.

Когда выдохся, заплыв далеко за буйки, лег на спину и некоторое время поболтался на волнах, слушая гул в погруженных в море ушах. Отдохнув слегка, развернулся в воде и направился к берегу. Сейчас плыл неспешно, лениво загребая и обдумывая происходящее вокруг. Но мысли все скользили на мой испуг при виде воды – тело еще помнило реакцию на воду.

С чего это я воды боюсь? При догадке содрогнулся, а сердце застучало так, что даже вроде в воде эхом удары отдавались.

Водобоязнь – так же бешенство называют.

Снова пытаясь убежать от своих мыслей, доплыл до берега, и выскочил из воды, плюхнувшись на колени. Мне нужен доктор. И реально срочно.

- Угу, аспиринчика даст, - хмыкнул я, поднимаясь. И только тут услышал, что на пляже уже стоит приличный гомон.

- Факинг, факинг, факинг! – неслось со стороны пляжного бара. Присмотревшись, увидел как красное тело в шортах крушит небольшой хозяйственный сарайчик.

Подхватив свои вещи, я ополоснулся под душем и переоделся. Пока переодевался, звуки буйства краснокожего англосакса так и неслись над пляжем. Переодевшись, и двинувшись в сторону отеля, кинул взгляд на компанию на пляже – люди притихли, будто сплотившись.

Британец между тем, наорав на сломанный сарай, крикнул что-то загорающим и пошел в мою сторону. Тут же меня толкнуло в плечо – мимо пробежала полная рыжая дама и, подскочив к бритту, начала его уговаривать.

Тот от нее отмахивался полупустой пузатой бутылкой с плещущейся там жидкостью. То, что этот мужик буйный не безумством бешеных, я понял как-то сразу – видно, что он просто нажрался и выражает недовольство уровень сервиса.

- Факинг-факинг-факинг, - различал я в его однообразных криках, направленных по всем сторонам света. Пара ругательств досталось и пляжникам - англосакс даже несколько шагов в их сторону сделал, но дама повисла у него на плече, голося и пробуя утащить за собой.

Подумав немного, трагическое действо я решил не досматривать, а двинулся к лестнице с пляжа. Как раз в этот момент краснокожий, обгоревший на солнце турист из великой Британии поддался уговорам своей дамы, двинувшись по мощеной тропинке, и наши пути вот-вот должны были пересечься.

Не желая вступать в конфронтацию, я ускорил шаг и даже перепрыгнул через несколько ступенек на широкой мраморной лесенке к большой площадке ресторана с бассейном.

И остановился, обернувшись на крики.

Перебравший виски брит орал что-то обидное мне вслед, одной рукой пытаясь оттолкнуть свою спутницу, а второй размахивая бутылкой. Я сейчас даже хорошо слышал, как там жидкость плещется.

- Пошел [ты], - сказал я, глядя в красное лицо.

Брови на яйцевидной голове сморщились, хохолок седых волос на высоком лбу, уже почти превратившемся в лысину поднялся. Здоровый он, кстати. Лет сорок, может больше, но фигура как груша – красная обгорелая грудь, дряблые руки и широкие пузо и зад.

- Факинг рашен! - понеслось в мою сторону.

Не сдержавшись, я показал ему средний палец, и двинулся прочь. Но услышав тяжелые шаги, обернулся. Британец приближался, выпячивая покрытую седыми волосами грудь, бешено сверкая глазами и брызгая слюной. Голова у него кстати тоже как груша – яйцевидный лоб и тяжелые, бульдожьи щеки, грузно сейчас трясущиеся. На большом, красном носу британца сейчас были хорошо видны мелкие темные прожилки пивного алкаша.

- Щат ап стьюпед бастард! – не выдержал я, отбрасывая в сторону мокрые шорты и делая шаг вниз.

Британец рыкнул что-то, оттолкнул свою спутницу в сторону и рванулся ко мне, размахивая кулаками. Я пригнулся и, отмахнувшись, вложил в удар всю неприязнь к тупому снобизму краснорожих мутантов, которые меня пытаются жить учить.

Чавкнул нос бритта, который от удара отшатнулся. Отпрыгнул – прислушиваясь к себе. Никакой жажды убийства не было, и я на

мгновенье испытал громадное облегчение. Британец уже пришел в себя и взмахнул бутылкой. Уклонился я в последний момент, и левой ногой ударил краснорожему под колено. Тот чуть согнулся, я моментально добавил хуком ему в ухо. Ошарашенный британец начал заваливаться, и я собрался прописать ему с ноги, как вдруг сзади что-то взвыло.

Вот коза – толстая рыжая тетка прыгнула на меня, ощутимо вцепившись в шею своими когтистыми пальцами и что-то орала, подвывая. Рванувшись вперед, я посмотрел вниз и, резко приземлил пятку на белесую ногу в пляжном тапке. Дама истошно взвыла (еще бы, только что у нее была нога, а стала ласта) и когда я извернулся, даже ослабила хватку, позволяя мне высвободиться.

Неожиданно меня снова накрыло – не успел я обернуться к царапающему булыжник бритту, пытающемуся подняться - руки невольно метнулись к веснушчатому лицу его спутницы. Схватив взвизгнувшую англичанку за волосы, я пробежал с ней несколько шагов и запустил в облицованную стену, из которой торчали смесители душа. Дама надолго выбыла из этого мира – глухой звук столкновения ее головы с кафелем разнесся колотушкой, а тело опало безвольным кулем. Откинутая в сторону рука упавшей англичанки хлестнула по мокрому кафелю, а ко мне уже бежал разъяренный бритт, размахивая кулаками. Удара по лицу я почти не почувствовал, рванувшись к противнику.

В этот раз краснорожий получил головой в нос и начал выделывать пассы руками, пытаясь удержать равновесие. Ногой я зарядил британцу в промежность, а когда он согнулся, схватил за жидкие волосы на макушке и поволок к стене.

Сжав зубы, я в ненависти, как колотушкой принялся стучать головой англичанина в блестящую стену. Несколько бело-голубых квадратов отвалилось, обнажив неровную бетонную поверхность с отпечатками внутренней гребенки кафеля. Рука моя дернулась, больно ударившись - с удивлением я увидел зажатый между пальцами клок вырванных окровавленных седых волос. Британец безвольно упал, окровавленным лицом ударившись в пол, и я начал топтать тело ногами. Не удовлетворившись этим, схватил его шею в захват и, подтащив к крану для ног, расположенному на уровне колен, размахнулся и насадил яйцевидную голову на него. Раздался хруст

зубов, закапала обильно кровь, а я все продолжал рывками вталкивать голову бритта на кран. Когда его лицо уткнулось в стену, я с гортанным криком подпрыгнул и начал его насаженную на кран голову ногой. Раздался треск, как будто ткань рвется, и голова англичанина сорвалась с крана. Нижняя челюсть в обрамлении красных жгутов мышц осталась висеть, а все остальное упало. Рывок повернул переключатель, и из крана полилась воды, вымывая кровь из изуродованной головы британца, обнажая серые мозги.

Заголосила рядом его спутница, ворочая толстыми ногами, пытаясь отползти и барахтаясь в красноватой луже.

- Сюда! - рявкнул я на нее, но мой крик ей будто сил придал – подскочив, она попробовала встать - ноги ее скользнули по кафелю, отвислые бедра звучно шлепнули по мокрой поверхности, но тут она извернулась и на четвереньках побежала от меня к пляжу.

- Стоять! – закричал я, не узнавая свой голос.

Полные, с пальцами как сосиски, ладошки дамы рванули песок, взмывший вверх фонтаном, и женщина смогла подняться на ноги. Она была полной, при беге все ее тело сотрясалось и ходило ходуном как желе, но бежала она стараясь. Еще бы, от смерти бегать. Двинувшись быстрым шагом, я начал ее догонять.

Англичанка, миновав вытащенный на песок катер, который вчера спускала на воду дружная команда арабов, выскочила на травянистую поляну и устремилась к соседнему отелю, оббегая помойку в высохшем русле реки.

Попыталась. Бежала дама с трудом – если у тебя такое вес, отсутствие привычки двигаться и проблемы со здоровьем, то даже страх смерти не заставит тебя убежать очень быстро и очень далеко.

Выдохшись, едва сделав несколько шагов по траве, она замедлила бег, и сейчас просто шла, держась рукой за бок и причитая вперемежку со всхлипами и стонами.

- Куда? – перейдя шага на бег, оказался я рядом с ней и схватил за редкие рыжие волосы, потянув за собой. Быстрым шагом я двинулся обратно, но раздался сдавленный вскрик и женщина упала.

- Устала? – присел я рядом с ней, рывком заставляя посмотреть мне в глаза.

Широкое, овальное лицо оказалось совсем рядом. Нос свернут в сторону от удара, на щеке наливается кровоподтек, губы слоеными

плюшками исходят кровью, а вот правая щека, левая для меня, даже чистая. И на ней ярко рыжим, контрастируя с бледностью кожи, выделяются веснушки.

В эту щеку я и вцепился зубами, подтянув к себе голову, не обращая внимания на сопротивление барахтающейся жертвы и все сильнее челюсти. Она истошно завизжала и оттолкнулась от меня. Выплюнув кусок щеки, чувствуя солоноватый привкус во рту, я поднялся.

Лежащая на спине женщина заголосила, закрывая разорванное лицо, исходя кровью, соплями и слезами, пыталась от меня отползти.

[Да что же происходит-то?]

Вкус крови меня неожиданно отрезвил – подняв руки, я сейчас смотрел на окровавленные ладони с отвращением. На правой руке с тыльной стороны к мокрой и вязкой пленке крови прилип клок седых волос.

- [Вот незадача], - успел сказать я до того, как упал на колени, и меня вывернуло наизнанку. Закончив, и рукавом вытерев испачканный кровью, я поднялся и встретился глазами с Владом. Рядом с ним стоял Махмуд, чуть поодаль еще несколько человек.

- [И чего] смотрите? – поинтересовался я и, развернувшись, побрел к морю.

Ни мыслей не было сейчас, ни эмоций. Вообще ничего, одна серость в сознании.

Зайдя в воду, я долго плескался, умывая лицо и полоская от крови рот, а после вышел на пляж. Надо бы кроссовки отряхнуть – песка внутри много, чувствуется.

Едва выйдя из воды, я остановился.

- Доктор есть? – посмотрев в глаза Владу, спросил я.

Ну надо же что-то сказать.

На удивление, парень кивнул и вперед вышел широкоплечий мужчина с бородой. На скуле у него, чуть ниже глаза, ближе к уху, была большая родинка, из которой тоже произрастало несколько волосинок.

- Доктор, что со мной? – бесцветным голосом спросил я.

- [Черт его] знает, - пожал плечами доктор, - видимо, новая форма бешенства.

- Меня укусили, - поднял я руку, с которой неясно когда спала повязка, обнажив следы от чужих зубов.

- Да, Махмуд сказал, - кивнул доктор.

Повисло недолгое молчание.

- [Прошу], ну скажите что-нибудь! – взорвался я, - вы же медицина, [в самом-то деле!]! Бешенство же лечится, когда собаки кусают!

- Это не собаки, - пожал плечами доктор, вначале было слегка отшатнувшейся от моей вспышки, - и бешенство лечится в начальной стадии. Сейчас же у нас не только лекарств нет, но и связи вообще с кем-то. Судя по всему, мы остались наедине сами с собой.

- А вы, доктор, кто? Ну, - увидел я в глазах у бородатого мужика непонимание, - терапевт, дантист, хирург?

- Гинеколог, - дернул глазом доктор.

- […], - пожал плечами я, - тоже ничего. Что-то сделать можно, как думаете?

- Думаю вас необходимо поместить на стационарное обследование.

Вздохнув, я посмотрел за плечо доктора, где несколько человек помогали подняться полной англичанке.

- Слушайте, а можно мне…

- Да кто тебя спрашивать будет! – шагнул из-за спины Влада один из наблюдающих за происходящим.

- [Помолчал бы], - коротко глянул я на выступившего мужика в белой рубашке, снова оборачиваясь к доктору и Владу: - Слушайте, а я могу сдохнуть в одиночестве.

- Ты как сейчас себя чувствуешь? – поинтересовался Влад, внимательно осматривая меня.

- Да как сказать… - пожал я плечами, - омерзительно. Но вспышка прошла, вроде получше стало.

Собрав во рту горькую слюну, пожевав губами, я звучно сплюнул. Пошевелил руками – странно, избитое вчера тело больше не болело.

- Меня кстати, - произнес я, - накрывает только тогда, когда… ну, типа дерусь с кем-то. Как приступом агрессии.

- Это что уже, не первый раз? – удивился Влад.

- Второй, - кивнул я, - но в первый раз быстрее отпустило.

- [Плохо], - сморщился Влад. – Слушай, Серег. Все равно тебе делать [нечего], да ты и для общество опасен… может прокатишься, поишешь автобус?

- Кого? – не сразу понял я, но тут же вспомнил просьбу Вики и пожал плечами, - почему нет?

Глава 18. Сергей

06 октября, утро

- Вот здесь они поехали скорее всего, - показал субтильный невысокий парень, проведя пальцем по карте, расстеленной на столе.

- Откуда знаешь? – глянул я в невыразительные, водянистые глаза.

- Я гид, - чуть кивнул парень.

- А бэйджик где?

- Серег, не [докапывайся] до Вано. Гид это, я тебе говорю, - Влад исподлобья посмотрел на меня. Заметно, как он напряжен, хотя старается выглядеть невозмутимо.

- Куда они поехали?

- Вот сюда, потом вот так, в Эль-Джем, там…

- Колизей там, я знаю, - прервал я парня, - только я тоже туда поехал. Во сколько они выехали?

- В половине шестого.

- А я в половине седьмого, и меня примерно вот здесь, – показал я точку на дороге, - менты развернули.

- Обратно сюда они не приехали, - наклонился над картой Влад, - может их дальше тормознули, и где на КПП держат.

- Или в каком другом отеле сейчас сидят, - кивнул гид.

- Или их просто убили всех, - поджал я плечами. – Не, ну тоже вариант, - спокойно выдержал я вопросительный взгляд Влада.

- Тоже вариант, - помедлив секунды, произнес он, положив свои огромные кулаки на стол, - вот тебя прошу и проверить.

Влад единственный, кстати, кто сидел рядом, не дергаясь от каждого моего движения. Интересно, кстати, если сейчас клацнуть зубами и сделать вид что бросаюсь на его руку, испугается?

Выругавшись глупым мыслям, я поднялся.

- Воды мне дайте в дорогу, - сглотнул я, чувствуя сухость в горле.

Кровь бы соленая, вода в море тоже. Пить хотелось, как будто селедки наелся.

- Давай Серег, возвращайся, - протянул мне руку Влад. - Ты это… держись.

- Угу, - невесело кивнул я.

Подошла Вика и, стараясь не смотреть мне в глаза, протянула совсем небольшой оранжевый рюкзак. Заглянув туда, я увидел пакет с бутербродами, галеты, бутылку с водой и шоколадку.

- Растает же, - потянул я яркую обертку, положив шоколадку на стол.

Кивнув одновременно всем, я развернулся и направился к выходу. Поодаль, у дверей ресторана заметил Катю с ребенком, и запнулся. Развернувшись, посмотрел ей в глаза и поднял руку, прощаясь. Ведь навсегда уезжаю, почти наверняка..

Навсегда. Такое короткое и емкое слово.

Катя шагнула было вперед, но я покачал головой и быстро пошагал к выходу.

- Вуф! – гавкнул я на опасливый взгляд швейцарца на выходе, и улыбнулся, когда парень отшатнулся, поднимая дубину. Хм, а если бы он мне в рог с испуга прописал?

Эмоций кстати почти не было. Вернее были, но какие-то неправильные, неяркие. Глухие. Так касанием ощущаешь свое тело после местного обезболивания – вроде есть, а вроде почти не чувствуется.

За моей спиной послышался шум, какие-то крики, но я не оборачивался. Шум есть, драки нет. Без меня разберутся.

Пройдя метров сто по пальмовой аллее мимо гостиничных корпусов, позади услышал топот ног, обернулся.

- Я с тобой, - переходя на шаг, выдохнул Махмуд.

- Иди [ты], - развернулся я, шагая к воротам.

- Иэээй, - обиженно протянул Махмуд, - ты слышь…

Снова топот ног – замерший было от неожиданной отповеди узбек пробежал немного, вновь догоняя меня.

- Я тебе что сказал?

Общаться с Махмудом, у которого в жопе взыграло благородство, и он готов был сопровождать меня совершенно не…

Он же молча преградил мне путь и потянул вверх штанину.

- Когда? – спросил я, отбрасывая в сторону ненужные мысли, увидев следы зубов на его голени.

- Сегодня, ближе к утру. Бешеный у корпуса терся, бросился в темноте. Я посмотреть пошел.

- Один что ли? – я уже шагал в сторону вычурных ворот.

- Да.
- Дебил [ведь].
- Да [чего] уж теперь.
- Ну да, тоже верно.
- Серег?
- А?
- Ты обещаешь, если что?
- Меня раньше укусили.
- Да [все равно]. Ты обещаешь, если что?
- Угу, - посмотрев на Махмуда, кивнул я.
- Чурка [ты], скажи по-русски, а! – взорвался невозмутимый обычно узбек.
- Хорошо, если ты станешь бешеным без вариантов я тебя [убью]. Нормально?
- Нормально.
- А ты меня.
- Я тебе уже обещал.
- Только [вряд ли] я тебя завалю.
- И-эй, почему?
- Да ты здоровый как кабан!
- Ну, зайдешь со спины, [ударишь] по голове чем-нибудь! Серега, ты же обещал!
- Умный ты [больно]. Обещал, значит сдела… попробую.
- Давай, постарайся если что.
- Угу. Пойдём машину искать.
- Какую?
- Да какую-нибудь, [я тебе что], пешком пойду?
- А сигналка-[мигалка]?
- Слышь, пока ты своим баранам значки мерседеса на лоб клеил, я уже номера на движках перебивал влегкую.
- Ух [какой]. Ты преступник и грязный расист.
- Чурка тупая.
- Свинья. Вон машина [хорошая], смотри.
- Не, эту я не вскрою, там…
- Ты же сказал тебе [все равно] на сигналки-[мигалки]?
- Не, в этой электроники до жопы, [вряд ли] она поедет.
- Кто из нас чурка тупой?

- Хотя если ты толкать будешь, то поедет.

- Вы все русские такие, только [разговаривать горазды].

- Иди баранам хвосты крути.

- Хвосты ослам крутят, я не баранам. А эта, смотри?

…

- Че, тоже [блин] сигналки-[мигалки]? Мы уже [целых] десять километров идем, или тебе ведро типа шестерки надо найти!?

- Не десять, а километра два. Сейчас поедем, вон смотри, стоит.

- Да это корыто старше меня!

- Тебе не [все равно] на чем ехать?

- А [разговоров] то было! Мне [все равно] на сигналки-[мигалки], иди баранам хвосты крутить…

- Ладно, не [начинай].

- И-и-э нет, ты давай конкретизируй, кто тут баранам хвосты будет крутить?

- [Ничего себе] какие слова то ты знаешь! Долго учил?

- Ты [разговаривать] будешь или машину вскрывать?

- [Да что] ее вскрывать, смотри ключи торчат.

- Так может что поприличнее найдем, а? Тоже с ключами?

Глава 19. Марина

06 октября, очень раннее утро

Марина никогда бы не подумала, что в Африке можно так замерзнуть. Время тянулось нескончаемой пыткой - казалось, до рассвета дожить невозможно. Пробирающий до костей холод стягивал мышцы так, что они ныли от любого движения; заставлял свертываться калачиком, ловя малейшие крохи тепла.

Ночью девушка не спала вовсе. Поначалу не могла заснуть оттого, что страшное лицо сошедшего с ума седого убийцы так и стояло перед глазами. Потом - сказывалась усталость, девушка начала погружаться в состояние, близкое к беспамятству, но понемногу начали раздаваться стоны – сразу двое раненых пришло в себя и теперь не могли держать боль в себе.

На месте аварии осталось всего человек пятнадцать. Остальные еще вчера вечером, когда солнце перестало нещадно жарить ушли по трассе за помощью – половина в одну сторону, половина в другую.

Марина, не в силах слышать стоны тяжело пострадавших людей, отошла подальше от автобуса. Она пыталась зарыться в песок, накрываясь собранным из трех чехлов для сидений одеялом - страшные стенания все равно разносились далеко в ночной тишине, заставляя ее беззвучно рыдать от страха и бессилия. Пару раз Марина поднималась на ноги, размять одеревеневшие мышцы, но стоило только справиться с закостеневшим телом, выпрямиться, как наваливалась мутная пелена подступающего сна; ее мутило, нещадно саднили ушибы и кровоподтеки. И вот ближе к утру наступила мука холодом.

Когда небо посеребрил рассвет, Марина поднялась и в препаршивом состоянии направилась обратно к автобусу. Ноги едва слушались – каждый шаг давался с трудом, горло пересохло, тягучая тоска комом гнездилась в груди. Обойдя автобус, Марина чуть выглянула, осматривая поляну, где лежали раненые. Стонала теперь только одна – тучная женщина с раздробленной ногой. Рядом сидел сейчас тот самый толстый мужчина с рыбьими глазами – спасший

Марину от безумного седого. Он, видимо, всю ночь провел на ногах, ухаживая за пострадавшими.

Вторая тяжело пострадавшая, не умолкавшая всю ночь, судя по всему, сейчас провалилась-таки в беспамятство. Наконец-то. Марина даже не противилась чувству облегчения, стыдясь этого.

Сделав несколько шагов в сторону места ночевки остальных пассажиров, она вдруг остановилась, будто натолкнувшись на невидимую преграду. Расширив от ужаса глаза, она в оцепенении наблюдала, как ноги дородной женщины затряслись в конвульсиях.

Пытаясь сморгнуть пелену перед взором, Марина невольно сделал шаг назад, заходя за скулу автобуса и присмотрелась. Мужчина между тем поднялся, шагнув ко второй раненой. С ужасом Марина видела, как он резко выбросил руку вперед, закрывая раненой рот. Та только лишь судорожно мыкнула, но в этот момент вторая рука толстого метнулась к ее голове, и Марина расслышала страшный, стеганувший ее будто хлыстом страшный звук, когда нож вошел раненой в шею.

Удержав рванувшийся из горла крик, девушка, не в силах двинуться с места продолжала наблюдать. Толстый в это время, прижимая голову раненой к земле, с силой продолжал давить рукой ей на шею. Марина даже сейчас, в рассветном сумраке, видела хлынувший фонтан крови, который щедро забрызгал руку убийцы.

Неожиданно мужчина развернулся, и Марина встретилась со страшным взглядом рыбьих глаза. Девушка завизжала и, бросилась прочь, от ужаса уже не замечая ни усталости, ни боли. Не оглядываясь, она взлетела по осыпающемуся склону и помчалась прочь, в сторону дороги.

Марина бежала так быстро, как никогда раньше в жизни не бегала. Захлестнувший паникой страх гнал ее вперед, ноги почти не касались земли. Краем сознания девушка отметила, что со стороны автобуса раздались крики.

«Там же девчонки остались!» - мелькнула мысль у Марины.

С той стороны автобуса, где спала она, расположились еще несколько девчонок и одна семейная пара, которые решили остаться на месте аварии.

При мысли о том, что толстый сейчас двинется убивать остальных, Марина сбилась с ритма бега, попыталась оглянуться, и сразу же поплатилась – нога бухнулась в небольшую ямку, равновесие

девушка не удержала и неуклюже упав, прокатилась по жесткой земле, содрав кожу на локтях и коленях. Не обращая внимания на боль, Марина вскочила на ноги и увидела грузную темную фигуру, заметную на фоне белого автобуса.

Всхлипнув от страха и бессилия, Марина не совладала с собой и снова сорвалась на бег. Ее подстегивал панический страх и в голове пульсировало теперь лишь одно желание - скрыться, убежать как можно дальше от этого страшного места.

Пробежав метров триста вдоль дороги, Марина забрала правее и выскочила на дорогу. Страх по-прежнему гнал ее вперед, и девушка бегом пересекла магистраль, перепрыгнула через разделительный барьер.

На улице почти рассвело, но Марина видела вокруг себя все мутно – глаза у нее слезились, тени метались вокруг, нагоняя страх, а в звуке запаленного дыхания воображение рисовало топот преследователя.

Ноги звучно шлепнулись в асфальт, когда девушка спрыгнула с разделительного барьера – босоножки она уже давно потеряла. Перебежав соседние две полосы, Марина выскочила на обочину и вдруг почувствовала, как ногу ее обхватило яростное щупальце, увлекая назад. Вскрикнув, Марина вскинула руки, пытаясь сохранить равновесие, но инерция бега увлекла ее вперед и девушка с силой, маятником шлепнулась головой и грудью об землю, тут же затихнув.

Она зацепилась за моток проволоки, брошенный здесь давным-давно, и со всего маху ударившись о землю, сползла по небольшому склону. Податливая сухая земля покрывалом спустила ее вниз, широкие бедра и ноги девушки под своей тяжестью заставили тело чуть изогнуться, и если со стороны посмотреть, издалека, можно было бы предположить, что Марина просто прилегла отдохнуть. Смотреть было некому - водители тех нескольких машин, что проезжали мимо, потерявшую сознание девушку не увидели.

* * *

Очнулась Марина от того, что было трудно дышать. Девушка попыталась открыть глаза, но с первого раза не получилась. И тут же пришло осознание, что дышать очень тяжело. Всхлипнув, Марина попыталась приподняться, но ничего не получилось – она лежала на животе, а руки, которые были под ней, не слушались.

Застонав, девушка с усилием попыталась повернуть голову, но тут же остановила порыв – даже при легком движении висок и щеку ожгло болью.

Ноздри были забиты песком. Язык во рту не двигался, а при каждом вдохе высушенное горло саднило. Марина попыталась вдохнуть сильнее и сразу закашлялась, а нутро начало выворачивать. Заскулив как щенок, девушка извернулась, чувствуя, как отрывается подсохшая короста ран на виске.

Первый вдох полной грудью принес несказанное облегчение. Но лишь на мгновенье – тут же снизу, под ребрами, стрельнуло болью и девушка, пытаясь погасить ее, подтянула к животу колени, не сдерживая громких стонов от боли в ссадинах по всему телу.

С трудом ей все-же удалось открыть правый глаз, левый по-прежнему что-то стягивало.

Захрипев, Марина попыталась подняться, почувствовав, как тело сползает дальше вниз по сыпучей поверхности. Тихонько заскулив от жжения по всему телу, Марина напряглась, и у нее получилось изогнуться так, что руки освободились.

И тут же включились новые чувства – немилосердное солнце теперь своим огнем опаляло лицо, и не было никакой возможности спрятаться от жара. Язык во рту разбух, но шевелился, и понемногу Марина вытолкала изо рта слипшиеся комья земли, а когда закончила, некоторое время безуспешно пыталась сглотнуть вязкую, густую как засахаренный мед слюну.

Руки понемногу обретали чувствительность – Марина уже начинала чувствовать приятное сейчас на фоне остальной боли покалывание.

Пока приятное.

Открыв правый глаз, она начала осматриваться. Солнце мешало, но сощурившись, девушка увидела небольшую ямку с засохшей кровью и поняла, что там лежала ее голова.

«Сколько там крови» - удивилась девушка, и тут же с отвращением поняла, что та клейкая пленка, стягивающая всю ее левую сторону лица, это засохшая кровь.

Закрыв глаз, Марина беззвучно заплакала.

Солнце продолжало нещадно припекать, опаляя своим жаром не только лицо, но и голые ноги, саднящие раны. Чувствительность

понемногу возвращалась не только к рукам, и Марина теперь явственно ощущала жжение песка, которого было полно в жгущих болью ранах, набившегося под кожу, в отрытую поверхность ссадин. Понемногу девушка начала постанывать – вместе с колючей осязаемостью в руки возвращалась и боль. Сил терпеть жар солнца и боль у нее уже не было, и девушка, постанывая и всхлипывая, начала подниматься. Пока барахталась, услышала, как мимо проехало пара больших машин – судя по гулким звукам двигателей.

Марина кое-как выбралась на дорогу, осматриваясь одним глазом. В надежде найти хоть малейшую тень, или просто дождаться попутной машины, девушка побрела прочь, в сторону противоположную автобусу. Слишком был велик тот ужас, который она испытала там за последние сутки, и ей не хотелось заново его пережить.

Даже мысли о воде, которая была в автобусе, не смогли бы ее заставить вернуться туда. Пока она брела, с трудом переставляя ноги, то и постанывая от боли, девушка понемногу очистила левый глаз, отлепляя с лица вязкую, подсохшую корку.

Звук двигателя прозвучал небесной музыкой. Замерев на месте, Марина ожидала.

Несколько томительных секунд, и скрипнув тормозами, рядом с ней, на встречной полосе, остановилось желтое такси. Ноги у Марины от облегчения и надежды задрожали, отказываясь держать ее прямо.

Из машины вышли двое молодых арабов, и тут же начали закидывать девушку вопросами.

- Помогите… помогите пожалуйста, - едва не срываясь на плач, одними губами шептала Марина, не понимая обращенных к ней вопросов ни на французском, ни на английском языке.

Вышедшие из машины парни, перебросившись между собой резкими фразами, подошли к девушке и, поддерживая ее за плечи, подвели к задней двери. Один из них придержал дверь, второй помог Марине присесть.

Когда такси тронулось, девушка завалилась набок, прислонившись к двери и с наслаждением начала ловить лицом порывы залетающего в салон воздуха.

Тот, который сидел на пассажирском сиденье, развернулся, держась за подголовник, и что-то у нее спросил.

- Пить… - прохрипела Марина и показала пальцем в рот.

Араб хохотнул и переспросил ее.

Попытавшись сглотнуть сухую слюну, девушка сделал жест, как будто бутылку держит, и чуть разомкнула губы.

- Пить, пожалуйста, - взмолилась она.

С передних сидений донесся дружный взрыв смеха. Марина вздрогнула от испуга, но тут ей в руки ткнулся мягкий пластик бутылки. С трудом сдерживая спазм в горле, Марина трясущимися руками свинтила пробку и, не обращая внимания на то, что та упала вниз, приникла к горлышку.

Пила она со всхлипами, жадно, присосавшись к бутылке, чтобы не пролить ни капли. Остановилась только тогда, когда воды в бутылке не осталось.

В машине как-то вдруг зазвучала музыка, тянущими заунывными напевами.

Пассажир, продолжавший смотреть на девушку, что-то ее спросил.

- Не понимаю, - качнула головой девушка. Вода вернула разум и силы, даже боль немного отступила. Взгляд прояснился, и наконец получилось рассмотреть ее спасителей. Два очень молодых парня, оба смуглые, коротко стриженые. У водителя аккуратно выбритая бородка.

Пассажир снова что-то спросил со своего переднего сиденья, белозубо улыбаясь.

- Автобус, там, - показала себе за плечо Марина, - разбился. Автобус, разбился, -снова повторила девушка, и тут в памяти у нее всплыли слова: - Нид хэлп! Автобус, разбился!

- Переглянувшись с водителем, парень бросил несколько резких фраз.

- Турист? – повернулся он к Марине, когда собеседник что-то хохотнул ему в ответ.

- Да, туристка, - кивнула Марина.

- Рюский?

- Да, русская, - снова кивнул Марина. – Отель Роял Жасмин.

Вдруг водитель притормозил, и девушка ойкнула, схватившись за спинку сиденья впереди, пытаясь удержать равновесие. Водитель, притормозив, резко развернулся в разрыве дороги.

Сзади в этот момент громко засигналили, но водитель только высунул руку в окно и что-то прокричал, жестикулируя.

- Там опасно, - поняв, что машина возвращается к месту аварии автобуса.

- Там опасно… там… - в отчаянии девушка сжала кулачки, не зная как объяснить свои спасителям, что возвращаться на место аварии надо осторожно, ведь…

Машина в этот момент снова затормозила, и резко накренилась. Тут же застучали амортизаторы, гася неровности дороги, а в днище застучали многочисленные камушки.

- Мы куда? Извините, а мы куда едем?

Пассажир посмотрел на девушку, что-то сказал на английском и успокаивающе улыбнулся.

«Донт ворри» - расслышала Марина.

Не волнуйся. Английского она не знала совсем, но фраза была знакомая. Песня такая была – часто крутили по радио. «Донт ворри, би хэппи».

Девушка выдохнула и, последовав совету, постаралась не беспокоиться, откинулась на сиденье в полубеспамятстве.

Машина некоторое время ехала по грунтовке, валко преодолевая неровности, после замедлила ход и дернулась, останавливаясь.

Марина открыла глаза. Осмотревшись, поняла, что такси находится на пляже. На диком пляже – нигде не видно стройных рядом бунгало, а на песке четко видна полоска морского мусора – сухие водоросли, коряги, мусор, среди которого пара пластиковых бутылок, коричневых от времени.

- Зачем? Зачем мы сюда приехали? – спросила девушка, выходя из машины.

Один из арабов улыбнулся, произнеся что-то ей мягко и успокаивающе. Не переставая говорить, он показал в сторону моря, шумевшего внизу прибоем.

Машина стояла на вершине невысокого холма, далеко тянущегося вдоль полосы пляжа, который был внизу, метров на пять ниже. К ровному песку неподвижного, подернутого лишь редкой рябью моря, по крутому склону вела узкая вытоптанная.

- Я… я не хочу, - покачала головой Марина, когда водитель показал ей вниз, - слушайте, доведите меня пожалуйста до отеля… я… я заплачу, у меня в отеле есть деньги… мани… много мани…

Марина сглотнула, руки у нее слегка затряслись от волнения. Девушка отступила на шаг к машине.

- Послушайте, довезите меня до отеля, пожалуйста…

Араб снова улыбнулся и начал что-то говоритьуспокаивающим тоном. Пассажир в этот время открыл багажник и, вытащив оттуда покрывало уже спускался вниз по тропинке.

- Нет, я туда не пойду, - замотала головой Марина, - отвезите меня в отель, пожалуйста.

Араб, по-прежнему улыбаясь, быстро шагнул вперед и взял девушку за предплечье. Она попыталась уклониться, отодвинуться, но тот держал цепко и потянул ее к себе. Не очень сильно, но уверенно, продолжая при этом что-то успокаивающе говорить.

Понадеявшись на бархатные нотки в его голосе, отказываясь верить в плохое, Марина последовала за провожатым вниз по узкой тропинке, тянущийся между двух поросших травой выпирающих клыков - сточенных ветром крупных камней скальной плиты.

Пока шли, араб вежливо поддерживал Марину, и оказавшись на пляже, показал ей на море, а потом чуть склонившись, сделал вид что наклоняется и умывается.

- Что? – не поняла девушка.

Водитель вновь что-то сказал, и показал на море, наклонившись и двумя руками потерев лицо.

- Отвезите меня в отель, - всхлипнула вдруг Марина, - пожалуйста.

Бородатый водитель дружелюбно улыбнулся и шагнул к девушке, подталкивая ее к воде.

Сглотнув, Марина зашла в море по колено, морщась от моментально засаднивших ран и зачерпнув воды, попробовала умыться. Соленая вода обожгла лицо, девушка шагнула обратно.

- Больно, - покачала она головой, и всхлипнула, - отвезите меня в отель, пожалуйста.

Араб покачал головой и, взяв ее за руку, повел к воде. В это раз прикосновение было сухим и жестким.

Что-то резко сказав, бородатый водитель снова подтолкнул ее к воде, жестами призывая умыться. Марина всхлипнула, попыталась вырваться, и открыла было рот, но несильный, но резкий удар в живот согнул ее пополам.

Девушка глухо выдохнула от неожиданности, раздался неприятный звук – от удара из кишечника вышли газы. Прокомментировав это насмешливым комментарием, бородатый водитель больше не церемонясь, рванул с нее одежду. Марина закричала, чувствуя, как отказывается рваться впившаяся в кожу ткань. Насильник напрягся и дернул снова. То, что осталось от платья, полетело в сторону, Марина машинально закрылась руками, все еще открывая рот в бессильной попытке вздохнуть, и тут водитель сильно шлепнул ее ладонями по ушам.

В голове у девушки хлопнуло, она кулем свалилась вниз, упав в воду, и тут же замычала от резкой вспышки боли – водитель резкими движениями срывал с нее бюстгальтер и трусики. Марина попыталась отползи, бессильно водя рукой по песку под водой, второй держась за звенящее ухо, но тут араб не выдержал, рванул ее за волосы и пошел вместе с ней на глубину. Девушка попыталась крикнуть, вырваться, но тут сильные руки погрузили ее голову вниз. Соленая вода хлынула в открытый рот, Марина забарахталась, чувствуя, как жжет все внутри, но чужие руки держали ее под водой крепко.

Грудь разрывало от недостатка воздуха, накатила слабость – сил хватало едва барахтаться. Вдруг голову рвануло, вверх, поднимая на поверхность, Марина резко и сипло вздохнула, закашлялась и ее начало рвать соленой водой. Дождавшись, пока она придет в себя, водитель закатил ей несильную, но хлесткую оплеуху, что-то спрашивая.

- Пожалуйста… - простонала Марина, - пожалуйста, не надо…

Отпустив девушку, насильник отступил на шаг. Уже не вежливо и участливо, а жестким тоном он произнес что-то и снова вскинул руки и потер ими лицо

Сдавленно всхлипнув, прижав локти к животу и закрывшись ладонями, Марина медленно опустилась на колени и, трясясь от страха, начала умываться, смывая с себя полосы грязи и крови.

Лицо от соленой воды жгло, корка засохшей крови отделялась с трудом. Не сдержавшись, машинально продолжая набирать воду, Марина затряслась в рыданиях. Вдруг она почувствовала прикосновение – подошедший насильник перешагнул через девушку, оседлав ее задом наперед, и положил ей руку на ягодицу. Марина сдавленно взвизгнула, пытаясь вырваться, но тут же чужие колени

сильно и больно сжали ей талию, сильная ладонь собрала кожу горстью, больно рванув, а второй рукой водитель звонко хлопнул девушку по ягодице.

Марина дернулась, руки ее бессильно рванули мягкий песок под водой, и тут араб взял ее за вторую ягодицу, приподнимая девушку, демонстрируя ее зад спутнику. Тот что--то кричал с берега, весело и задорно. Продолжая насмешливо комментировать, араб оторвал одну руку и похлопал Марине по промежности. Девушка попыталась вырваться, но тут колени сжались сильнее, и она закричала от боли.

Неожиданно хватка ослабла – соскочив с нее, насильник схватил девушку за волосы и грубо поволок за собой. Бросив ее на расстеленное в тени покрывало, водитель не торопясь спустил штаны и, показывая на свой возбужденный орган, начал что-то вопросительно говорить.

Когда Марина покачала головой, беззвучно шепча губами, араб показал несколько жестов, и девушка поняла, что ей предлагается удовлетворить насильника добровольно. Тихонько взвизгнув, Марина попыталась отползти. Лицо ее исказила гримаса плача, она замотала головой, умоляя не трогать ее и отвезти в отель.

Извиваясь, при этом держа колени сомкнутыми, девушка понемногу отползала, но тут же наткнулась на что-то. Подняв глаза, запрокинув голову, она увидела второго араба, преградившего ей путь. Пассажир такси весело оскалился и наклонился к Марине, поглаживая ее по ключице. Девушка дернулась, но тут почувствовала требовательные руки на бедрах, пытающиеся ее развернуть. Марина изо всех сил сжала ноги, но тут водитель очень сильно ударил ее кулаком в бедро.

Девушка вскрикнула, от боли у нее потемнело в глазах, она согнулась и тут же в лицо ей ударила хлесткая пощечина. Чувствуя, как по лицу из носа потекла кровь, Марина попыталась безуспешно сжаться - но ее уже перевернули в четыре руки и теперь прикосновения требовали расставить шире ноги. Марина попыталась сжаться калачиком, упасть на бок, но ее снова ударили – теперь в бок.

Тонко вскрикнув, девушка даже на миг потеряла сознание, но тут же пришла в себя – пассажир наступил ей на кисти рук, прижимая их к покрывалу. От боли Марина взвыла, а через мгновенье почувствовала отвратительные прикосновения.

Водитель грубо пихал руку девушке в промежность. После некоторых усилий он протолкнув идва ли не всю кисть, насилуя девушку рукой. От непереносимой, рвущей нутро боли Марина взвыла, извиваясь, но тут пассажир сошел с ее рук и надавив на затылок, прижал ее голову к земле. С трудом дыша, лежа на пахнущей машинным маслом затхлом покрывале, Марина чувствовала, как внутренности ее орудует чужая, злая рука. Горячая кровь уже текла ей по внутренней поверхности бедер, а водитель, наигравшись, только сейчас вошел в нее так, как это предусмотрено природой.

Все это время он не прекращал переговариваться со своим спутником, который сейчас рванул Марину за волосы, повернув к себе ее голову, и резким движением вставил ей руку в рот. От неожиданности Марина не успела сжать зубы, а насильник этим воспользовался, просунув кисть внутрь так, что оттопыренный большой палец уперся в щеку. Сделав пальцы ковшом, араб рванул руку вверх, и Марина почувствовала, что еще вот-вот и у нее захрустит шея.

Водитель продолжал ее насиловать, комментируя звонкое хлюпанье – его поросший густыми и жесткими волосами лобок сейчас был уже весь в крови девушки. Перебросившись несколькими фразами с подельником, он оторвался от жертвы, и снова она почувствовала внутри себя его рвущие прикосновения пальцев.

Пассажир продолжал терзать Марине рот своей рукой. Водитель, повозившись минуту и с трудом протиснувшись, теперь насиловал ее способом, противным природе. Марина прикрыла глаза – сил на крики уже не было, и она желала только, чтобы пытки мука прекратилась. Или хотя бы чтобы сознание погасло.

Глава 20. Сергей

06 октября, утро

Баррикады на дороге больше не было. Вернее, она была, но блоки были сдвинуты в сторону. Людей и полицейских машин тоже не было, кроме одной – высокий полусгоревший джип щерился разбитыми фарами. Двери машины были распахнуты, но внутри никого и ничего не было.

Походив вокруг, осмотревшись, мы с Махмудом поехали дальше.

Чисто было на брошенной баррикаде - все подобрано и прибрано. Ни одного автомата и даже пистолета на земле не валялось, обидно.

Навстречу то и дело попадались машины, в основном желтые такси. Пропыхтел мимо древний трактор, пронеслась скорая со сбитой на сторону мигалкой, гремя створкой распахнутой задней двери. Судя по тому, кто сидел за рулем скорой, внутри были явно не раненые и не доктора – агрессивнаявнешность молодого водителя навевала определенные догадки.

Но к счастью, нас пока никто не останавливал и ненужного интереса не проявлял.

- Стой! Серега, стой!

- [Что случилось]! – спросил я, когда машина вильнула – уж очень Махмуд громко крикнул, даже по ушам отзвуком ударило.

- Ты чего орешь-то? – едва сдерживая раздражение, посмотрел я на узбека.

- Назад дай, - извернувшись назад, он смотрел в заднее стекло.

Выругавшись, кое-как со второго раза воткнул заднюю передачу и машина, подвывая, проехала назад несколько десятков метров.

- Смотри! – показал пальцем Махмуд за невысокий забор одного из домов – мы только что въехали в небольшую, серую деревню с квадратными, приземистыми домами.

- Одежда сушится, и что смотреть? – наклонился я к рулю, выглядывая из пассажирского окна.

- Серег, футболка знакомая! Такая на одном из мужиков была, который на экскурсию уехал! – Махмуд уже вышел из машины и подошел к невысокому забору, заглядывая во внутренний двор.

- Ты откуда знаешь? – хлопнул я дверью, выходя следом.

- Мы же гудели всю ночь, я их провожал, - коротко глянул на меня Махмуд. – Эй! Есть кто живой! – вдруг громко закричал он.

Некоторое время стояла тишина, а после вдруг на крыльце появился невысокий мужчина. Местный.

- Рюский? – крикнул он нам, не сходя с крыльца дома.

- Русские, русские, - опередив меня, крикнул узбек.

Кивнув, мужчина скрылся в доме, и через полминуты оттуда показалось сразу трое – двое мужиков и торопившаяся за ними женщина с бесцветными волосами. Кожа у всех красная, обгоревшая от солнца, одежда простая, явно с чужого плеча, но черты лиц неуловимо знакомые, подберезвые.

- Махмуд, здорово! – воскликнул один из мужиков, тут же и остальные соотечественники приветствовали узбека.

- Здорово, - удивился Махмуд, - а вы что тут делаете?

Из дальнейшей короткой, но эмоциональной беседы мы узнали, что в часе ходьбы отсюда автобус попал в аварию, помощи никакой не было, потом у Валерия Ивановича снесло башку напрочь, он убил нескольких раненых, а после сбежал в пустыню. Конкретно те люди, которые стояли перед нами вечером пошли искать помощи, пришли сюда, постучались в дом и местные рассортировали туристов по деревне, накормив и спать уложив.

- Махмуд, тут [такой ужас] происходит, по телику страх показывают, мы вчера полночи смотрели – короче тут [все печально].

- А девушка, светленькая, Марина, с вами? – прервал я словоохотливого мужика.

- Юля, Саша, Вовчик? – почти одновременно со мной и Махмуд не выдержал словесного поноса.

- Вовчик в аварии погиб, - нахмурился мужик, - Саша с Юлей на месте остались – там раненых много, а часть пошла…

- Девушка, светленькая, - снова перебил я его.

- Вместе с Вовчиком была, - добавил Махмуд.

- А, понял! Ну, так она тоже там осталась, - махнул рукой мужик в ту сторону, где дорога плавно поворачивала, выходя их деревни.

- С дороги видно автобус? Ладно, поехали, - потянул я Махмуда за собой.

- Эй, эй! – даже подскочил мужик, - вы же в отель обратно потом?

- Нас захватите, ладно? Мы вас тут подождем, вроде не гонят пока!

Кивнув, не отвечая, я переглянулся с Махмудом и полез в машину. Заревел двигатель, затарахтел пробитый глушитель и, лязгнув всем корпусом, наш рыдван тронулся.

- Километров пять, - когда разогнав машину, переключился на последнюю здесь, четвертую верхнюю передачу, произнес я. – Через пять минут доедем, смотри по сторонам внимательней, как бы не пропустить.

Через пару минут еды увидели такси, нагло ехавшее по встречке. По мере того, как машины сближались, машина прижималась к обочине, а когда оказалась совсем рядом, вдруг резко вильнула, подставляя нам свой бок.

- [Негодяй]!– в один голос выдохнули мы с Махмудом, когда я топнул по тормозам.

Такси развернулось через разрыв в ограждении дороги и теперь снова ехало во встречке, только теперь уже параллельно с нами. Нажав на педаль, пытаясь ускориться, я хотел посмотреть в глаза дебилу за рулем, но рыдван не разгонялся – очень уж старый и усталый. В этот момент из медленно удалявшегося такси высунулась рука, что-то жестикулируя – водитель там явно почувствовал мое настроение.

Но они здесь все такие, я уже заметил – окна нараспашку, и язык жестов постоянно. Как у велосипедистов - высунутая в окно рука вместо поворотников.

Еще через минуту такси вильнуло, и съехало с дороги в сторону моря, подняв за собой клубы пыли.

- Это они куда? – провожая желтую машину взглядом, сморщил лоб Махмуд.

- Купаться может? - глядя вслед небрежному водителю, наклоняясь все больше вперед, тоже проследил я за такси.

Вскоре столб пыли исчез из поля зрения, и мы начали вновь вглядываться вперед, высматривая автобус.

- Вон-вон-вон! – даже подскочил Махмуд.

- Не ори, вижу, - сморщился я и, вытянув по страусиному голову, съехал с дороги.

- Серега, зачем? – заерзал узбек, - а если?

- Не ссы, лягуха, болота нашим будет! – чувствуя, как похрустывает усталый кузов рыдвана, медленно вел я машину по следу, составленному вылетевшим с трассы автобусом. Сам он белой тушей лениво разлегся неподалеку в небольшом распадке, отклячив вверх широкую корму.

Проехав метров двадцать, и описав полукруг, почти развернув машину, я заглушил двигатель. Тут же стало очень тихо, лишь потрескивал горячий мотор. Махмуд легонько пихнул меня в плечо и показал на дорогу. Я сразу напрягся – вдалеке двигалась серьезная, темная гусеница военной колонны.

Мы с узбеком так и сидели в машине, пока около десятка грузовиков на высоких колесах, увешанных защитными решетками, ревя моторами проезжали мимо нас. Некоторые водители – смуглые парни, все в солнцезащитных очках, смотрели заинтересовано на нас, но остановиться никто даже не подумал. Только пятый или шестой грузовик немного вильнул в сторону и боднул широким, агрессивным бампером стоящую наполовину на полосе, наполовину на обочине легковушку - видимо участницу аварии с автобусом. Машинка от удара отлетела как игрушечная, захрипев сминаемым железом.

Раз за разом обдавая нас рокотом, грузовики наконец проехали, и понемногу скрылись вдали.

- Кто это, как думаешь? – глядя вслед колонне, спросил Махмуд.

- Тебе не [все равно]? – пожал я плечами, уже отвернувшись и всматриваясь в автобус.

Узбек открыл было рот что-то сказать, но я остановил его взмахом руки.

«Что?» - был написан в его взгляде вопрос.

- Тихо, - дернув подбородком в сторону автобуса, негромко произнес я, - не вышел никто.

Не торопясь мы с Махмудом вышли из машины и двинулись к распадку, в котором лежал автобус. Картина перед нами открывалась постепенно, по мере того как мы приближались.

Сначала показался ровный ряд накрытых тел. Не менее восьми, точно – из-под цветастых чехлов, снятых с сидений, виднелись посиневшие ноги и руки. Еще немного прошли, и дальше стали встречать трупы уже неаккуратно сложенные, и не накрытые.

Сглотнув ком в горле, я невольно остановился на осыпающемся скосе, осматриваясь, Махмуд же быстро съехал вниз и сейчас осматривал тела.

Я огляделся по сторонам – никого не видно, и тоже съехал вниз. Здесь тягостной патокой воздух наполнил сладковатый запах разложения. Поморщившись, я обошел в автобус и приостановился рядом с трупом хохлушки Юли. Ее окоченевшее, бледное тело лежало выгнутым, лицо застыло в гримасе ужаса, а рот так и остался искажен криком. Широко открытые стеклянные глаза смотрели в небо.

Лицо у девушки сохранилось лучше всего – такое ощущение, что ее рвали на части – одна грудь была разодрана, искусана, а вторая, оторванная, свисала вместе с задубевшей кожей в районе талии.

Над телами густо кружили мухи.

Стараясь не наступать на пятна засохшей крови, я обошел все тела, внимательно всматриваясь в лица. А где лиц было не разобрать, по волосам смотрел.

Марины тут не было, точно.

Обойдя автобус, посмотрел на Махмуда, который сейчас появился из салона. Бронзовая кожа узбека посерела, глаза лихорадочно блестели. Когда мы столкнулись взглядами, Махмуд только затряс головой, сглотнув и не в силах ничего сказать. Пройдя мимо него, я тоже заглянул в салон.

Кое-как протиснувшись в искареженную дверь, стараясь не наступить на растекшуюся лужу от трупа смятого, зажатого водителя, от которого виднелись только рука с перстнем, веревки кишок и часть белоснежной рубашки, я прошелся по всему салону.

Сумку Марины увидел. Саму девушку нет.

- [Конец], - выходя, подытожил я результаты осмотра.

- Кто это, как думаешь?

Махмуд показывал на тех, кто умер явно насильственной смертью уже после аварии.

- [Черт его знает], - пожал я плечами, - может у кого-то из пассажиров башню рвануло, может местные прибежали. Вон там два трупа лежат, - показал я на борт автобуса, подразумевая трупы с другой стороны.

- Марину видел?

- Не, - покачал я головой, - может она убежала?

- А может она…

- Что? – не понял я.

- Ну, того…

- А-а, - удивившись тому, что такая идея не пришла мне в голову, пожал я плечами. – Ну да, ты прав.

Задумавшись, я отошел ближе к белому борту, в тенек. Подумать.

- Ладно, давай тут по округе прокатимся, может, убежал кто. Постоим на пригорках, поорем, руками помашем, - выдал я через минут результат раздумий. – А после дальше проедем, куда вторая группа ушла.

Осмотревшись в последний раз, мы подошли к рыдвану. Водительская дверь захлопнулась лишь со второго раза. Повернув ключ зажигания, и увидев, в зеркало как плюнул черным дымом глушитель, я развернулся и медленно поехал к дороге.

Когда преодолевали небольшую канавку, пришлось подать газу – колеса чуть провернулись, мотор надсадно захрипел, вытаскивая нас дорогу, но тут рыдван дернулся пару раз как эпилептик. Из двигателя раздался скрежет, и машина резко встала, как на невидимую стену натолкнувшись.

- [Нет]! – одновременно выдохнули мы с Махмудом. Он от удивления, я от осознания.

Повозившись немного, нашел рычаг открытия капота. Подойдя по асфальту спереди – машина уже наполовину выехала на дорогу, я открыл капот и достал масляный щуп.

Сухой. Лишь на кончике совсем чуть-суть, как будто в капельку мазута опустили.

- Твою мать, что за [безответственный прежний владелец]? Неужели масло в машину не долить было? – выругался я.

- А сам то что? Датчик не мог посмотреть?

- Какой в жопу датчик, а? – раздраженно бросил я, - тут вообще приборы не работают!

- Епть, ну посмотреть надо было, - продолжал докапываться Махмуд.

- Угу, еще поворотники и стоп-сигналы проверить, чтобы все работало, - кивнул я. – Пойдем, - бросив щуп на землю, пошагал я по дороге.

- Куда?

- Такси вызовем.

- С таксофона, епта? – ехидно поинтересовался Махмуд, догоняя меня.

- С мелофона, - огрызнулся я, - помнишь, желтенькая машина поехала?

- Да она могла уже в жопу мира уехать!

- Куда они денутся [с] пляжа.

- А у тебя деньги есть?

- Угу, - кивнул я. – Зачем?

- Ну, заплатить таксисту.

- А… - такая мысль просто не пришла мне в голову.

Некоторое время шагали молча.

- А если они нас пошлют?

- Куда?

- Ну, откажутся в отель везти?

- Тогда мы им набьем [лицо] и отберем машину.

- Слушай, ты в натуре бандит? – поскреб затылок узбек.

- Не, что ты, - я вытер пот со лба. – А ю а гэнгстерс? Ноу, ви а рашен.

Сразу взял очень быстрый темп ходьбы, но сейчас понимал, что довольно опрометчиво – солнце жарило как бешеное, раскаляя все вокруг.

Минут десять шли до отворота, по которому уехало такси.

- Футболку сними и… - начал говорить мне узбек, когда мы свернули на грунтовку.

- Чего? – выдохнул я возмущенно.

- И на голову повяжи, - закончил Махмуд, - а то солнечный удар схватишь.

Несколько минут шагали молча, но потом я все же последовал совету. Когда навязал себе на голову подобие чалмы из футболки, Махмуд блеснул глазами, видимо захотел прокомментировать, но не стал, столкнувшись с моим взглядом.

* * *

После получаса ходьбы по желтой, извилистой дороге среди иссушенных солнцем холмов, вдали показалась лазурная, бликующая солнечными лучами поверхность моря.

Такси нигде не было видно, и я начинал нервничать. Утешало лишь одно – искупаться сейчас можно будет.

Когда почти подошли к пляжу, желтое такси заметил глазастый узбек. Молодец, я бы и не обратил внимания – машина стояла в небольшой ложбинке и отсюда, с пригорка, где мы были, видна была только крыша.

Около четверти часа шагали до машины. Маленький, приземистый желтый хэчбек – старенький фольцваген гольф. Вообще мне встречались здесь такси совершенно разных марок, но большинство было новыми машинами, а эта явно побита жизнью – уже и зазоры разной ширины, видно в авариях была, и бампера все покоцанные - вид заслуженного труженика.

У магшины мы с Махмудом осмотрелись – рядом никого. Я заглянул в салон.

- Ничего себе! – не сдержал я удивленного возгласа, - вот это джихад-арба!

Махмуд, глянувший следом, мыкнул невнятно, подтверждая – салон машины был в бахроме, на зеркале висело несколько освежителей воздуха с вязью на арабском и изображенными черными силуэтами шахидов. На торпеде сразу целая выставка, в которой в основном фигурировали изображения калаша, полумесяца и бородатых воинов.

- Мда. Нездоровая канитель, не нравится мне это.

- Пойдем, на пляже посмотрим, - осторожно предложил Махмуд.

Двинулись к изломанной линии склона мы настороженно. Встав на одном из уступов, осмотрелись по сторонам. Ровный пляж с белым песком, метрах в пяти ниже, раскинулся длинной полосой в обе стороны, но никого из людей не было видно.

- Может там? – показа Махмуд направо, где спуском вниз уходила узенькая тропинка. И дальше, еще правее, между двумя выдающимися уступами видимо была небольшая полянка.

- Пойдем, глянем, - кивнул я и первым медленно начал спускаться вниз.

Когда ступил на белый, ласковый песок пляжа, справа из-за скалы показался смуглый парень с бородкой и сразу направился в море. Подмываться.

Я хотел было остановиться, но по инерции сделал еще несколько шагов и увидел кусочек покрывала и чью-то белую, молочного цвета ступню. Будто в вакуумной пелене, которая меня накрыла, я шаг за шагом выходил вперед, и моему взгляду открывалось все больше.

На песке лежало покрывало, и на нем в позе лягушки распласталась девушка. Зад ее был приподнят, руки заведены за спину и грубо стянуты ремнем, часть которого змеей опускалась на землю.

Девчонка лежала без движения, уткнувшись лицом в землю, ее светлые длинные волосы были всколочены, часть из них стола колуном, стянутая подсохшей кровью. Все красноватое от свежего загара тело жертвы было в длинных полосках потертостей ссадин, локти темнели бурыми пятнами. Сделав еще пару шагов, я увидел ее промежность, покрытую запекшейся, и свежей кровью, стекающей ленивыми ручейками по бедрам.

Рядом с девчонкой, наблюдая за мной расширенными глазами, развалился на подушках араб – в руке у него был мундштук от небольшого кальяна. Удивленный моим появлением – явно находясь в сладкой неге от гашиша, он сориентировался не сразу – неуклюже вскочив, опрокинув кальян, бросился было к лежащей рядом сумке. Но я уже был рядом. Боднув его, как игрок в американском футболе, вместе с ним влетел в стену, и тут же обхватив его голову, начал бить ей в коричневый, выщербленный от времени окаменевший склон холма.

Как со стороны я услышал свое рычание, в руках треснуло и, взглянув вниз, я увидел в руках два оторванных уха. Насильник в это время сполз по стене, барахтаясь как бессильно как жук, и завывая, а я на мгновенье обернулся. И тут же сорвался к морю – полоскавший свои яйца замер, широко открытыми глазами глядя на меня, так и застыв вполоборота, держась за промежность.

Когда я забежал в воду - только брызги крыльями полетели, аккуратная бородка вместе с хозяином попятилась в растерянности. Насильник попытался отскочить в сторону, но я уже запрыгнул на него, сваливая в воду. Левой рукой, растопырив пятерню, вцепился ему в лицо, а правая метнулась вниз. Скользнув по мокрой ткани рубашки, я нащупал выдающееся хозяйство и с яростью сжал руку. Дикий вой разнесся, даже прорывая поверхность воды. Зарычав, сжимая захват, я приподнялся над водой и коленом уперевшись в живот булькающему

снизу насильнику, рванул. Кожный мешочек поддался под захватом, ладонь даже под водой обдало горячим, а между пальцем скользнул склизкий овал с красной ниточкой, отлетевший и плюхнувшийся в воду неподалеку.

Оставив в воде извивающееся тело, взмыв в ореоле брызг, я кинулся ко второму насильнику, который пытался подняться, дергая ногами и руками закрыв лицо. Налетев на него, коленями воткнувшись в бок, я резко сорвал его руки от лица и большими пальцами надавил на глаза, почувствовав как погружаются глубоко подушечки , натыкаясь на стенки глазных ям черепа. В стороны брызнуло кровавой жидкостью, по лицу мне бессильно несколько раз почти нечувствительно ударило – умирающий пытался отмахиваться, и тело подо мной заскребло ногами. Все еще надавливая пальцами в глазные впадины, я попытался рванул руки в стороны. Наверное, в моем воспаленном сознании была мысль череп разорвать, но не удалось, силенок не хватило – пальцы скользнули по серо-красной жиже, и руки взлетели вверх в ореоле кровавых брызг и ошметков вытекших глаз.

Завыв как зверь, я вскочил на ноги, но тут перед глазами мелькнуло и, получив сильный и гулкий удар доской в лоб, я отлетел в сторону, только пятки в воздухе мелькнули.

Глава 21. Анжелика

06 октября, день

Закутавшись в выданное одеяло, Анжелика целый день пыталась заснуть, но у нее ничего не получалось. Мешали переживания, сонм самых разных мыслей, а еще пристегнутая наручниками к кровати нога, которую все было никак не умостить поудобнее.

Телефон давно разрядился, а сданные на хранение вещи - там хотя бы книга была, пока не отдавали. Очень хотелось в туалет. Но водили всех по одному, и дождаться своей очереди было неимоверно сложно.

Многие возмущались, но бойцы караула совершенно игнорировали сердитое бормотание – на явное недовольство никто не осмеливался, после того как особо возбудившегося мужчину утихомирили прикладом, увели и больше не привели.

Ближе к вечеру большой шатер полевого лагеря с закрытыми в нем вернувшимися с отдыха туристами понемногу оживился – то и дело двое бойцов освобождали очередного пленника ситуации и уводили. Анжелика краем услышала объявление, что на вакцинацию и после в терминал, в обустроенные жилые помещения, но почему-то не верила.

- Не волнуйся, мам! – крикнула девушка, когда маму уводили двое солдат. Анжелика расположилась на койке у дальней стены, ее очередь была самой последней, а вот мама была ближе к середине, рядом со своей подружкой, соседкой по креслам в самолете.

Пока тянулось невыносимое ожидание, не в силах обуздать панически-тоскливые мысли, Лика начала считать про себя. После пяти тысяч сбилась, но уже было легче – ее очередь, наконец, подошла.

В сопровождении двух молодых, настороженно глядящих на нее солдат, Анжелика вышла из длинного, вытянувшегося множеством отсеков палаточного шатра. В предбаннике под дулом автомата ее остановили, и стянули сзади руки больно впившейся в запястья пластиковой полоской. Предчувствуя недоброе, девушка попыталась было обратиться к бойцам с вопросами, но те молчали, только лишь качая головой и пряча глаза. Выйдя на улицу, обернувшись, девушка

успела заметить табличку у входа. «U0771» - надпись на обычном листе формата А4 в файлике, закрепленном на брезенте скотчем.

Шли по территории недолго, минут пять. Миновав вереницу похожих шатров с модулями палаток, раскинувшихся по всему полю рядом со взлетно-посадочной полосой, подошли к зданию, по виду напоминавшее хозяйственное. В этот момент как раз от здания отъехал микроавтобус Газель с надписью «Специальная» на борту, а на освободившееся место, озарив стены красным отсветом стоп-сигналов, начала парковаться похожая машина. Когда проходили внутрь через металлические, скрипучие двери, Лика неожиданно вспомнила, что означает «U0771» - это был номер рейса, на котором они прилетели в Питер.

Стоило захлопнуться за спиной двери здания, как на Анжелику вдруг нахлынула какофония звуков – в одной из комнат кто-то орал благим матом и ярился с такой силой, что девушка задрожала от страха. Анжелика сбилась с шага, а солдаты – не обращая внимания на страшные крики, провели ее по коридору, заведя в один из кабинетов. Здесь было темно и тепло – так что даже испарина под курткой выступила.

Конвоиры вышли почти сразу, и тут же Анжелике в глаза полыхнуло ярким светом, заставив сощуриться. Чьи-то сильные руки оказались на плечах, подталкивая ее к стулу в центре комнаты, и надавили на плечи. Тут же через грудь перехлестнулся ремень, притягивая ее к спинке. Анжелика невольно рванулась, запаниковав и стараясь спрятаться от яркого света. Зажмурившись, она неосознанно попыталась встать, но тут же кто-то снова мягко надавил ей на плечи, прижимая вниз.

Вдруг краснота перед взором исчезла. Лика чуть приоткрыла глаза, прищурившись, и увидела черные очертания фигуры перед собой в ореоле света – незнакомец закрывал сильный свет от прожектора.

- Слушайте, что происходит? – с нотками паники в голосе поинтересовалась Анжелика, но тут несильный, но хлесткий удар в лицо оборвал ее.

- Эй! – мотнув головой, опешила девушка, но тут последовало еще несколько несильных, но обжегших щеки ударов.

- Вы что делаете то? – взбрыкнув ногами, попыталась отодвинуться Анжелика.

Ударов больше не было, а рядом с темной фигурой появилась еще одна, наклонившись к Анжелике, пристально всматриваясь в ее лицо.

- Кто вы? Что происходит? - Анжелику потряхивало, губы предательски дрожали, а в горле появился противный ком.

- Еще раз, - раздался в отдалении противный старческий голос.

- Док, ну видно же что…

- Я сказал еще раз! – с интонацией робота повторил мерзкий голос.

Крупный незнакомец качнулся к девушке, и та невольно отшатнулась.

- Активней, пожалуйста, - снова произнес невидимый голос, - с кровью, будьте любезны.

[«Черт»], - услышала Анжелика негромкий комментарий незнакомца и почувствовала у себя на шее руку. Широкая, твердая ладонь обхватила ее голову и тут же, чуть пониже уха, взорвался очаг боли. Истошно взвизгнув, Лика дернулась, но почувствовала рывок за волосы и следом хлесткий удар наотмашь по лицу. Верхняя губа треснула, и соленая кровь заполнила рот. Через несколько мгновений Анжелика почувствовала на джинсах горячие точки капель.

- Да вы что делаете, [люди]! – вдруг взъярилась девушка, - вы совсем [головой ударились]? [Фашисты, извращенцы], отпустите меня!!!

- Так-так-так, - раздалось рядом мерзкое.

- Доктор, да видно же, что нормальная! Я б на ее месте уже давно вырвался и [лицо] кому вскрыл, - прогудела вдруг раздраженно темная фигура незнакомца.

- Держите голову, держите… свет выключите, - совершенно не обратил внимания на эти слова невидимый доктор.

Свет погас, и полными слез глазами, Анжелика размыто увидела своих мучителей. Прямо перед ней находился широкоплечий боец в камуфляже, а поодаль склонился над столом с записями сухонький старичок. Сейчас он смотрел на девушку, близоруко щурясь. Очки в роговой оправе висели у него на шее, болтаясь на желтой от времени резинке.

- Вы… - шмыгнула вдруг Анжелика, сглатывая слюну с кровью, - вы…

- Потерпите пожалуйста, - мерзким голосом произнес доктор, - мне надо закончить осмотр.

- Осмотр?! – не выдержала Анжелика, - да вы аху…

- Прошу вас, сохраняйте спокойствие, - протянул доктор, поочередно посветив ей маленьким ярким фонариком сначала в одни, потом в другой глаз.

Минут пять он ее осматривал, щупал, мял, после чего поднялся и, отойдя к столу вернулся со кружкой воды.

- Попейте, - встав сбоку, коснулся он ободком кружки губ девушки.

- Я не хочу пить, - отдернула голову Лика. Пить ей действительно не хотелось.

- Уж будьте любезны, - произнес доктор, - или вас отведут обратно в палатки, а завтра стресс-тест придется повторить.

Не задавая больше вопросов, когда ободок кружки снова прислонился ей ко рту, Анжелика начала пить. Смотрела она прямо перед собой, в кружку, и когда та достаточно наклонилась, увидела красные прожилки на воде, от собственной крови, все еще сочившейся из губы.

Руки у доктора слегка подрагивали, и в нетерпении он наклонил кружку несколько больше, чем надо. Анжелика закашлялась, невольно плюнув водой, и с омерзением почувствовала жжение в носу от попавшей жидкости.

- Так, - пробурчал доктор, - еще раз.

- Да вы нормальный вообще!? – всхлипнула Анжелика, - у меня не настолько широкая глотка, чтобы залпом эту кружку проглотить!

- Женщина, не спорьте, - наполнив кружку, возвратился к Лике противный доктор.

«Женщина?» - сразу гамма чувств отразилась на лице Анжелики.

- Док, давайте я, - произнес огромный боец и не слушая возражений, отобрал у того кружку.

Руки военного не дрожали, и наклонял кружку он не настойчиво и нервно, как доктор, а медленно, периодически дожидаясь пока Анжелика переведет дыхание.

- Все, - переворачивая кружку вверх дном, произнес боец, обращаясь к доктору. Когда он отошел к столу, девушка заметила что у стены стоит дубинка обмотанным тряпками навершием.

- Замечательно, - между тем произнес доктор и, сверяясь с бэйджиком Анжелики, начал что-то заполнять, сидя за своим столом.

Военный между тем подошел, освобождая Анжелика от ремня и разрезая ей стягивающие руки пластиковый зажим.

Анжелика шмыгнула носом, все еще чувствуя жжение в носу. Потрогав руками окровавленное лицо, она слизла тягучие капли с пальцев и шмыгнула. Военный молчал, доктор писал, Анжелика ждала объяснений. Наконец, доктор поставил последний росчерк, захлопнул тоненькую книжицу и поднялся.

- Возьмите, ваша новая медкарта. Не вздумайте потерять, предъявляйте по первому требованию.

После недолгой паузы доктор заговорил вновь – теперь его голос был не таким мерзким.

– Поздравляю, вы прошли стресс-тест. Прошу простить за дотошность - вы оказались единственной пассажиром рейса «семьсот семьдесят один» с отрицательным результатом на новый вирус бешенства.

- Что? – сглотнув, машинально переспросила Анжелика, отказываясь верить в услышанное.

- Единственная из ста двадцати семи проверенных пассажиров, - лицо доктора вдруг помрачнело.

- А… а мама…что с ней? – внезапно севшим голосом прошептала Анжелика.

- Не волнуйтесь, все люди с положительной реакцией помещаются на стационарное лечение в специально оборудованной лечебнице. Есть надежда, что в скором времени от нового вируса бешенства будет найдена вакцина.

Доктор произнес эту тираду быстро и безэмоционально, как заученный заранее текст.

- Возьмите памятку гражданским лицам, и следуйте за мной, - прогудел вдруг военный, не давая беззвучно рыдающей Анжелике сползти на пол. Передав бумаги, он же сунул ей в руку тряпку, заставив прислонить ее к лицу, сдерживая бегущую по подбородку кровь.

Не видя ничего перед собой, девушка вышла из здания, и тут же военный передал ее с рук на руки провожатым.

- Прости, красавица, я не специально тебя бил, - мягко тронула девушку огромная лапа за плечо.

Шмыгнув, Лика кивнула и последовала за двумя солдатами, сжимая полученный прямоугольник медкарты, бэйджик и листок с памяткой, прижимая ко рту окровавленную тряпку.

Дальнейшее Лика помнила плохо. Ее провели в блестящий ярким светом терминал аэропорта, разместили в разграниченном отсеке, участливая девушка в синей форме помогла разобраться, получить собственный багаж, показала где можно принять душ и привести себя в порядок.

В подготовленном и огороженном на месте бывшего зала ожидания жилом отсеке была на удивление пусто. Лишь постепенно, к позднему вечеру сюда начали приводить еще людей, в основном подавленных. Многие женщины плакали так же беззвучно, как и Анжелика.

Горевать она разрешила себе до утра. Поднявшись с кровати чуть ли не раньше всех – спать едва получилось и приведя себя в порядок, она собралась на четвертый этаж, в бизнес салон. Пора было встраиваться в систему.

Глава 22. Сергей

06 октября, день

Сознание возвращалось понемногу. Голова болела так, что казалось – сейчас вот-вот расколется на части. Во рту язык прирос к гортани, двхание сипло проходило через пересохшее горло.

Я застонал и попробовал пошевелить руками, ногами. Неудачно – издал только сиплый вдох, с трудом прошедший через пересохшее горло.

Глаза открывать не хотелось. Интересно, что я там увижу?

«Ну-ка, вспоминай» - сказал я сам себе.

Так.

Волхов, дом родной, платная стоянка, где машину оставил. Расстроенная, что без нее улетаю подружка, поезд Питер-Москва. Стас со мной не полетел, потому что у него на работе проблемы. А дальше?

Дальше меня мгновением мазнуло сладостью воспоминаний по хронологии – Вика, Марина, Катя, а после… а после сразу вспомнил все остальное даже открыл один глаз. Второй тоже, чуть позже.

Я лежал на песке, чуть приподнятая голова покоилась на чем-то типа подушки. Тут раздался очередной – последний звук глухого удара, и неподалеку в ореоле брызг в воду упало тело. Выругавшись вслед и что-то добавив на своем, Махмуд, отбросившей тело в воду, двинулся в мою сторону. В руках у него была небольшая бейсбольная бита.

Взяв пятисекундный таймаут и зажмурившись, я попытался привести мысли в порядок. Когда открыл глаза, увидел, что Махмуд направлялся не ко мне. Сейчас он аккуратно пытался переложить на бок Марину - явно нервничая и не зная как ухватиться. Лежала она все в той же позе лягушки, из чего я сделал вывод, что в отключке был совсем недолго. Девушка между тем сдавленно застонала, но помогла растерянному узбеку – пошевелившись, попытавшись выпрямиться, подогнула ногу, и Махмуд очень бережно уложил ее набок.

Пока узбек укладывал девушку, дрожащим голосом с усилившимся от волнения акцентом интересуясь ее самочувствием, я перевел взгляд на бородатого насильника, барахтающегося в легкой волне. Морской пена над ним была красного цвета.

- Брр… - даже передернул плечами я, когда руки вспомнили ощущение сминаемых человеческих яиц. Машинально я перевел взгляд на свои ладони и едва сдержал приступ тошноты – все мои предплечья были извазюканы в крови и серой слизи, смешанных с песком. Почувствовав неотвратимую тошноту, я закряхтел как старый дед и поднялся. С трудом двигаясь, зашел в воду, обходя отказывающегося тонуть навсегда насильника. Руки и ноги у того были перебиты под немыслимыми углами – Махмуд битой поработал, видимо.

В тот момент, когда ног коснулась морская вода, снова испытал отголосок чувства иррационального страха и отвращения, но в этот раз переборол его быстрее, чем недавно на отельном пляже. Зайдя в море по пояс, начал смывать чужую биомассу с себя.

Отмыв руки, умылся, а после принялся тщательно вымывать из волос подсохшие колуны крови (откуда там то?). В процессе нащупал шишку от удара, которым меня узбек выключил. И только сейчас глянул на Махмуда, который по-прежнему сидел на коленях рядом с Мариной.

Ладно, пора в себя приходить. Быстро окунувшись пару раз, чувствуя, как притупляется немного боль и возвращаются силы, вышел на берег. Стараясь не смотреть на труп с разорванным лицом, обошел узбека и присел на колени рядом с Мариной.

Девушка тихонько поскуливала, лицо ее исказила гримаса боли, глаза были закрыты.

Я попытался заговорить, но получилось не с первого раза. Впрочем, с каждым произнесенным словом речь давалась все легче и легче.

- Марин, Марин, это Сергей. Все хорошо будет, Марин, сейчас мы тебя увезем отсюда, к доктору. У нас в отеле хороший, очень хороший доктор, он тебя сразу вылечит. Марин, все хорошо, никто тебя больше не обидит…

Продолжая гладить по волосам девушку, я посмотрел на Махмуда и красноречиво зыркнул на труп неподалеку.

- Обыщи, - негромко произнес я, когда узбек непонимающе нахмурился.

Кивнув, Махмуд метнулся к трупу, посмотрел у него по карманам, выгребая оттуда разный мелочный хлам, документы, смятые купюры.

- Ключи от машины, - подняв голову от девушки, которую продолжал успокаивать, негромко сказал я и снова посмотрел на Марину.

Казавшаяся сейчас беззащитной и хрупкой девушка лежала вся сжавшись, пытаясь закрыть лицо руками. Я с ненавистью рассматривал широкие ссадины на ее коже, , подсыхающую кровь на ягодицах и бедрах. Было очень обидно, что насильников нельзя убить еще раз – сейчас я бы это не сделал так быстро.

- Марин, давай я тебя сейчас отнесу в машину и мы поедем в отель. Хорошо? Марина, ты меня слышишь?

Слышала – ее голова чуть дернулась и девушка мелко кивнула.

- Сейчас я тебя отнесу в машину, и мы поедем к доктору, сейчас, сейчас, - осмотрелся я и наткнулся взглядом на Махмуда, - ключи нашел?

Ключи Махмуд нашел. Рядом с кальяном лежали.

- Водить умеешь? – посмотрел я на Махмуда.

- Да, - кивнул узбек, но как мне показалось без особого энтузиазма.

- Беги наверх, заводи машину, - быстро сказал я Махмуду и пошел к Марине.

Очень аккуратно повернул ее и, пытаясь успокоить, все повторяя на ухо разные глупости, напрягся, поднимая. Марина тут же застонала от боли, но я уже нес девушку по тропинке. Несколько раз едва не оступился – после каждого резкого движения следовали болезненные стоны девушки.

Когда укладывал Марину на заднем сиденье, она что-то начала тихо говорить.

- Что? Что? – наклонившись и почти прислонившись ухом к обветренным, потрескавшимся струпьями губам, переспросил я.

Марина просила какую-нибудь одежду. Надо же, а я даже не подумал об этом, не воспринимал как-то, что она голая – слишком много на ее коже подсохшей крови и ссадин.

- Сейчас мы за сумкой с твоими вещами съездим, - произнес я.

- К автобусу? – Марина даже приоткрыла глаза, - Сереж, не надо, там опасно…

- Что там? – удивился я, - мы только что там были…

- Там бешеные, там убивали всех… - Марина зажмурилась и всхлипнула.

- Да ладно, нет там никого сейчас, мы недавно там были, - погладив по голове, успокоил я девушку, - потерпи, сейчас за вещами, а потом к доктору.

Махмуд уже сидел на водительском месте, в ожидании барабаня пальцами по оплетке руля.

- Погнали, - хлопнув дверью, уселся я на пассажирское сиденье.

Гольф сразу дернулся, но тут же заглох. В тишине раздался болезненный стон Марины с заднего сиденья.

- Ты чего? - обернулся я к Махмуду.

Тот, помотав головой, снова завел машину, включил первую передачу, но снова гольф, на мгновенье рыкнув мотором, подавился и заглох.

- Ты же сказал, что умеешь водить, - удивленно проговорил я.

- Иэй, умею, просто тут сцепление [такое плохое]…

- Слышь, сцепление… вылезай давай, - покачал я головой, выпрыгивая на улицу и оббегая машину.

От резких движений голова заболела еще сильнее, хотя казалось дальше некуда..

- Ты нахера меня вырубил? – сев за руль, посмотрел я на узбека, стоило только ему на пассажирское сесть.

- Ты себя бы видел! – расширил глаза Махмуд. Глаза такие, рычал страшно, еще и яйца тому оторвал!

- Испугался, что ли? – хмыкнув, тронул я машину с места.

- Нет, блядь, не испугался, - насупился Махмуд, отворачиваясь к окну. – [Очень испугался], реально, - произнес он негромко и другим тоном, не оборачиваясь.

- Слышь, а что здесь со сцеплением? – включая третью передачу и разгоняя машину по грунтовке, спросил я узбека.

Отвечать тот не стал, надулся только снова.

Глава 23. Сергей

06 октября, вечер

- Ух ты [ничего] себе! – удивился Махмуд, когда зарулив в ворота отеля, мы увидели две туши автобусов неподалеку от здания рецепшн.

Проехав еще немного, мы вдруг оказались под дулами автоматов. У самых автобусов, перед широкой площадкой путь нам преградили два широких смуглокожих рэмбо – оба в черных разгрузках поверх черных маек, черных кепках и черных тактических перчатках. Быстро обернувшись, увидел, что позади тоже стоят несколько похожих воинов, и секунду посомневавшись, все же решил обойтись без попытки геройского прорыва.

- Выйдя из машины, посмотрел в черные стекла очком ближайшего бойца.

- Здрасте, - дернул я подбородком и, шагнув к пассажирской двери, приоткрыл ее, - ви нид э докта.

Заглянув внутрь, боец кивнул и показал мне на вход приземленного здания рецепшен. И только сейчас я увидел с облегчением находившихся там парней из Швейцарии.

– Марин, подожди три минуты, сейчас будет доктор, - громко сказал я, обращаясь к девушке, съежившейся на заднем сиденье, и двинулся в холл здания рецепшн.

Здесь и вовсе были все свои. За одним из столов сидел Влад, старший помощник Лом в цветастой рубашке, наш русский доктор и смуглый кучерявый араб лет сорока. Лицо его было неуловимо знакомо - где-то я его встречал, вот только где?

Позади стола молчаливо стояли два бойца с оружием, но никаких признаков враждебности не проявляли.

- Серега! – поднялся с места Влад, увидев меня, - ну как?

- [Печально все], - кратко оценил я ситуацию, и обернулся к доктору, - мы Марину с собой привезли, она выжила, ее там… вы посмотрите? Она там, в такси на улице.

- Автобус в аварию попал, там трупов двадцать, если не больше, - произнес я, обращаясь к остальным, когда доктор поднялся.

- Это недалеко от Хелифе? – спросил меня араб со знакомым лицом на приличном русском. И тут я вспомнил – это тот самый аниматор, которого я видел в последний спокойный вечер жизни.

- Не знаю, может и Хелифе. Белый автобус в овраге, синяя полоска на боку.

- Да, мы проезжали там, но живых не видели, - кивнул аниматор-полиглот.

- Мы еще человек десять нашли, но они в деревне сейчас, у местных.

- Где? – спросил аниматор, кивком показав мне в сторону расстеленной на столе карты.

Склонившись над картой, я за несколько секунд сориентировался и показал на один и населенных пунктов по дороге.

- Вроде здесь.

- Окей, - кивнул араб, - заедем туда, заберем их.

- Куда? – негромко переспросил я.

Араб не ответил и, бросив выразительный взгляд на Влада, поднялся.

- Организовывай, сейчас я подойду, - кивнул тот в свою очередь старшему помощнику Лому.

- Что происходит? – спросил я у Влада, когда Лом вместе с полиглотом удалились в строну выхода.

- [Печально все], - дал краткую оценку ситуации Влад, - а ты про что?

- Да вообще, - пожал я плечами, - что в отеле происходи. Что в мире.

- Эти на двух автобусах приехали, эвакуируют всех во временный лагерь, - кивнул в сторону аниматора и столпившихся поодаль вооруженных арабов Влад.

- Он у них главный, что ли? – удивился я.

- Кто?

- Аниматор?

- Да нет, Самир переводчик.

- А это кто с ним? Военные?

- Там как понимаю сборная солянка - и военные, и полиция. Короче, здесь началась эпидемия неведомой [болезни], аэропорты закрыты, хаос и [беспорядки]. Армия начинает вывозить из

туристической зоны в лагеря размещения женщин и детей, наших сейчас всех заберут в карантин.

- А остальные?

- Остальные здесь пока, - пожал плечами Влад, - людей у них мало, сразу всех вывезти не могут.

- Так может ну его [к черту] эти карантины? Как-то стремно звучит – лагерь временного размещения, если ты понимаешь, о чем я.

- Знаешь, что Самир сказал?

- Ну?

- Представители Российской Федерации связались с их правительством и пообещали в ближайшее время оказать гуманитарную и военную помощь властям Туниса. Поэтому русских туристов в первую очередь сейчас вывозят из опасных мест в карантинные лагеря.

- Да ну [не верю, серьезно?]

Несмотря на неприятные запахи испорченных продуктов, исходившие из находившейся неподалеку отельной кухни, на меня повеяло сладким и теплым дыханием родной страны, которая нас, оказывается, не забыла и даже вроде как не собирается бросать.

- Не, ну может он [соврал], конечно, - пожал плечами Влад, - но мы с народом посоветовались и решили поверить.

- Не, на самом деле нас спасать будут? А американцы, европейцы?

- [Черт его знает], - пожал плечами Влад. - Европейцев же почти всех сразу вывозили, в самом начале, но это тоже мутно – Самир говорит, в аэропортах [плохо все], так что… А по американцам - Самир сказал, что если увидит кого, то сам с удовольствием его [пристрелит]. Кстати, французов видел – крутятся среди местных советники, я четверых точно срисовал, серьезные парни.

- Слушай, а как Лома зовут? – невпопад поинтересовался я.

- Лом его зовут. Петр Ломов, но на Петю может не среагировать.

- И что, мужчин завтра заберут. А остальных? Ну, которые…

Влад покачал головой и опустил взгляд.

- Ну, говори, я вообще последний день все помирать собираюсь, все никак.

- Никого из серьезно раненых и с признаками бешенства забирать не будут.

- Почему?

- Вирус вроде бы – но это не точно, передается через кровь и половым путем. Самир сказал, что есть указание никого со свежими ранами не брать. Также настойчивая просьба пока всем воздержаться от половой [жизни].

Катя. Нет, с Катей я в шляпе был.

- Марину изнасиловали жестоко, она там вся в кровище, - кивнул я в сторону выхода.

Хотя Катя мне минет по-взрослому делала.

- А через рот? Ну, там целоваться если?

Влад не ответил, просто плечами пожал, показывая, что не знает.

- Еще, Серег. Самир сказал, что вроде бы… вроде бы, вирус цепляет не всех. Но точно он пока сказать не может, это только слухи.

Больших трудов мне стоило сдержаться.

- Ясно. Что теперь, ночь переждать и завтра остальных заберут? = проговорил я, стараясь скрыть эмоции и не поддаться надежде, могущей оказаться напрасной.

В принципе, поборемся еще. Есть тут дела незаконченные, надо постараться – вдруг получиться в зомби не обернуться.

- Ночь переждать, это легко сказать, - закурил между тем Влад, - Самир сказал, что те бешеные… ну, которые в край уже [укушенные], а не почти живые как ты сейчас, ночами активизируются. Днем появляются самые отмороженные, а вот остальные по ночам на охоту выходят.

- Прошлую то ночь переждали, - пожал я плечами.

- Так прошлой ночью и зараженных меньше было. Самир сказал, что Набелю вот ночью [конец] пришел. Лучше туда сейчас даже не соваться.

Глава 24. Махмуд

06 октября, вечер

- [Черт-черт-черт]! – едва не плача, повторил Махмуд, наблюдая как барахтающийся Сергей пытается заползти в море, сопротивляясь лениво накатывающимся волнам.

- [Черт-черт-черт]! – снова повторил узбек, оглянувшись назад. Там, метрах в десяти, понемногу скапливались бешеные. Сейчас их уже было человек десять. Кто-то из них стоял, кто-то припал на четвереньки, будто животное поводя ощеренным лицом, кто-то наблюдал в полусогнутом состоянии, явно приготовившись к прыжку. Но пока никто не подходил.

- Воды боитесь, [твари]?! – прогоняя свой страх, закричал Махмуд, но голос его чуть было петуха не дал. – [Киборги], - зло выдохнул узбек в сторону бешеных, вновь оборачиваясь к обезумевшему Сереге, который уже далеко забрался.

Махмуд прищурился, наблюдая за тем, как его друг скрылся под водой. Там сейчас только колыхание волн заметно, да изредка мелькали светлые пятна рук под водой. Походу, утонул.

- [Какая плохая ситуация], - выдохнул Махмуд, сел на колени и закрыл в отчаянии лицо руками. Краем глаза, впрочем, наблюдая за скопившимися поодаль бешеными.

Вдруг со стороны моря раздался крик – быстро развернувшись, Махмуд увидел, что Серега взвился из воды в ореоле серебряных – свет луны, брызг.

Орал и бесновался на месте, приплясывая, он долго и громко - нескончаемый крик несся над поверхностью моря. Все, обернулся в зомби.

- Иэй, [плохой шайтан], - шмыгнул Махмуд, с силой ударив кулаком в песок.

Чувствуя, что глаза повлажнели, узбек поднял взор к небу, и хотел было просить Аллаха о помощи, но постеснялся – ему показалось это очень наглым, после выпитых двух бутылок пива.

Серега продолжал прыгать в воде, исходясь бессвязным криком.

- Ну [зачем] – в отчаянии спросил Махмуд. [Зачем] ты орешь, а?!! – нервы у узбека не выдержали, и он сам сорвался на крик.

Сергей выпрямился, глядя на Махмуда, но тут одна из волн – больше остальных, ударила его по спине, заставив упасть вперед и глотнуть воды. Поднявшись, он пошел в сторону берега.

- Иэй, - дернулся узбек, вскакивая на ноги, столкнувшись взглядом с пугающе черными провалами глаз. Почувствовав холодок страха, Махмуд поднял биту и отступил на несколько шагов, то и дело оглядываясь в сторону бешеных, по-прежнему сгрудившихся неподалеку.

- Член ширинкой прищемил, - вдруг произнес Сергей.

- Щито? – не справился Махмуд с голосом.

- Член, говорю, ширинкой прищемил нечаянно, - оскалился Сергей, - вот и орал.

- Ай ты [нехороший человек]! – крикнул Махмуд, почувствовав, как у него из груди рванулся облегченный вздох.

- А мне все… [все равно]! Я сделан из мяса! Самой страшное! Что может случиться! Стану […]! Стану […]! – неожиданно запел Сергей и принялся прыгать в воде как обезьяна, поднимая тучу брызг.

- Серега!

- Я на севере была, золото копала!!! Если б не моя […], с голоду б пропала!

- Серега, ты чего?

- Я приехала в колхоз, имени Мичурина! Так и знала […], словно сердце чуяло! У-ух!

- Серега!

- А?!

- Ты [дурак что ли совсем]? Зачем орешь?

- Махмуд! Я чувствую, понимаешь, мне кажется, я теперь могу сдерживаться!

- Это просто супер, брат. Но зачем так орать то?

- Тебе жалко?!

- Да мне-то [нет], но вот им твои крики, похоже, не очень нравятся, - показал большим пальцем за плечо Махмуд и сам обернулся.

- [Ух ты]… а чего их так [удивительно много]? – удивился Сергей, осматриваясь по сторонам – у сарайчика пляжного бара, у лестницы

бассейна и у пляжного ресторана расположилось не менее трех десятков бешеных.

- Иэй! Тебе намекнуть на чьи крики они пришли, или сам догадаешься с одного раза?! – даже чуть подпрыгнул от возмущения Махмуд.

Глава 25. Марина

06 октября, поздний вечер

Первым желанием было открыть глаза, но Марина не стала этого делать. Страшно.

Было очень больно. Больно везде, но между ног в особенности.

«Как мне в туалет теперь?»

С удивлением Марина поняла, что за последние несколько минут ее никто не тронул. И боль - которая есть вместе с ней, она одна, новая не появляется и вот сейчас никто ее больше не насилует. Боясь блеснувшей надежды, Марина начала дальше анализировать свои чувства и ощущения. Под ней явно была простынь. Чистая, свежея. Легкое одеяло.

Очень, очень осторожно Марина открыла один глаз. И тут же закрыла, увидев рядом с собой силуэт. Ощущение окружающего мира вернулось к девушке полностью и, наконец-то услышав звуки вокруг, она испуганно вздрогнула.

Рядом кто-то сипло дышал. Поодаль кто-то ворочался, покашливая. Но не это испугало девушку - издалека неслись такие звуки,от которых у Марины застыла кровь в жилах и даже боль отступила, уступив место паническому страху.

Ад Данте – так можно было охарактеризовать звуковой фон. Далекие, но чсно слышимые в ночи истошный вой, агрессивные возгласы и совем непохожие на человеческую речь крики…

«Я сошла с ума» - всхлипнула Марина, понимая что нормальному человеку такое мерещиться не может. От жалости к себе - и от вернувшийся боли она едва слышно застонала.

- Мариша, Мариша, солнышко, - зазвучал вдруг рядом знакомый голос, а на голову невесомо легка легкая рука, поглаживая по волосам.

Не в силах поверить, Марина потянулась вверх и открыла глаза.

- Мариш, это я, Вика, - донесся до девушки шепот.

При этом леденящие кровь звуки с периферии слуха никуда не пропали.

Открыв рот, Марина напряглась и попыталась что-то сказать. Получилось не стразу – поначалу изо рта вылетали только тихие

сиплые выдохи.

- Пить хочешь? – спросила вдруг Вика.

Она поднялась, засуетилась - вскоре сразу несколько сильных рук аккуратно и мягко приподняли Марину, подложив ей под голову еще подушку. Сначала девушке обмакнули губы тряпкой, после чего постепенно, по глоточку, она выпила целую кружку воды.

Марина наслаждалась каждым глотком, а после откинулась на подушку, обессилев.

- Вика, я с ума сошла, - вдруг прошептала Марина.

- Что такое? Мариш, все нормально, ты чего?

- Вик, у меня в ушах шум какой-то… стоны, рычание, вопли…

- Солнце, это не у тебя в ушах, это на улице, ты чего… - погладила по волосам подругу Вика. – Мы-то нормально, это весь мир с ума сошел, - шепнула она Марине. – На вот, таблетку выпей, обезболивающее хорошее, - почувствовала прикосновение к губам Марина, - доктор сказал тебе сейчас поможет…

С трудом и болью проглотив капсулу, Марина лежала на кровати, чувствуя, как понемногу боль отступает, а на смену ей приходит тянущая слабость.

Но неожиданно, когда она уже почти заснула, в вопли за окном вплелись чьи-то дружные крики. Марине даже показалось, что это какой-то варварский напев. Но постепенно девушка понимала, что кричат на русском - но слова разобрать никак не получалось. Несколько человек, находившиеся рядом в комнате, шепотом переговариваясь, подошли к окну, осторожно выглядывая на улицу.

Вдруг эхо звучавшего с улицы напева повторилось совсем рядом.

- [Давай]… Альбина, [давай]… забудь про макияж, ведь он тебе не пригодится… [Давай]… Альбина, [давай]… с тобою дружный наш девятый бэ…

Некоторое время Марина не могла понять, что же за отголосок эхом сопровождает крики с улицы, но вскоре до нее дошло, что это сидящий подле Вики на кровати Влад тихонько подпевает пошлому напеву.

- Владик, это что? – спросила его Вика негромко.

- А ты голоса не узнаешь? Вроде эти, отмороженные…

- Сережа с Махмудом?

Глава 26. Сергей

07 октября, утро

Как взошло солнце, людей вокруг стало как-то много и разом. Не обращая на них внимания, я сидел и ковырял грязь под ногтями, изредка поглядывая на Махмуда. Узбек сидел неподвижно, сосредоточенно глядя в одну точку.

Черт его знает, что у него в голове творится.

- Ух ты епта… - послышался удивленный голос Влада рядом. Взяв стул, он поставил его у соседнего. Молча я, наклонив голову, посмотрел на него с болезненным прищуром – яркий солнечный свет доставлял неудобства.

Неожиданно Влад опустил глаза и даже, как мне показалось, захотел встать и просто уйти.

- Да, поспать вы нам не дали, - произнес он, наконец.

Я отвечать не стал, просто пожал плечами. В глаза он мне по-прежнему не смотрел.

- Простите, - неожиданно выдохнул Махмуд. Влад быстро глянул на него, но узбек глаз не поднял, так и сидел, уставившись в одну точку.

Люди рядом негромко и смущенно переговаривались. Ну да, было отчего – белое покрытие пола перед бассейном, баром и во многих местах было густо заляпано кровью. Тот тут, то там лежали трупы бешеных. Немного - здесь мы только человек семь оприходовали. Один валялся совсем рядом с нами, раскинув руки и упершись щекой в поверхность. Лицо бешеного было обезображено гримасой, а чуть вышел лба в черепе была крупная дырка, из которой вывалилась серая масса мозгов. Это Махмуд исполнил, кстати, заменив сломавшуюся у него в процессе бейсбольную биту на клюшку для гольфа.

Но херня, парни еще на пляже не смотрели. А уже – услышал я сдавленные возгласы. Да, сегодня там точно вряд ли кто загорать будет. Постарались мы на славу – ночью бешеные все набегали и набегали. Хорошо они воды боятся – мы всю ночь их на границе иррационального страха держали, понемногу убивая. Ближе к утру только, когда немного осталось, сами в атаку пошли.

- Круто вы, - покачал головой Влад.

- А то, - пожал плечами я. Безразлично впрочем - внутри меня творилось непонятно что. Пустота какая-то. Вроде руки те же, ноги те же, да и все остальное… побитое, но родное. А вот сознание… даже не сознание, а мысли, мироощущение изменилось. Как будто я, тот самый я, который уже двадцать пять лет я, смотрит сейчас со стороны на свои действия.

Почувствовав на себе взгляд, я резко обернулся. Высокий парень в белой рубашке, столкнувшись со мной глазами, даже отшатнулся.

- Что смотришь? – неприязненно поинтересовался я. Парень отвел глаза и счел за лучшее отойти, не отвечая.

- Ты себя в зеркале видел? – спросил меня Влад.

Я обернулся к нему – явственно услышав как высокий парень облегченно выдохнул.

- Не, не видел, - покачал я головой, - что такое?

- Да [вообще], - произнес вдруг Махмуд, - непричесанный, неумытый, зубы не почистил. Страшное зрелище.

Влад только кивнул согласно.

- Мда? – поднял я бровь, - пять сек, схожу, посмотрю.

Влад поднялся и пошел следом за мной. Наверное для того, чтобы я никого не напугал, если уж действительно так все плохо.

У большого зеркала в холле стоял несколько минут, всматриваясь. Потом сделал шаг вперед, рассматривая себя поближе.

Ну да, было чего пугаться: лицо стало осунувшееся, острое, с ощеренным злым выражением, хотя я даже не старался ни разу. Бледная, неживое какое-то – а на висках явственно видны черные ниточки вен. Но самое страшное – глаза. В глубоких, потемневших почти до черноты впадинах; зрачок булавочный, как у героинового торчка. И белок больше не белок – он стал мутного, желто-красного цвета.

Красавец.

- Лучше бы не смотрел, - пожал я плечами и глянул на Влада. - Завтраком нас накормишь?

- Конечно, сейчас распоряжусь.

- Чаю нам еще! – крикнул я ему вслед. – Пожалуйста.

Влад, двигавшийся в сторону кухни, не обернулся. Я вознамерился было вернуться к столику у бассейна, но вдруг увидел

знакомое платье.

Подходить не стал. Катя сама подошла. Сначала быстро, но по мере приближения все замедляя шаг.

- Сережа… - прошептала девушка, неотрывно глядя мне в лицо.

Не отвечая, я просто кивнул. Ну да, Сережа.

Катя вдруг всхлипнула и закрыла лицо руками. Но глаза блестели из-под пальцев, взгляд она не отвела.

- Да. Вот так, - коротко произнес я и развернулся, уходя.

- Сереж, - окликнула меня девушка. – Выздоравливай, - произнесла она, когда я обернулся.

- Постараюсь, спасибо. Ты держись.

Оставив ошарашенную девушку, я вышел на улицу и снова уселся рядом с узбеком.

- Ты как?

Вопрос остался висеть в воздухе, Махмуд так и сидел, буравя пространство взглядом.

- Слушай, что-то мне [плохо], - произнес он, наконец.

- Хочется кого-нибудь убить?

- Да нет, - пожал плечами узбек, - пока нет, вроде…

- Но бесят все, да?

Махмуд помолчал, прислушиваясь к себе.

- Да… как-то не знаю, но что-то вроде того, - наконец облек он свои мысли в слова.

Уже когда с по-прежнему задумчивым Махмудом мы пили чай, во двор отеля въехал армейский джип и один автобус. Часть колонны осталась на дороге – недалекая речь громкоговорителя, вещающего сразу на нескольких языках, доносилась отчетливо.

Что именно говорили, не вслушивался, глядя на лазурное море неподалеку. Периодически отрывая взгляд, скользил взглядом по свертку мозгов бешеного, веревкой лежащих рядом с его головой.

Думал о том, что вокруг море красивое, безмолвное и безразличное.

- Все парни, уезжаем, - послышалось позади.

Обернувшись на стуле, я посмотрел на Влада и кивнул.

- Вот, держите, - сделал он к нам пару шагов и положил на стол автоматическую винтовку. Я благодарно кивнул, а вот Махмуд не отреагировал - все так и сидел, буравя глазам стол.

- Ну, до встречи. Лагерь помните если что, где находится, - произнес Влад выжидающе.

- Угу, - поднявшись, я протянул ему руку. Махмуд тоже отвлекся от своих думок. Когда он пожал руку Владу, тот развернулся и быстро, почти бегом направился к автобусам. Довольно долгое время мы с Махмудом сидели неподвижно, а после я потянул винтовку к себе.

- Жесть какая, - прокомментировал я оружие, рассматривая.

Выглядит как настоящая - пучок пламегасителя, часть ствольной коробки металлическая. А вот дальше – весь корпус в пластике, спусковая скоба обхватывает всю рукоятку, как эфес шпаги. Да и вместо спускового крючка – кнопка. Конструкция винтовки выглядела непривычно толстожопо – очень большой приклад со спрятанной внутри затворной группой, да и ребристый магазин добавлял визуального веса и объема винтовке. Поднявшись, я взял оружие наизготовку.

А ничего так, ухватисто. Хотя и непривычно очень. Хм, да и окошко экстрактора прямо рядом с лицом. Но в принципе, несмотря на где-то игрушечный вид, нормально выглядит, пусть и похоже на бластер.

Отойдя на несколько шагов, я разобрался с предохранителем и переключателем режимов огня и, прицелившись, выстрелил в декоративную тумбу с цветами неподалеку.

Грохнуло гулко, серьезно, совсем не по игрушечному.

- И-эй, предупредить мог?! – недовольно спросил Махмуд, подскочив от звука выстрела.

- Ты зол? – заинтересованно спросил я, подходя к столу и распихивая оставленные Владом магазины по карманам. Джинсы сразу раздулись. На два магазина карманов не хватило, запихнул за пояс.

Тут Махмуд что-т выговорил по-узбекски, с неприкрытой ненавистью глядя на меня.

- Э, тихо ты, - сделал я несколько быстрых шагов назад. – [Черт]! – скользнула моя нога на склизких чужих мозгах. Взмахнув руками, я удержал равновесие и отошел еще немного.

- Махмуд, тормози! – снова глянул я на узбека.

Тот, насупившись, поднялся, сверкнув глазами.

- Э, э, братиш, даже не думай, - покачав головой, отступил я еще немного.

Махмуд сделал два шага и вдруг рванулся ко мне. Развернувшись, едва не грохнувшись, когда скользкая от чужих мозгов подошва чиркнула по полу, я побежал прочь. Легко перелетев через ограждение бара, пронесся мимо столов, прыгнул еще раз и, пролетев несколько метров вниз, приземлился на лужайку. Выровняв шаг, обернулся на бегу.

- [Ух ты]! – выдохнул я: Махмуд бежал за мной. Молча. И был совсем рядом.

Вот сейчас я побежал так, как давно не бегал, аж ветер в ушах свистнул. Пронесшись мимо корпусов, я перепрыгнул через несколько скученных и перевернутых шезлонгов. Мимо мелькнула комплекс водных горок, прямо передо мной метрах в двадцати был забор отеля.

«Лево, право, куда?» - заметались мысли.

Не останавливаясь, я выпростал в сторону руку, вцепился в ограждении лесенки, и под хруст плечевого сустава резко развернулся.

Хоп, а мог бы и не рисковать себе руку вырвать – узбек остановился. Он сейчас стоял неподалеку от бассейна и, не отрываясь, смотрел на меня.

Забежав на вершину комплекса горок, я вытер пот со лба и попытался выровнять дыхание, ожидая пока оно прекратит мне горло драть.

- Махмуд! – крикнул я, как только более-менее успокоился.

Узбек не ответил, только ощерился, чуть склонившись и наблюдая за мной.

- Махмуд, скажи что-нибудь! Пожалуйста, а?

Да, как же.

Наверное, сейчас надо действовать быстро.

Но может, подождать пока у него само пройдет?

А если не пройдет?

Подогнув одну ногу, я присел на пластик желоба горки и медленно-медленно начал съезжать вниз, приближаясь к узбеку. Тот ощерился и негромко зарычал. Черты лица его страшно - еще вчера меня это зрелище могло напугать.

Но не сейчас – эмоции внутри будто притупленными были, далекими. Да, страшно, но отстраненно страшно. Наверное, так врач,

ампутирующий кому-то ногу, сопереживает чужой боли. Далеко, отстраненно.

- Махмуд! – я уже почти съехал вниз - голубая вода бассейна была почти рядом.

Узбек наклонился чуть вперед, его верхняя губа ощерилась в оскале, мелко подрагивая.

Подняв оружие, я встал и прицелился. Тщательно.

Махмуд зарычал громче. Понимает, походу. Выстрел рванул воздух, и узбек молча упал.

Вздохнув, я утер пот со лба и присел на пластик горки.

Еще вчера я, наверное, заплакал бы.

[Конец]. Это просто [конец].

Глава 27. Анжелика

07 октября, утро

Сигнал к подъему прозвучал в пять утра. Быстро приведя себя в порядок, Анжелика собралась было на четвертый этаж, но за ней пришли – молчаливая женщина в форме отвела ее в одно из помещений, которое занимали военные, и выдала комплект формы.

На все вопросы девушки суровая женщина или отвечала односложно, или не отвечала вовсе. Единственное что удалось добиться, было: «Баталов приказал».

Переодевшись, Анжелика, озадаченная коротким «ждать», осталась неподалеку от вещевого склада, рассматривая себя в отражении витрины закрытого магазинчика.

В общем и целом зрелище ей нравилось – она все-таки была очень красивой девушкой, и даже чуть мешковато сидящая форма, которую следовало бы подшить, не могла полностью испортить очарование ее фигуры.

- Красивая, красивая, - вдруг раздался за спиной до боли знакомый голос.

Мгновенно развернувшись на каблуке нового высокого ботинка, Анжелика не удержалась, взвизгнула и бросилась на шею высокому парню в камуфляже песочного цвета.

- Ладно, ладно, хватит уже… нежностей телячьих, - обнимая ее, произнес парень.

- Сашка… - всхлипнула Анжелика, - ты как здесь?

- Так получилось, - пожал плечами боец и коротко покосился себе на плечо.

- Ты же недоучился еще? – с удивлением девушка увидела на полевых погонах брата две маленькие вышитые звездочки.

- Ускоренный выпуск с присвоением звания и направлением в отдельную южную бригаду! – с легкой полуулыбкой отрапортовал Саша.

- Южная бригада? – отодвинувшись еще немного от брата, посмотрела ему на рукав Лика, увидев там шеврон на липучке в цветах российского флага.

- Да, - гордо кивнул Саша, - мне отец сказал, кстати, за тобой немного присмотреть.

- В смысле немного?

- Я здесь на несколько дней, после улетаю, - хмыкнул брат.

- Куда?

- Венная тайна, ты ж понимаешь, - улыбка у брата теперь была шире ушей. Но не такая добрая, как раньше.

Девушка отступила на шаг, внимательно осматривая брата. Она была очень неглупой, и почти сразу догадалась, куда может тот улететь. К тому же, при взгляде на его форму на ум так и просилось определение «тропическая».

- Папа знает?

- Знает, - кивнул Саша.

- И что он? Разрешил?

- Он когда узнал что я добровольцем пошел, сказал что мне [очень не повезет], когда встретимся, но после немного отошел и попросил за тобой присмотреть, раз уж так получилось.

- А мама?

- Батя говорит, она в больнице сейчас, куда всех инфицированных свозят - на карантине.

Анжелика почувствовала ком в горле и, прижавшись к груди брата, не справилась с собой и заплакала.

- Лика, не плачь, все хорошо будет, батя сказал, он знакомых напряжет. Все нормально с мамой будет. С тобой тоже, пойдем на вакцинацию сначала, потом к Баталову.

- Ты его знаешь?

- Не, не знаю. Но это батин кореш – они служили вместе, так что мне ему доложиться надо и тебя с рук на руки передать – батя сказал…

- Я тебе что, вещь, чтобы меня передавать?! – взбрыкнула Анжелика, - сама могу о себе позаботиться!

- Да можешь, можешь, я не спорю. Пойдем уже, - схватив сестру за предплечье, новоиспеченный офицер поволок сестру в сторону белых боксов, возле которых понемногу собирался народ, а люди в белых халатах и масках раздавали указания.

- Саш, уже вакцина есть?

- Да черт знает, - пожал плечами брат, - вроде как от обычного бешенства всем колят, а поможет или нет, это…

- Саш, кстати, - остановилась Анжелика, - а тебе… ну, никто не…

Брат остановился и, надув верхнюю губу по своему старому обыкновению – совсем как в детстве, посмотрел в сторону, избегая взгляда сестры.

- Саш, тебе… ну, никто не звонил?

- Да, Игорь твой звонил, - с раздражением произнес брат, по-прежнему глядя в сторону.

- И… что?

- Звонил и звонил. Привет-пока. Пойдем уже, - потянул он сестру за собой.

- Саша, стой! – топнув ножкой, вырвала руку Анжелика, - что он сказал тебе?

- Когда он узнал, что ты здесь, он сказал: «Ясно, всего хорошего».

- И все? – Анжелика почувствовала, как ее плечи невольно поникли, - у нас же свадьба весной.

- Да, и все. Лика, забудь, - приобняв девушку, в который раз увлек ее за собой молодой лейтенант.

- Все, забыла, - сжав губы, девушка выпрямилась. – Так куда ты говоришь, в Африку? Пойдем тогда.

- Куда?

- Баталова искать.

- Зачем?

- Ну, ты сказал – он же кореш папин.

- И?

- Не тупи, Саш. Я с тобой лечу.

- А…

- А что мне здесь делать? Погода мерзкая, жених [испорченным изделием] оказался. Там хоть тепло будет.

Глава 28. Эпилог

- Добрый вечер, в эфире воскресное время, и я…

- Здорово! - приподняв стопку, Семен Михайлович звучно выдохнул, выпил и занюхал рукой.

- …вместе с моими коллегами, репортерами Первого канала, я расскажу вам не только то, что происходила на этой неделе, но и…

- [Говори-говори], приятно слышать, - набычился Семен Михайлович, звонко хрустнув огурцом и взяв рукой исходящую жиром куриную лапу с тарелки, звучно вгрызся в нее зубами.

- …сегодня состоялось расширенное заседание кабинета министров, где с представителями большого бизнеса обсуждалось скорейшая реорганизация производств с переориентацией на рынки наименее пострадавших…

- Уроды, рожи наели, сволота… - прокомментировал картинку с министрами Семен Михайлович, вытер запястьем капельку жира с краешка губ, и подцепил вилкой крупную картошину. – Людка!!! – вдруг заорал он так, что занавески на кухне дрогнули.

- А?! – заполошно вбежала на кухню жена, которая в тесной ванной развешивала белье.

- Открой форточку! – снова впился зубами в курицу Семен Михайлович, - дебилы [настоящие], на улице не холодно, а они кипяток по трубам пускают!

Жена кивнула и, открыв форточку, быстро убежала дальше белье развешивать.

- Ну что ты мне чешешь, что ты чешешь? – невежливо посмотрел Семен Михайлович на симпатичную ведущую, продолжающую делиться с ним свежими новостями.

- Чего говорят то, Сема? – крикнула из ванной жена.

- Да чего они говорить могут? [Врут] все…

- О чем?

- Да как обычно, у всех все херово, а у нас… иэх! О […], а вот и он! – увидел на экране Семен Михайлович президента, который выслушивал вопрос журналиста.

- Никакой российской армии в Африке нет, - с легкой полуулыбкой зазвучал ответ журналисту от вольготно развалившегося в кресле президента.

- Но… - даже бессильно вскинул руки журналист, - те ролики, которые есть в интернете, там же ясно видно, масса людей в форме российской армии…

- Похожую на форму… да пойдите в магазин, купите там любую форму! – перебил покрасневшего от эмоций журналиста президент - он даже привстал в кресле и махнул рукой, удивляясь непонятливости собеседника.

- Но они так хорошо организованы, вся эта военная техника… они по-русски говорят! – не унимался журналист.

- Слушайте, - покачал головой президент, - это местные силы самообороны, спонтанно сформировавшиеся из наших туристов. Знаете, сколько военнослужащих за границей отдыхает? Да и не только военных – у нас, если вы не в курсе, всеобщая воинская обязанность, практически каждый мужчина имеет отношение к армии. Сейчас к тому же осень, в Африке не жарко, вот и поехали молодые лейтенанты на недорогие курорты. Мир посмотреть, да и себя показать… и мы все… и я очень рад, что в такой момент рядом с нашими туристами, попавшими в зону бедствия, буквально парализовавшего один из континентов, оказалось столько деятельных молодых людей…

- Ну [врет] же! – взъярился Семен Михайлович, даже стукнув по столу в сердцах. - Эээ, [черт], видеть его не могу!

- Сем, ну он же не может прямо сказать, что да, там наша армия, чтобы под шумок хапнуть нефть, алмазы, или что там еще в Африке есть, - выдала сходу поверхностный, но грамотный анализ геополитический обстановки вышедшая из ванной жена.

- [Много] ты понимаешь! - набычился Семен Михайлович, снова вгрызаясь в куриную ножку.